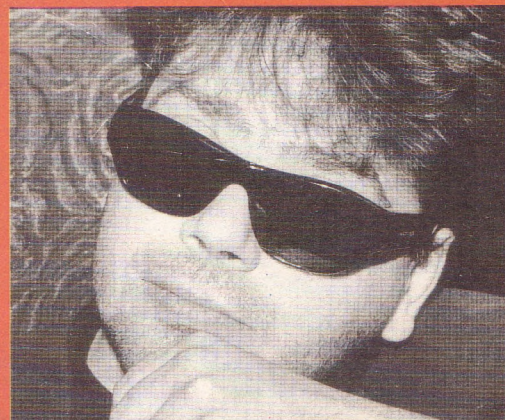

СТРОИТЕЛЬСТВО

№17 (179) 1994г.

**Валентин ЮДАШКИН –
Искусство
кройки
и ЖИТЬЯ**

страница 32

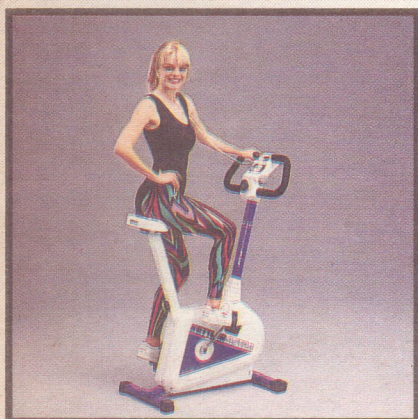
иллюстрированный еженедельник

Эм 76878

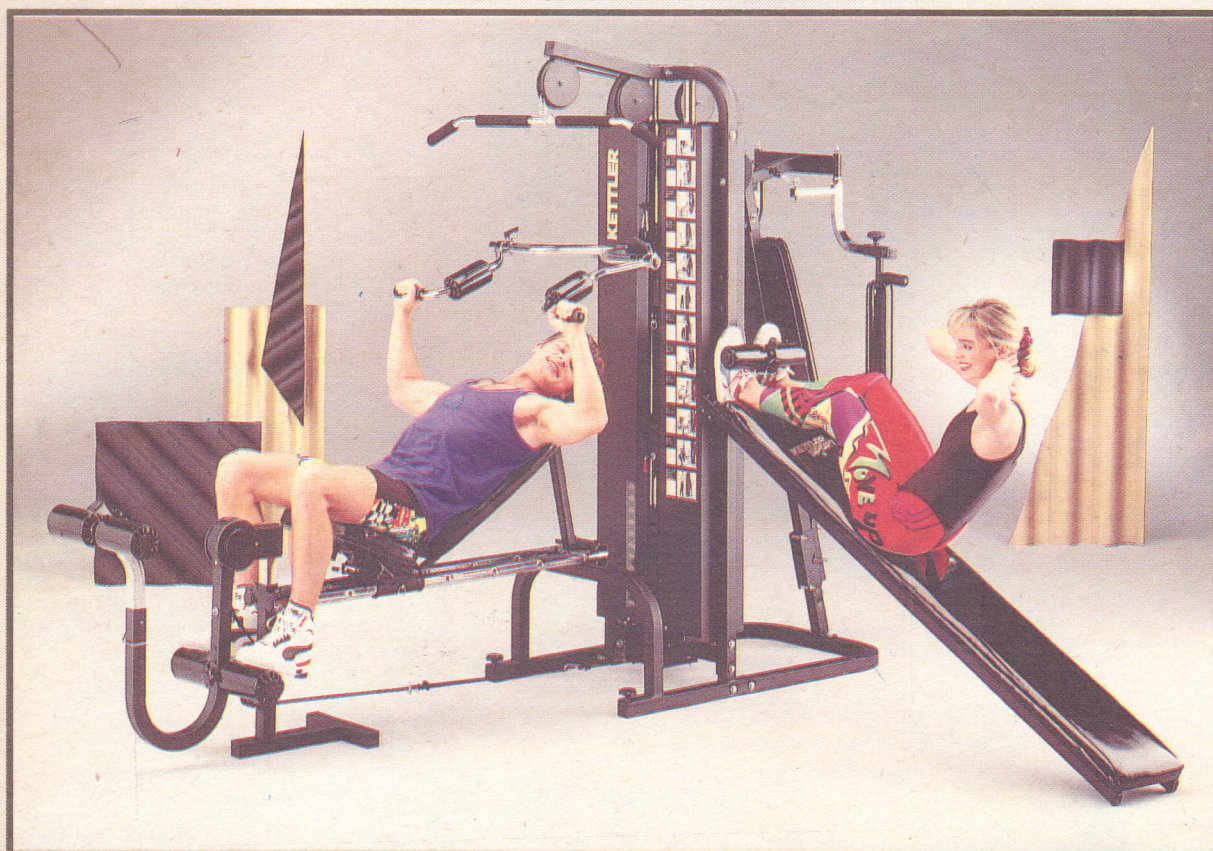
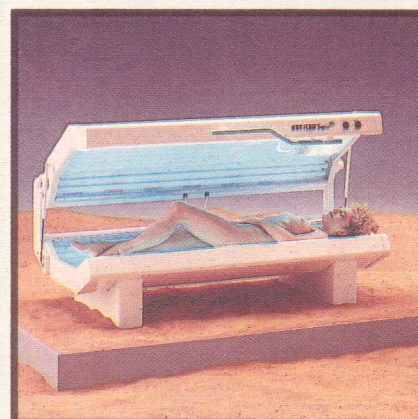
Фирма «Илион»

Путешествие в мир здоровья!

Московская фирма «Илион» представляет на российском рынке спортивно-оздоровительное оборудование всемирно известной фирмы «KETTLE».

- Велотренажеры и велоэргометры,
- Электрические и механические беговые дорожки,
- Степперы,
- Тренажеры, имитирующие греблю,
- Многофункциональные тренажеры для боди-билдинга,
- Солярии.

109004, Москва, ул. Таганская, 24, стр. 1
Тел./факс: (095) 271-01-90, 271-15-49, 278-21-65, 283-15-91

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

МАЙСКИЙ ДЕНЬ, ИМЕНИНЫ СЕРДЦА

Год назад, после известных событий на Ленинском проспекте, газета «День» разродилась грозно-торжествующим рыком: «Вы видели грозу в начале мая? Но бури вы не видели. Пока». Что же — буря пришла в свой час, только вот бурелом-то повыворачивал совсем не те деревья, которые метили дровосеки из «Дня». И сегодня тот же борзописец, но уже из газеты «Завтра», робко шлет сигнал своим архаровцам: «Когда ж гроза? В начале мая?..» Да, прошел год — и опять на круги своя...

А действительно, этот цикл, «гроза — буря — полный штиль», довольно точно описывает «взлет и падение непримиримой оппозиции». В течение всего 1993 года развитие шло «по Листу», воспетому в «Золотом тельнеке»: «быстро — очень быстро — гораздо быстрее — быстро как только возможно — еще быстрее» и... фу!к!

3 октября страна стремительно качнулась к гражданской войне, 4-го — еще стремительнее качнулась к гражданскому миру. Правда, тогда еще никто не понял, что танковая пальба возвещает начало спокойно-пого периода.

Возьмем за точку отсчета то же 1 мая. 1 мая 1886 года рабочие Чикаго требовали 8-часового рабочего дня, за что и были расстреляны местной демократической полицией. Так начиналось одно из высших достижений мировой цивилизации — американский империализм, капитализм XX века, эпоха со своим лицом, которая стоит рядом с другими эпохами — римской империей, «древнегреческим чудом», средневековой Европой и т.д. И 1 мая 1994 года в Москве ближе к 1 мая 1886-го в Чикаго, чем к 1 мая 1986-го в той же Москве. У нас сейчас — свой период первоначального накопления, период «дикого капитализма», когда, как говорил Маркс, «новорожденный капитал источает кровь и грязь каждой своей порой — от головы до ног». Такой вот симпатичный младенец.

Конечно, для России это поздний ребенок, в каком-то смысле — дол-

гожданный. После трагического выкидыша 1917 года казалось, что страна уже обречена на бесплодие и вот — пожалуйста... Не прошло и 75 лет, как в августе 1991-го ребенок вновь начал вылезать из материнского чрева. Он очень похож на своих старших братьев выпечки конца XIX века — такое же разбойничье, «корсарское» первоначальное накопление. Но орет младенец куда тише, чем орал в конце XIX — начале XX века. И кровь, и грязь... Но и крови, и грязи куда меньше, чем 100 лет назад.

Для тех, кто уже напился дурацкой ложью про «Россию, которую мы потеряли», этот вывод может показаться странным. Как же так — сегодня это бандиты, нувориши, «воры в законе», а тогда — благородные negociанты, наша гордость, Мамонтовы и Саввы Морозовы. Сегодня бедняг пенсионеров обирают, доводят до голода, а тогда... да, пенсионеров тогда, пожалуй, и вовсе не было... ну, зато рабочий кормил семью из 5 детей — и все были сыты.

Так вот, чтобы понять, почему на Красной Пресне в 1905 году рабочие действительно строили баррикады, а в 1993-м только дурака валяли, нужна статистика. Посмотрите на столбчатый «Дом дружбы народов», особняк Морозова в псевдомавританском стиле, — и сравните с рабочими казармами, где жили ткачи того же просвещенного мецената, отрубившие в день по 14 часов на фабрике. Вот и весь секрет — и русского капитализма, и русской революции. Многие ли нынешние «новые рус-

ские воры в законе» имеют особнячки такие, как у Морозова или Рябушинского (дом-музей Горького у Никитских ворот)? А главное — многие ли рабочие ныне вкалывают по 14—16 часов на владельцев этих особнячков, в виде премии имея бесплатную возможность облизываться на хозяйский выезд?

Говорят, мол, Россия на своем кровавом опыте научила Европу смирять социальные контрасты. Но и сама Россия, как ни странно, тоже не так безоглядна, наивна и проста. Сама — тоже научилась.

А уж как изменилась интеллигенция! Лучшая ее часть стала камикадзе — буревестником капиталистической революции, которая (революция) эту интеллигенцию и переехала катком. «И вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном». Ну и что? Большевики, даже загремев в большевистские тюрьмы, продолжали славить великую историческую закономерность, которая пролагает себе путь через их личные жизни. Так и сегодняшние интеллигенты — оставшись со 100 тысячами зарплаты (50 рублей по ценам 1987—1988 годов против 300—400 рублей, которые они в 1987—1988 годах получали), продолжают либо славить великую историческую закономерность, либо молча склоняют перед ней голову. Правда, в тюрьмы, конечно, их сегодня эта торжествующая закономерность не швырнет, ныне она действует более вегетарианскими методами...

Поистине — «мы диалектику учили не по Гегелю». Ну, скажите, что должно было случиться, чтобы несги-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

М.Соколов:

Непонимание того, что человеческая жизнь — это дело всеобщее, а комсомольский бизнес и его обслуживание — дело элитарное... и является главной концептуальной ошибкой «Новой ежедневной газеты».

6

Н.Троицкий:

Непримиримая оппозиция ни с кем и ни с чем не примирилась и собирается бороться за власть. Вообще-то, у оппозиции работа такая — добиваться власти... Только при чем тут всеобщее национальное согласие?

11

Итальянцы проявили удивительное единодушие и проголосовали за правые партии. Наибольшее число голосов получило политическое движение «Форца, Италия», созданное Сильвио Берлускони. О выборах и фигуре Берлускони рассказывают С.Толкачев и С.Иезуитов.

17

2 ЭКОНОМИКА

М.Володин:

На Украине незаконная валютнообменная операция на сумму 1 200 000 карбованцев (чуть более 30 долларов) отныне карается 5-летней отсидкой, а уж если дойдет до «особо крупных размеров» (6 млн крб., или 150—160 долларов), можно схлопотать и все 10 лет с конфискацией.

23

Константин Фролов, бизнесмен:

Я готов взять на себя управление умирающим заводом и обеспечить работой триста человек. Но для этого нужно согласие чиновников.

24

На первой странице обложки фото В.Арутюнова и В.Шишова

3 ЖИЗНЬ

А.Митрофанов:

По-моему, Якову Михайловичу Посельскому можно позавидовать. Он верил, он творил, он добился признания и кафедры... Сыну, Михаилу Яковлевичу, пришлось потуже. Он был фронтовым оператором и понимал, что вокруг происходит.

30

М.Ахундов:

Уже раздаются требования: «Даешь Русскую Академию наук!» Можно прогнозировать следующее требование: «Даешь Русскую Академию русских наук!»

34

Э.Дорожкин:

Лучшая и, разумеется, самая достойная зрительского внимания часть театра — сцена... Но единственное театральное пространство, которое предназначено только для зрителей и ни для кого больше, — это, скажем прямо, фойе.

42

4 КУЛЬТУРА

Федор Чеханков:

Мужчина, который выпрашивает узнавающих взглядов, — это ужасно.

48

Л.Аннинский:

Да вот же ирония судьбы: кто был ничем, тот ничем и останется, сколько бы «всего» ни заграбастал.

52

Д.Быков:

Собственный дом, семейная мораль как единственная защита от хаоса — вот главный принцип Розанова, доминанта его учения, которое и учением-то назвать нельзя...

59

Л.Петрушевская
Дикие животные сказки

62

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:

923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Консуэло Сегура, Петр Смирнов,
Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Отдел общественно-политической жизни:
Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел литературы: Дмитрий Быков

Отдел информации: Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 22.04.1994 г.
Тираж 87 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Старчевский, С.Панов, Р.Катеева

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 0890

баемая, детски-честная Новодворская стала стараться ради Н.И.Рыжкова или бывшего его первого зама В.И.Щербакова? Если бы ее вызвали из камеры «Лефортова» и предложили «помочь» названным товарищам — о, с каким наслаждением она бы плюнула в лицо палачам! Ну-с... А что делает незаметная ирония истории? Горячие митинги 1989—1990 годов, призывы сбросить проклятую коммунистическую систему и номенклатуру, удары милицейских дубинок, борьба на выборах, баррикады Августа, наконец, великая Победа. А вот и результаты победы — каждому свое.

Н.И.Рыжков — председатель правления «Тверьуниверсалбанка», В.И.Щербаков — президент Международного фонда содействия приватизации и иностранным инвестициям («Интерприватизация»), бывший зам. отделом ЦК КПСС В.И.Шимко — президент корпорации «Радиокомплекс», генерал-лейтенант ГБ, бывший зам. председателя КГБ Л.В.Шебаршин — генеральный директор АО «Российская национальная служба экономической безопасности»... Я, как вы понимаете, наугад перечислил первых попавшихся представителей самой верхушки бывшей номенклатуры. Вообще же, хотя такие сведения и не афишируются, можно перечислять тысячи и тысячи фамилий.

Но номенклатура, как в цирке, держала на носу яблоко госсобственности, а съесть не могла. Однако произошла «антиноменклатурная революция»: алле-оп! — и яблоко летит номенклатуре прямо в рот. Долой коммунизм, да здравствуют коммунисты... и приватизация!

А что же идейные демократы, борцы с номенклатурой, буреветники капитализма? Если, конечно, речь идет не о «демократах ловчих», вроде С.Б.Станкевича или С.М.Шахрая, А.А.Собчака или Г.Х.Попова (иные из которых вспрыгнули в КПСС в 1988-м и соскочили в 1990-м), а о «демократах певчих», вроде Ю.Г.Буртина, В.И.Новодворской или — извините за

нахальство! — меня самого, то они так и остались «бедными, но гордыми», так и остались с «демократическим носом», после того, как потаскали для т.т. рыжковых каштаны из огня. Обычная, нормальная ирония (диалектика) истории. Напрямую для рыжковых — никогда, ничего. Но помочь тем же рыжковым через их отрицание — всегда пожалуйста! Да, история умеет красить свои заборы не хуже Тома Сойера, ловко подманивавшего мальчишек на эту малоприятную работу...

Мне немало приходится общаться с демократическими интеллигентами, политическими активистами «правобуржуазных» партий. Более честных, бескорыстных, менее буржуазных людей просто трудно представить. Если бы бытие хоть в какой-то мере определяло сознание, то место этим людям было бы только среди коммунистов и социалистов — таково их реальное материальное и социальное положение. Но места в том поезде уже заняты — в спальных вагонах посасывают «гаваны» товарищи директора и экс-министры, в общих матерятся и блюют анпиловцы.

100 лет назад пети трофимовы, над которыми нынче принято смеяться, говорили лопахиным: «Дай мне хоть двести тысяч (свыше миллиона долларов на нынешние деньги, однако! — Л.Р.) — не возьму. Я свободный человек. И все, что так высоко и дорого цените вы все, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, который носится по воздуху. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд. Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!»

Л о п а х и н. Дойдешь?

Т р о ф и м о в. Дойду.

(Лауза.)

Дойду или укажу другим путь, как дойти».

Так вот-с, трофимовы-то были, по

крайней мере, практичны в своем роде. Раз сам нищий — то и идеалы соответствующие, отвергающие деньги в принципе. С другой стороны, когда, под их водительством «человечество» (в лице многих нищих шариковых) «дошло», точнее, дорвалось (и, натурально, сбросило их в яму), то уцелевшие трофимовы и их внуки пришли в ужас и стали ярыми антикоммунистами. Они (мы — политики и журналисты «демократической направленности») остались в 9 случаях из 10 такими же «недотёпами», как верно заметил Чехов, такими же бедняками, как наши прадеды. Но идеология уже другая. Бедняки-интеллигенты, понабивши шишек себе и другим, стали «идейными союзниками» (идейными вожжами!) г.г. лопахиных, которые, понятно, только тихо ухмыляются.

Да, не наличное бытие, а историческое бытие определяет наше сознание. Но, как бы то ни было, в этой позиции уже не внесешь «революционное сознание» в массы.

Итого: массы собирают и грабят — но не так сильно, как в период Серебряного века русской культуры. Интеллигенция уже не сеет в народе гроздь гнева, напротив, в массе своей или растерянно помалкивает или объясняет, что «иного не дано», что период «первоначального накопления» все равно надо пройти. (Я, понятно, не отношу к интеллигенции говорухиных и невзоровых, тем более, что они и сами себя «интеллигентами» не считают. И они правы. Впрочем, интеллигенты или не интеллигенты, никакого влияния они все равно не имеют.)

Мораль?

Спокойно уезжайте на майские праздники: номенклатурчики — в Биарриц, средние москвичи — на свои дачные участки. Не беспокойтесь, за время вашего отсутствия Москву не сожгут. Майский ветерок нынче тихий... Коллеги из «Завтра» зря раздувают щеки — бурю в народном море они все равно не создадут.

Из ничего и выйдет ничего.

Уважаемые господа музыканты!

Производственно-коммерческая компания «Господин Музыкант» приглашает Вас в свою музыкальную лавку, где можно приобрести и заказать различные музыкальные инструменты и аксессуары: скрипки, виолончели, альты, гитары,

контрабасы, народные инструменты, баяны, аккордеоны, духовые инструменты, струны, фурнитуру для музыкальных инструментов. А также пианино и рояли фирм «Petrof» и «Steinway».

Мы будем рады видеть Вас по адресу:

ул. Герцена, дом 14/2 (на 1-м этаже Международного союза музыкальных деятелей), с 10 до 17 часов ежедневно, кроме воскресенья.

На Ваши вопросы ответят по телефону: 201-67-39
Наш факс: (095) 279-57-58.

Господин Музыкант

ШАХРАЙ В ПОХОД СОБРАЛСЯ НА ЧЕЧНЮ

Три последних месяца в российских верхах шло бурное соревнование: кто быстрее замирится и отрегулирует взаимоотношения с Чечней. За лавры российско-чеченского миротворчества боролись две команды политиков: одна — во главе с Сергеем Шахраем, другая — под руководством Сергея Филатова.

Позиционную борьбу в московских коридорах власти выиграл Шахрай, которого можно по праву считать чемпионом интриги, тем более что он сражался одновременно и как депутат-законодатель, и как министр-исполнитель.

Шахрай добился своей промежуточной победы с помощью трех ударов. Сначала Госдума, с его подачи, приняла постановление, в котором рекомендуется «поручить правительству РФ (то есть тому же Шахраю, министру по делам национальностей и вице-премьеру. — Н.Т.) провести консультации с представителями органов власти, а также всех политических движений Чеченской республики с целью выхода из сложившейся социально-политической ситуации». Затем такое же решение принял Совет Безопасности РФ, в коем Шахрай тоже заседает. И наконец, аналогичное распоряжение издал глава российского правительства.

Все это означает, что оппозиция в Чечне (а там имеется всего два «политических движения») — за и против президента Джохара Дудаева) по-

лучила легальный статус для переговоров с Москвой, чего она давно и настойчиво добивалась. Оппозиция особенно довольна вторым пунктом постановления: «Считать необходимой основой подписания проекта договора между федеральными и республиканскими органами государственной власти проведение свободных выборов в высшие органы власти Чечни».

Таким образом, выбита почва из-под ног у Дудаева, считающего, что он уже провел все необходимые выборы, а заодно у Сергея Филатова, который пытался наладить односторонний диалог с чеченским президентом. Правда, шеф администрации президента не столько хотел поддержать Дудаева, сколько «отсечь» Руслана Хасбулатова. В Кремле почему-то вообразили, что Руслан Имранович, вернувшись на историческую родину, срочно возглавит оппозицию, и готовы были противостоять экс-спикеру любой ценой. Между тем Хасбулатов не спешит вмешиваться в политику: он тихо и неприметно живет в Грозном в ожидании выборов в Совет Федерации РФ, которые, скорее всего, выиграет, если они состоятся при его жизни.

Переговоры Филатова с че-

ченским госсекретарем Акбулатовым были обречены на провал. Грозный не торопился признавать себя субъектом Российской Федерации, а Дудаев регулярно заявлял, что не поступится независимостью. Но Филатов долго бы еще вел переговоры ни о чем. Однако в процесс вмешался Шахрай. Сергей Михайлович напомнил тезке фрагмент из послания президента России, где сказано о необходимости «свободных выборов» в Чечне как предпосылке для подписания всяческих договоров. Следовательно, Дудаев должен быть отнюдь не единственным полноправным партнером Кремля, а в лучшем случае — одним из «объектов для консультации». Кстати, соответствующая фраза в президентском послании была заранее предусмотрительно вписана вездесущим Шахраем.

Сергей Михайлович доволен и горд. Он заявил автору этих строк, что «теперь никто не сможет играть на разногласиях внутри российского руководства по чеченскому вопросу».

Шахрай нынче официально уполномочен всеми возможными органами и ветвями власти на переговоры с Грозным. Дело за малым: добиться на них хоть какого-

нибудь успеха. А это будет посложнее, чем третий раз подряд вернуть себе вице-премьерский пост.

«Свободные выборы» в чеченский парламент, буде они произойдут, означают фактическое падение дудаевского режима. Генерал-президент станет сопротивляться до последнего. Оппозиция, напротив, начала за эти выборы бороться. Москва подвесила над Дудаевым «дамоклов меч» и освободила себе руки. Сергей Шахрай намерен постоянно менять тактику диалога с Чечней, попеременно опираясь то на Дудаева, то на оппозицию, и извлекать преимуществ, играя на их противоречиях.

Конечно, то «политическое движение», которое победит в Грозном, неизбежно выполнит инструкции Москвы. Но слишком велика опасность того, что победа достанется ценой немалых жертв и крови. Дудаев не уйдет «с миром». Оппозиция тоже готова добиваться своей цели с оружием в руках. Переговорами, уговорами, интригами чеченской проблемы не решить. А очередная революция в Грозном отзовется тяжким эхом в Москве.

Лавры «покорителя Кавказа» могут оказаться слишком тяжелыми для Сергея Шахрая. А ведь он время от времени примеряет и «шапку Мономаха»...

Николай ТРОИЦКИЙ

«НЕИЗВЕСТНЫЙ» РУЦКОЙ СТАНЕТ ИЗВЕСТНЫМ

Бывший вице-президент России Александр Руцкой по-прежнему избегает публичных выступлений и встреч с журналистами. Тем не менее 16 апреля он выступил с речью на закрытом заседании своей Народной партии Свободная Россия и поделился с соратниками мыслями о проектах Программного заявления и Устава партии (эти документы должны быть приняты на втором съезде НПСР в конце мая) и творческими планами.

«Надо, — сказал он, — более четко определить цели нашей партии и способы их достижения, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше сторонников — для

победы на следующих выборах президента и парламента в 1996 году. Наша партия должна стать массовой. Добиться этого будет нелегко, но реально, ведь во всех уголках России есть люди, сочувствующие нам».

«Политические противники делают все, чтобы очернить мое имя, лишить поддержки населения, — сетовал Руцкой. — Они клеветают на меня в средствах массовой информации, обвиняя в воровстве. Но у них ничего не

выходит. Когда я сидел в тюрьме, «Независимая газета» опубликовала материалы расследования моего дела, где я был полностью оправдан. После этого тюремные охранники подходили и пожимали руку, извиняясь за то, что раньше верили клеветникам».

Скоро выйдет в свет сборник моих выступлений и статей за последние три года под названием «Неизвестный Руцкой». Тогда никто не сможет приписать мне слова,

которых я никогда не говорил, или, наоборот, присвоить мои старые идеи, выдать их сегодня за собственные».

А. Руцкой также сообщил, что сейчас он работает над книгами «Крушение державы» и «Обретение веры», которые начал писать в камере лефортовской тюрьмы. В ближайшие месяцы книга «Крушение державы» будет закончена. Автор собирается «выразить признательность» за это и сотрудникам спецслужб, круглосуточно дежурящим около его дома, что позволяет ему почти не выходить из квартиры и всецело отдаваться литературному творчеству.

Ольга КОРОЛЕВА

310 тысяч военнослужащих Советской Армии погибли в период после окончания второй мировой войны. Из них только за последние три года в мирное время и не в «горячих точках» — больше, чем за всю афганскую войну.

«Сегодня своими действиями по консервации прежней советской системы в рамках Российских вооруженных сил Министерство обороны во главе с Грачевым ведет к развалу армии, и на сегодняшний день проще расстаться с министром, чем потерять армию» — эти слова Владимира Лопатина, консультанта Комитета по международным делам Совета Федерации РФ были встречены аплодисментами собравшихся на конференции «Права человека в погонах», состоявшейся в Москве.

Военной прокуратуре, равно как и командирам воинских частей и подразделений, по-прежнему выгодно инсценировать самоубийства, инфаркты, отвозить тела убитых в «горячие точки» и объявлять без вести пропавшими, прикрываясь пресловутой военной тайной. Реальное количество погибших скрывается. По словам председателя Между-

ВОЕННАЯ РЕФОРМА В ДЕДОВСКОЙ ШИНЕЛИ

народного комитета по правам военнослужащих и членов их семей Анатолия Алексева, общее число жертв «дедовщины» уже за этот год никак не соответствует цифре 1429 человек, названной по телевидению министром обороны. Скрытие правды и приводит к вседозволенности, потому и бесчинствуют садисты в военной форме. Отсутствует правовой механизм по раскрытию преступлений в воинских частях. За те десять суток, что отводятся командиру для возбуждения уголовного дела, убитого вполне можно записать в дезертиры или в идиоты.

Еще созданная в 1990 г. Горбачевым комиссия, расследовав 96 уголовных дел, которые были поданы президенту с жалобами на незаконную деятельность прокуратуры и Министерства обороны, пришла к выводу, что из них только четыре можно было со спокойной совестью сдавать в архив.

С распадом СССР только 44 дела остались в России и

только восемь закончились судом над преступниками, десять пока находятся в производстве и дают относительную надежду на восстановление справедливости, если она когда-нибудь будет полной.

Бравый «дедок», расстрелявший в «красном уголке» из автомата четырех сослуживцев и отправивший их трупы в «горячие точки», и все это с молчаливого согласия начальства, получил 15 лет лишь благодаря усилиям Комитета, возглавляемого Анатолием Алексеевым. Семьи убитых получили, опять-таки недавно выбитую Комитетом, скудную компенсацию в сколько-то окладов, хотя сынов к матерям уже не вернуть.

Права человека в погонах в армии — это все равно что права зека в ИТК, недаром же эти два социальных института все чаще упоминают рядом. По данным социологических опросов 1993 года, только одна треть военнослужащих удовлетворена полностью или частично ре-

шением социальных вопросов в части, каждый второй был доволен организацией боевой учебы в части, то есть организацией своего права на труд. 85% военнослужащих заявили о нарушении своих прав. Каждый же второй военнослужащий при нарушении своих прав не видел смысла или боялся обращаться за помощью к командованию. «И эта статистика прекрасно известна военному командованию, и в том числе министру обороны», — заявил Владимир Лопатин.

Однако перед нами только верхушка огромного айсберга, который начнет таять, если армия станет более открытой и ответственной.

Из конкретных мероприятий, предложенных на конференции, следует отметить идею о создании солдатской газеты, подписчиками которой, по мнению организаторов, будут около полумиллиона семей. Между прочим, общая численность российской армии сейчас составляет полтора миллиона человек, но офицерского состава вместе с прапорщиками и контрактниками вдвое больше, чем рядовых. А Суворова все нет...

Антон ШАПОВАЛОВ

политморг

Собирается компания болеющих за Россию людей, они шумят, кричат, возмущено выпивают — в общем, спорят. В результате — очередная партия или как минимум газета.

Народная христианская газета «Истина» (даже «Независимую» и «Правду» в некотором смысле переплюнули) возникла, собственно, из ничего. Нашелся человек — Вадим Васильевич Ермаков (кандидат технических наук, занимал руководящие должности в системах Госстандарта СССР, Минторге СССР, Госкомитете по науке и технике, в настоящее время работает в Российской академии наук), который на происходящее в России без боли в сердце смотреть не смог, а издавать газету был вполне способен. Ну и издал.

«Мы — бедные люди, — сказал на пресс-конференции господин Ермаков, — ни на что не претендуем». И обнародовал многостраничную программу собственных действий на случай избрания президен-

БЫВАЛОЕ СЛОВО НРАВСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ

том России. Поразительно последовательное поведение — сначала опускаем глаза долу, дескать, мы тут, мол, просто играем и никогда не заиграемся, а потом раз — и в главы государства.

Вряд ли к программе господина Ермакова можно относиться серьезно. «Исконные российские нормы морали подлежат общественной охране и государственной защите», «отрицание индивидуализма как основного жизненного принципа и всемерное возрождение российских общинных традиций», «пресечение деятельности религиозных лжеучителей из-за рубежа и различных сект», ну и перл — «восстановление в общественном сознании реальной картины современного положения России, пресечение беспечности в деле поддержания национальной безопасности». Тут пахнет уже 37-м годом!

Наивно было бы предполагать, что в первом выпуске «Истины» ее издатели и редакторы обойдутся без попытки еще раз рассказать правду об октябрьских событиях. «Выступает Лужков: «Сидите дома». И тут же Гайдар: «Идите к Моссовету». А кто пошел? Жены чиновников, спекулянты, кое-кто из интеллигенции, той, кто посытнее, чьи дети не падают на уроках в голодные обмороки». Написано с пафосом и слезливо, создается впечатление, будто Иннокентий Михайлович Смоктуновский и Лия Меджидовна Ахеджакова лично вырвали из рук автора кусок с таким трудом заработанного хлеба.

Слава Богу, что авторы «Истины» на редкость кос-

ноязычны — читать тяжело, начнешь — споткнешься и бросишь. А то сторонников нашлось бы много: хотя г-н Ермаков человек скромный, но Партию приличных людей создавать собирается. Полагаю, если дело это выгорит, ППЛ может стать весьма многочисленной и уступит разве что Партии любителей пива.

Христианство «представлено» в номере слабо — одной заметкой. Некий «православный священнослужитель», подвергающийся, по словам господина Ермакова, преследованиям со стороны демократов только за то, что поднимал боевой дух защитников «Белого дома», задается традиционными вопросами: «Услышит ли кто скорбь? Пожалеет ли многогорбный русский народ, а с ним и дорогую Русь православную?» Ответа не дает.

Эдуард ДОРОЖКИН

В «Столице», № 16, 1993, в статье «Затравленный» бывший союзный депутат Ю.Голик был назван «охамевшим». Ю.Голик справедливо почувствовал себя оскорбленным данным эпитетом. Редакция «Столицы» приносит ему свои извинения.

НОВАЯ

е ж е д н е в н я я

газета

Максим СОКОЛОВ

НАДЕВ ШИРОКИЙ БОЛИВАР, ЦЕНТРИСТЫ ЕДУТ НА БУЛЬВАР

Неизбежным следствием свободы являются разводы — как в брачно-семейных отношениях, так и в делах творческих. Как только дала слабину жесткая организационная структура в области идеологии, так тут же творческие коллективы поразила волна расколов: МХАТ, журнал «Юность», Театр на Таганке, неимоверно распочковавшиеся творческие союзы и т.д. Причина разводов во всех случаях стандартна — то, что называется «не сошлись характерами». Церковь не признает такую причину основательной для развода; о том, оказываются ли счастливы бывшие супруги, разведшиеся вопреки церковному учению о браке, мы тут умолчим, но опыт разводящихся творческих коллективов представляется вовсе не утешительным — во всех доселе наблюдаемых случаях разделенные части некогда единого организма влачат отнюдь не блестящее существование. Не выключая газет.

Год назад развод приключился разом в двух изданиях — «Независимой газете» и «Комсомольской правде». Газеты-основатели остались на положении соломенных вдов, а наиболее бодрые части бывших творческих коллективов породили соответственно газеты «Сегодня» и «Новую ежедневную». Опыт «Независимой газеты» и «Сегодня» ввиду чрезвычайной яркости — чтобы не сказать титаничности — разведшихся творческих работников, несомненно, заслуживает отдельного исследования, а мы пока займемся менее эффективным разводом комсомольцев с новоязниками.

Изначальные причины развода были понятны и уважительны и сводились к трем пунктам. Во-первых, сотрудники «Комсомолки» разошлись во взглядах на желательную в будущем экономическую модель газеты и на персону коммерческого директора — а деньги в наше время решают весьма многое.

Во-вторых, часть сотрудников (будущих раскольников) полагала, что главный редактор В.А.Фронин сделал свое дело — аппаратное искусство Фронина было полезно и необходимо в период горбачевской полусвободы, когда нужно было тонко лави-

ровать между Старой площадью и ЦК ВЛКСМ, но с исчезновением Горбачева и ЦК ВЛКСМ надобность в комсомольском опыте Фронина вроде бы отпала.

В-третьих, на рубеже 1992—1993 гг. «Комсомольская правда» сделала резкий крен в сторону «просвещенного патриотизма». С подачи ответственного за просвещенно-патриотическую работу обозревателя А.Афанасьева газета воспевала тогдашнего миротворца В.Д.Зорькина в выражениях, несколько приторных даже для ангела, усиленно печатала просвещенных (и оттого необычайно бранчливых) патриотов А.С.Ципико-Горбачевфондского и В.Е.Максимова-Парижского и дрейфовала в сторону газеты «День» со скоростью, многим казавшейся чрезмерной.

В результате выборов начальства раскольники оказались в меньшинстве и основали «Новую ежедневную газету», забрав на память традиционно связанное с «Комсомолкой» название «6 этаж», которое они присвоили службе новостей вновь созданной газеты. Но, забрав название, раскольники не сумели забрать заодно и корреспондентскую сеть, и в итоге первый и очевидный водораздел между «КП» и «НЕГ» прошел по линии «провинциальность — столичность».

С одной стороны, «КП» сумела сохранить провинциальную корсетку, а таким достоинством не бросятся — раз уж корсетка осталась, естественно использовать это преимущество для более основательного освещения провинциальной жизни. С другой стороны, в «НЕГ» ушли в большом количестве как раз мэтры, специализирующиеся на освещении столичных политических интриг, и столь же естественно, что новая газета решила сделать упор как раз на освещении московских дрызг — тем более что регион распространения «НЕГ» (как и всякой новорожденной в столице газеты) преимущественно Москва и предместья.

Как справедливо учит С.М.Шахрай, провинция — оплот здорового консерватизма, и сориентировавшаяся на преимущественно немосковскую аудиторию «КП» в известном смысле отошла от свойственных бывшей

Рис. В. Сысоева

комсомольской прессе традиций бойкости и жовиальности в сторону большей солидности и умеренности. Вообще говоря, преобразование бывших комсомольских газет в противостоящие «солидным» печатным органам типа «Известий» в «популярные» (они же — бульварные) издания типа «Московского комсомольца» — нормальный путь развития посткоммунистического газетного рынка. Именно это сделали и «МК», и ленинградская «Смена», и киевская «Коза» («Комсомольское знамя»), и рижская «СМ» («Советская молодежь»), и пражская «Mlada fronta», переименовавшаяся в «Dnes (т.е. «Сегодня») — mlada fronta». «КП», однако, по причинам, изложенным выше, отклонилась от магистрального пути и сделала ставку на «полусолидность» — еще не «Известия», но уже не «МК».

Подобно тому, как отталкиваются одноименно заряженные частицы,

«НЕГ» и «КП» были обречены разойтись и в смысле бульварности — избранный «КП» «полусолидный» стиль по принципу противоречия склонял «НЕГ» к вполне бодрой бульварности. Если «КП» сохранила от былого комсомольского задора разве что старинную рубрику «Алый парус» да чуть менее старинную рубрику «диванной партии» «КП», то «НЕГ» вполне развила и даже приумножила все бодрые традиции молодежной прессы. На вооружение была взята и невзоровская робингудовщина («информационная разведка НТК сообщает...»), т.е. обещания взять ситуацию под контроль, разоблачить, разведать и вывести на чистую воду, и бичующий политиков «еженедельный рейтинг вранья», и регулярно печатающийся комикс, в котором герои «Винни-Пуха» ведут беседы на политическую злобу дня.

Короче говоря, все речи, сказанные

героем Фазиля Искандера о провинциальной среднерусской молодежной газете, идеально подошли бы и к нынешней «НЕГ»: «Все эти задумки вместо замыслов, живинки вместо живости, веселинки вместо веселья, и даже глубинки вместо глубины. Черт знает что!»

Впрочем, к бульварному стилю склоняла не только молодежная эстетика, но и тонкая политика. По своей политической направленности «НЕГ» явно попадала в то, что нынче называется словом «центристы», «конструктивная оппозиция» etc. Среди членов редакционного совета числятся М.С.Горбачев и Г.А.Явлинский, и на связь газеты с Горбачев-фондом указывают недвусмысленно. С другой стороны, один из ведущих обозревателей газеты — активист партии Шахрая и член Думы, В.Лепехин. Наконец, регулярно пишет в газету и бывший пресс-секретарь Ельцина, а нынешний рьяный обличитель бывшего патрона П.Вощанов.

В результате политическая линия газеты колеблется где-то в шахрайско-явлинской части спектра: «Ельцин — козел, Гайдар — шарлатан, кругом все жулики и бездари, но есть свободные от проклятого прошлого новые светлые силы». Правда, поскольку сами Шахрай и Явлинский тоже любят друг друга как собака кошка, то апология Явлинского перемежается апологией Шахрая.

В общем же и целом направленность газеты можно определить, скорее, через совокупность «не» — не орган Гражданского союза, ибо эта ниша сугубо абонирована «Независимой газетой», над которой потешаются все коллеги-газетчики, не орган патриотов, ибо все-таки неприлично, и уж никакой поддержки президенту и «Выбору России», ибо они гадкие. Типичный центризм по-советски, и новизна лишь в том, что центристские идеалы решено доносить до граждан в эстетике бульварной газеты.

Новая идея — «надев широкий боливар, центристы едут на бульвар», — очевидно, казалась весьма соблазнительной. В самом деле: больше всего читаемы именно бульварные газеты. «МК» (если считать подписку и розницу только по Москве) по своим тиражам опережает едва ли не все остальные московские газеты, вместе взятые, и наряду с клубничкой, происшествиями, полезными советами и светской хроникой из номера в номер в хлесткой, яркой и запоминающейся форме — чего стоит хотя бы прошлогодний цикл карикатур А.Меринова, изображавших Р.И.Хасбулатова в разных неприличных видах, — проповедует своим читателям идеологию радикальных демократов.

Упаковка идеальная — недаром еще в 70-е годы советские контрпропагандисты учили, что наиболее ко-

варны не столько собственно политические передачи вражеских голосов («Глядя из Лондона», «Радиохроника «Немецкой волны» etc), сколько закамуфлированная пропаганда в передачах типа «Севооборота» Севы Новгородцева: под звуки популярных песенок, отпуская пошлые шуточки, Сева разлагает советскую молодежь — исподволь и незаметно для самих разлагаемых. Понимая, что президент с «выбороссами» должны быть по гроб жизни обязаны журналистам «МК» за доходящую пропаганду, центристы не могли не желать завести себе свой «МК», дабы столь же бульварно и коварно внедрять в публику идеи национального примирения, социально ориентированной реформы, селективной поддержки директоров ВПК, «изма» с человеческим лицом и т.д.

Но истек год — и обнаружилось, что опыт не назовешь удачным. Все «гладко было на бумаге», но на бумаге не газетной, а той, на которой сочиняются политические проекты, — на газетной же бумаге никакой гладкости не получилось: тираж невелик, влияние в читательских массах близко к нулю, да и стиль газеты не сложился, и все швы, рвы и шероховатости, нормальные в первых номерах, присутствуют и по сей день, что на втором году существования уже не так нормально.

Первая концептуальная ошибка «НЕГ» заключается в сильном — лет эдак на пять — опоздании. Острокрический задор по всем азимутам (т.е. «все дерьмо, кроме мочи») в сочетании с бодростью перестроенной тусовки и позднеромантическим молодежным демонизмом («богаты мы едва из колыбели ошибками отцов и поздним их умом») на первый взгляд кажутся эффективными и безотказными средствами борьбы за читателя. Тем более что на исходе 80-х — вспомним программу «Взгляд», «600 секунд» в их доимперской фазе, «Пресс-клуб», наконец, бесчисленные газеты-однодневки той эпохи — все это действительно отказа не давало. Однако сила художественного приема («все дерьмо») таит в себе и гибельную слабость: столь сильный аргумент нельзя повторять ежедневно, а газета — тем более «Новая ежедневная» — должна выходить именно ежедневно. В результате получается плохо.

Если вышеприведенный аргумент нашел дорогу к сердцу читателя и тот проникся всеобъемлющим убеждением, что все взаправду дерьмо, то какой смысл читать газету завтра, послезавтра и т.д., когда универсальный и не подлежащий пересмотру приговор уже произнесен.

Если читатель склонен полагать, что действительность (и даже политическая действительность) одним таким размашистым мазком все же

не исчерпывается, то газета стремительно прискучивает — что же мы все о дерьме да о дерьме, а хочется чего-то светлого и чистого. Ведь средний человек, вообще говоря, все же лучше, чем о нем думают газетчики.

Тогда, за вычетом профессиональных — вроде автора этих строк — читателей газет остается не столь уж многочисленный отряд лиц, испытывающих от расчесывания болячек род болезненного наслаждения. Ни серьезной коммерции, ни серьезной агитации на том не построишь — по рукой тому, например, бесславный конец делавшейся А.Политковским телепрограммы «Политбюро»: ее не стало, и кто-нибудь, кроме непосредственно заинтересованных лиц, это заметил? Амплуа деревенского Мефистофеля столь же соблазнительно, сколь и для карьеры губительно.

Другая губительная для бульварного централизма проблема была подобрана уже самой жизнью. Избранный стиль бодрого бичевания был хорош и уместен, покуда в правительстве имелись козлы отпущения (Е.Т.Гайдар, Б.Г.Федоров), покуда президентская администрация являла хоть какую-то бодрость и покуда сам президент упорствовал в губительном радикализме. В условиях, когда порицаемые фигуры находились на официальных постах и даже что-то пытались делать, имея при том весьма мало реальных возможностей что-то решить, машина бескомпромиссной критики работала безотказно, но после январской реорганизации кабинета все изменилось.

Когда обновленный кабинет и президент продекларировали программу, в точности совпадающую с идеалами политических спонсоров «НЕГ», они поставили газету в очень сложное положение. Если с человеком, усердно пропагандирующим некую программу, его начальственный оппонент вдруг внезапно соглашается, пропагандисту остаются на выбор только две возможности: или горячо взяться за дело, или столь же горячо разъяснять, что начальственное согласие — одна лишь видимость, а в действительности все по-прежнему делается не так.

То же и с «НЕГ»: нужно либо горячо поддерживать эмиссионные вливания в АПК и ВПК, скакать козлом от введения заградительных тарифов на импорт ширпотреба и вести пропагандистскую битву за увеличение выплавки чугуна, либо с видом человека, оскорбленного в лучших чувствах, объяснять, что ничего не изменилось, а Черномырдин — это переодетый Гайдар.

Напрашивающийся первый вариант труден не только потому, что инфляционное рвение В.С.Черномырдина оказалось далеким от первоначально ожидаемого.

Упиваться поддержкой отечественной промышленности (по-русски говоря, возвратом в социализм) вчерашнему деревенскому Мефистофелю психологически трудно — когда ироничный, всеотрицающий скептик вдруг, подобно энтузиастам первых пятилеток, начал бы восклицать: «А наши-то, слышали, новую домну задули? Вот молодцы!», такая метаморфоза вряд ли была бы хороша в пропагандном смысле.

С большой мукой и большой поддержкой на этот шаг все-таки решилась стоявшая перед сходной проблемой «Независимая газета», опубликовав написанный ленинградским ех-Мефистофелем В.Топоровым панегирик Партии Сохранения Жизни, в которой состоят Геращенко, Черномырдин, Заверюха, Сосковец и Шохин и которая спасает нас от смерти, олицетворяемой Гайдаром и Федоровым.

Но тут уже чистая Достоевщина — в точности по рецептам черта, беседовавшего с Иваном Карамазовым, независимый ех-Мефистофель, который «все отвергал, законы, совесть, веру, а главное — будущую жизнь» и о котором черт пронизательно говорил: «Возьми душу русского просвещенного атеиста и смешай с душой пророка Ионы, будировавшего во чреве китовом три дня и три ночи, — вот тебе характер этого улегшегося на дороге мыслителя», — так вот автор «Независимой газеты», вдруг обретя веру в жизнедавца Геращенко, «пропел «осанну» да и пересоллил, так что иные там, с образом мыслей поблагороднее, так даже руки ему не хотели подать на первых порах: слишком-де уж стремительно в консерваторы перескочил. Русская натура.

С «Независимой газетой», впрочем, взятки гладки — издание, ориентирующееся на маргинальную и оттого болезненно самолюбивую интеллигенцию с ее подпольной психологией вправе культивировать любимое занятие своих читателей, т.е. «архискверное подражание архискверному Достоевскому», но «НЕГ» с установкой на массового читателя роскошь архискверных подражаний позволить себе не может.

Можно, конечно, и ругать Черномырдина, но тогда встанет вопрос: с каких позиций ругать? Обличать правительство «красных директоров» и «коммунистического реванша» было бы как-то странно по отношению к спонсорам — ибо что такое Горбачев-фонд?

Обличать кабинет за продолжение гибельной гайдаровской политики тоже не с руки. Во-первых, неясно, как тогда продолжать шашни с шахраевской ПРЕС — ведь клеветнически обвинять в гайдаровщине пришлось бы и А.Н.Шохина с С.М.Шахраем, несмотря на то, что долгоживущие министры в том никак не повинны и

исповедуют не губительные догмы монетаризма, а вполне живительный принцип «Готов служить во всяких бармах, кто палку взял — тот мой капрал. Но верьте: даже и в жандармах я либерал, я либерал». Во-вторых, уже есть газеты («Правда», «Советская Россия»), которые продолжают писать так, как будто бы Гайдар и Федоров по-прежнему сидят в правительстве, а Бурбулис их опекает и подстрекает. Кроме того, что это не совсем так, освещение действительности в совершенно герметическом стиле коммунистических изданий сделало бы газету из расплывчато-центристской совсем уж остро-боевым органом — так сказать, «Новой ежедневной правдой», — к чему центристы все же не совсем стремятся.

В итоге «НЕГ» избрала третий путь и старается вообще не писать о правительстве и экономике, т.е. министры-центристы оказываются чем-то вроде сокровенного божества, которое не следует помянуть ни в хорошем, ни в плохом смысле. Способ, удачно применявшийся римлянами для характеристики покойников, т.е. *de mortuis nil bonum*, следует признать все же не вполне удачным для пропаганды центристских идеалов — пропаганда, что ни говори, предполагает постоянное воздействие на аудиторию, а не гробовое молчание, да и Шахрай с Шохиним все же не вполне покойники, и зачем же так опережать события.

Неспособность заложить в концепцию газеты хотя бы примерный план того, что делать при оптимистическом ходе событий, т.е. если центризм начнет осуществляться, несколько удивляет: свою газету заводят, чтобы агитировать, агитируют же, чтобы побеждать. Если не то что победа, но даже ее слабый проблеск повергает газету победителей в полное косноязычие, неясно, зачем было домогаться победы и даже для этого газету заводят.

Похоже, что такая неосмотрительность происходит не от простой рассеянности, но от более фундаментальных причин — от принципиальной несовместимости центризма с бульварностью. Соблазнительный успех «МК» или, допустим, противостоящей ему «Советской России» не дал центристам заметить, что популярный и доступный стиль не является чем-то таким, что можно приложиться к любой идеологии — он гораздо более требователен к содержанию. В частности, популярный стиль изложения требует, чтобы подлежащая изложению мысль как минимум существовала, а еще лучше — отличалась некоторой удобопонятностью.

Пропагандируемые «МК» идеи «Выбора России» в области экономики сводятся к тому, что жить надо по

средствам, а в области политики — что бандиты должны сидеть в тюрьме. На иной взгляд эти мысли ужасны, но уж по крайности понятны. Аналогично идеи «Советской России» в области экономики — это призыв «Хлеб съедим, а булочные сожжем», в области политики — «Одолеем всемирный заговор и его явных и тайных агентов». Тоже понятно.

Наконец, обе бульварные газеты — правая и левая — в своей агитации исходят из реально существующих (или существовавших) образцов. В странах капитала действительно стараются жить по средствам и содержать бандитов в благоустроенных тюрьмах, в странах реального социализма действительно старались регламентировать общее убожество и жить по законам осажденной крепости.

Возвращаясь к спонсорам и членам редсовета «НЕГ», отметим, что их идеи такой удобопонятностью не отличаются. С одной стороны, никакого реального прототипа прокламируемых ими общественных конструкций в природе не существует, с другой — нет более страшной муки (даже для поднаторевшего в брежневских профессиональных журналиста), чем пытаться пересказать своими словами глубокие речи Горбачева, Явлинского или Шахрая: выясняется, что за обильным многоглаголением стоит космическая пустота, которую ни к какому делу не приспособишь. Какой-то порядок (хороший или дурной) воспроизводим, хаос (в том числе мысленный хаос) невозпроизводим в принципе — не на что опереться.

Конечно, те же центристы, та же партия Шахрая существуют не просто так, а потому, что за ними стоят определенные реальные силы. Если говорить совсем грубо, инфляция — есть автоматически (не нужно никаких инспекторов) собираемый регрессивный (т.е. чем человек бедней, тем больший процент с него взимается) налог. Приватизация этого налога в пользу отдельных индивидуумов (производимая в основном под соусом поддержки важных народнохозяйственных отраслей, причем деньги на поддержку немедленно оказываются на Московской валютной бирже, а затем — большей частью — в иностранных банках) — дело для этих индивидуумов необычайно выгодное. И как раз на инфляции, т.е. на приватизации этого тяжелого сверхналога, и сделано большинство крупных состояний. В таком виде идеи отечественного центризма вполне понятны и годятся для доступного изложения бульварной газете. Но, к сожалению, читателями бульварных газет по большей части являются те самые бедняки, которых обдирают инфляционным сверхналогом, — и нет уверенности, что популярное изложение основ отечест-

венного центризма расположит их в пользу центристских политиков.

И присущее радикальным демократам желание придать российской политико-экономической ситуации черты честной бедности (ибо на богатый образ жизни нет средств) и сделать ее сколь-нибудь прозрачной и прогнозируемой, и присущее радикальным патриотам чувство гнева, социального протеста и растерянности при виде обрушившегося советского мироздания — это чувства простых людей, для которых издаются простые газеты.

Присущее центристам желание отнимать у бедняка последнюю овечку, произнося при этом чудовищное количество высокопарных слов, за которыми нет ничего, кроме желания обслужить хозяина, — это развлечение для богатых, *for happy few*. А во-первых, и богатые тоже стыдятся, когда вещи называют своими именами, во-вторых же, если богатые даже и не стыдятся, то по роду их эстетических наклонностей для них надо издавать превосходный журнал на мелованной бумаге, а отнюдь не бульварную газету. Непонимание того, что человеческая жизнь — это дело всеобщее, а комсомольский бизнес и его обслуживание — дело элитарное и не надо эти две вещи смешивать, и является главной концептуальной ошибкой «Новой ежедневной газеты».

**Близится лето,
пора подумать
об отпуске!**

Решить эту проблему
поможет фирма

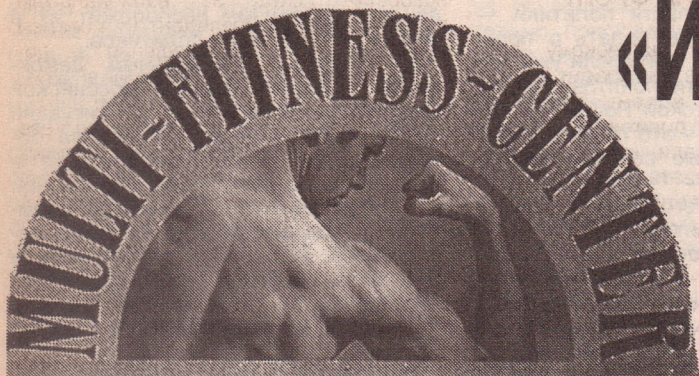
«ЭКОЦЕНТР»

ПО ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ
ПРЕДЛАГАЕМ
ПУТЕВКИ

На базы отдыха и в пионерские
лагеря Ялты, Сочи, Феодосии,
Алушты.

Тел.: 264-92-87,
264-97-29,
264-95-21
Факс: 264-91-87

«ИЛИОН» — ИЛИ ОН, ИЛИ НИКТО ДРУГОЙ!

Когда Антон Павлович Чехов писал, будто в человеке все должно быть прекрасно, он, вероятно, не подозревал, что в наши дни его фраза станет аксиомой и девизом для всякого уважающего себя человека, будь то бизнесмен или пока еще рядовой служащий, юноша или дама балзаковского возраста. Здоровое и красивое тело для любого человека, чем бы он ни занимался, — это не только отменное самочувствие и бодрое настроение. Хорошая фигура — это уверенность в себе, колоссальный запас сил и энергии и, конечно же, успех! Почему? Да потому, что при всем богатстве выбора другой альтернативы не будет. Кого бы, к примеру, выбрали вы в друзья, в деловые партнеры или просто в коллеги: вечно «хворающего» пессимиста? Конечно же нет! Вы бы выбрали человека, следящего за своим здоровьем и внешним видом.

Московская фирма «ИЛИОН», представляя на российском рынке спортивно-оздоровительное оборудование всемирно известной компании «KETTLE», уверена: она сможет предоставить все, что вам необходимо для здорового образа жизни, прочно вошедшего в моду в развитых странах. Очень привлекательно и то, что почти все приборы и тренажеры, не говоря уже о различных спортивных аксессуарах, можно разместить и дома, и в офисе — они компактны, удобны и доступны в цене. Даже название — «ИЛИОН» созвучно именам, красоте и здоровью героев Древней Эллады.

Когда вы устали от однообразной ра-

боты, уверяю вас, велотренажер окажется лучше «Марса» и «Сникерса». Представьте: вы садитесь на удобное белое сиденье (оно, как и «руль», опускается и поднимается, так что тренажером может пользоваться и ребенок, и человек двухметрового роста), прикрепляете к мочке уха специальный зажим (сигнал постоянно фиксируется датчиком, обрабатывается встроенным мини-компьютером, для питания которого, кстати, требуются всего лишь две «пальчиковые» батарейки) — и вперед. Перед вами на миниатюрном дисплее вся информация: время, скорость пульса, количество затраченных калорий... Можно ездить «в гору» и «с горы», а можно — и «по пересеченной местности». При этом, если вдруг перестаете вращать педали, скорость постепенно падает, как на настоящей велосипед.

А рядом — электрическая беговая дорожка. Точно с такой же электронной оснасткой. Дорожка движется, и вам надо за ней поспевать. При этом вы имеете возможность регулировать скорость, а при желании взбежать на гору — угол наклона дорожки можно изменить.

Для желающих нагрузить мышцы рук и туловища есть тренажеры, имитирующие греблю, многофункциональные комплексы с самыми разнообразными приспособлениями. Есть даже специальный аппарат, создающий эффект ходьбы по лестнице (не правда ли, приятно представить, будто это ваша «карьерная» лестница. В особенности если вы делаете перерыв после удачно выполненного задания).

После трудового дня приятно расслабиться, поудобнее устроившись в салярии. С помощью встроенного вентилятора можно даже создать эффект легкого бриза...

Кроме того, «ИЛИОН» поставляет специализированные тренажеры для беременных женщин, детские тренажеры. Ме-

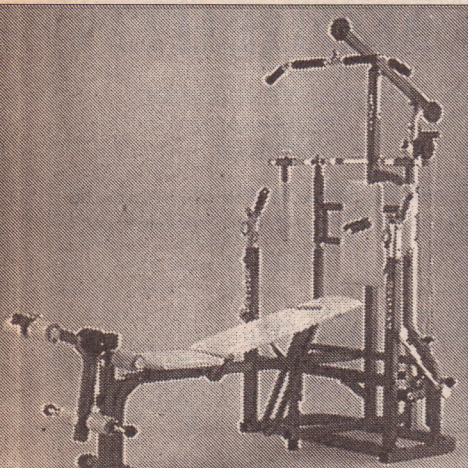
дицинские учреждения наверняка заинтересуются тренажерами для реабилитации после перенесенных заболеваний.

Скажите честно, вы видели когда-нибудь скакалку со счетчиком оборотов? А пробовали заниматься в атлетических перчатках? Попробуйте! Женщинам, я уверен, очень понравятся специальные мягкие гантели с предохранительными захватами — чтобы, не дай бог, груз не сорвался и не ударил по ноге. Эластичны и очень приятны на ощупь утяжелители для кистей рук, которые используются, например, на занятиях аэробикой. Очень удобна перекладина, которую с помощью специальной гайки можно в считанные секунды укрепить в дверном проеме и использовать как турник.

На все это даже просто приятно смотреть, потому что видно: это сделано для вас. Все продумано: и дизайн, и расцветка (как насчет черно-белого или черно-золотого? А может быть — бело-фиолетовый?). Оборудование комфортно и удобно в плане хранения и перевозки — оно занимает очень мало места в сложенном виде.

Записал Олег АЛЕКСЕЕВ

Оборудование, поставляемое фирмой «ИЛИОН», вы можете приобрести как оптом со склада, так и в розницу. Смело спрашивайте его в магазинах «Зенит» (Сокольническая пл., 9), «Турист» (Кастанаевская ул., 42), «Атлетика» (стадион «Динамо», 9-й подъезд), «Немо-турс» (Кантемировская ул., 20, к.1), «Спорт-прогресс» (Б.Академическая ул., 41/1), «Олимп» (ул. Красная Пресня, 23) и др. Впрочем, вы можете просто обратиться за консультацией. Вас примут, вас выслушают, вам помогут советом. Наконец, вам предоставят скидки! «ИЛИОН» — ИЛИ ОН, ИЛИ НИКТО ДРУГОЙ!

Адрес для мелкооптовых покупателей:
109004, г. Москва, Таганская ул., д. 24, стр. 1,
тел.: (095) 271-01-90, 271-15-49,
факс: (095) 278-21-65,
283-15-91.

ВСЕ УШЛИ НА ФРОНТ

Стремление к «гражданскому согласию» охватило ветви власти в самый неожиданный момент — сразу после знаменитой политической амнистии от 23 февраля, когда все политологи и обозреватели замерли в ожидании новой схватки в верхах. Государственная Дума одним махом, решительно и бесповоротно выпустила из застенков на волю всех наиболее непримиримых противников правящего режима. Демократическая об-

всеобщий поход за национальным примирением. Президент повелел составить текст «Соглашения о достижении гражданского мира» в двухнедельный срок и убыл в отпуск.

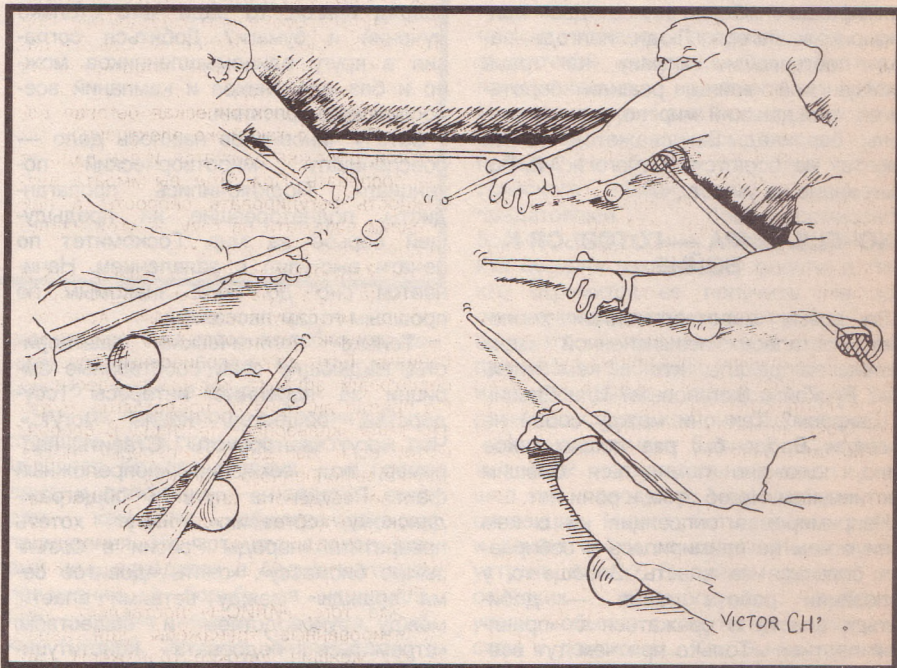
Выяснилось, что едва ли не все московские политики готовы «стоять за дело мира». На первую кремлевскую планерку по поводу проекта соглашения явились Егор Гайдар, коммунисты, актриса Лидия Федосеева-Шукшина (от творческих союзов), представители правительства, профсоюзов, патриархии, женщин, молодежи, интеллигенции и т.д. Дальше, как водится, выросла целая бюрократическая структура, с пятью подкомиссиями, секретариатом, аппаратом, сопредседателями и всем, что положено по штату. Процесс бумажного миротворчества взял под свою опеку лично Борис Николаевич, пообещавший освятить итоговый продукт своей подписью.

Звали всех — и назначенных, и избранных. Половина фракций Думы забросила мелкие законодательные заботы и занялась судьбоносным

Николай ТРОИЦКИЙ

ВОЙНА ЗА МИР В КОНЦЕ XX ВЕКА

Российскую власть обуяла борьба за мир. Знакомое состояние. Когда-то мы еще в Советском Союзе яростно воевали за мир во всем мире. Теперь масштабы сузились. Пока миротворцы в погонах российской армии насаждают согласие и консолидацию на просторах СНГ, официальной доктриной президента, правительства и парламента становится «разрядка внутренней напряженности». До международной, видимо, руки еще не дошли. Помнится, та, прежняя, борьба за мир велась всерьез и надолго и сопровождалась такой «гонкой вооружений», что до сих пор полмира не может прийти в себя. Новый всплеск боевитого миролюбия грозит куда более тяжелыми последствиями и для мира, и для России.

щественность закипела и готова была взорваться. Помощники президента России суетились, возмущались и сваливали вину на «непонятливого» генпрокурора. Сам верховный гарант демократии Борис Ельцин изрек несколько грозных фраз: дескать, если плохо будут себя вести, всех посадим обратно! А затем, вопреки своему обыкновению, не стал отвечать ударом на удар, а объявил

трудом. Чиновники от исполнительной власти тоже с энтузиазмом ударились в «примиренческую» штурмовщину. Однако между «мирными соглашениями» начались трения и вспышки ревности. Многие рядовые думцы негодовали и настаивали на праве «первой ночи». Они уже приняли 23 февраля «Меморандум о согласии» и считали, что президенту незачем сочинять новый документ. Впро-

чем, эти миролюбцы были явно несправедливы к Ельцину: он ведь не стал с ними воевать, «проглотил» амнистию и пошел навстречу. Так зачем склочничать? Сливайтесь в едином экстазе примирения!

Слиться не получилось. Группа несогласных с президентским вариантом согласия создала альтернативное движение «Согласие во имя России». Под лозунгами сепаратного «мира» и особой «консолидации» собрались Руцкой, Зюганов, Проханов, Зорькин и др. Они тоже, оказывается, желают забвения прошлых грехов и национального примирения, но под ельцинским манифестом подписываться не намерены. В то же время где-то совершенно отдельно сражается за высокие миротворческие цели обиженный Жириновский: он считает, что подарил амнистию оппозиционерам, а те так и не подпустили либерал-демократа к своей «трубке мира». Два других соавтора думского постановления об амнистии и меморандума о согласии — Иван Рыбкин и Сергей Шахрай — поступились первородством и примкнули к кремлевской команде миротворцев.

В рядах борцов за «национальное примирение» обозначились два непримиримых лагеря. Люди, полгода назад поставившие страну на грань гражданской войны, решили бороться за гражданский мир по разные стороны баррикад. Вы скажете, что за мир так не борются? Отчего ж? В России иначе не умеют...

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

За всеми миротворческими хлопотами осталась невыясненной одна маленькая деталь: кто с кем мирится? Руцкой с Зюгановым? Или Ельцин с Шахраем? Так они между собой не воевали. Вроде бы, раз пошло такое дело, положено помириться бывшим противникам. Но об этом и речи нет.

Непримиримая оппозиция ни с кем и ни с чем не примирилась и собирается бороться за власть. Вообще-то, у оппозиции работа такая — добиваться власти и сражаться с «правлящей партией». Только при чем тут всеобщее национальное согласие? Правда, оппозиция обещает воздержаться от насилия и действовать парламентскими методами. Хватит с нас того, что на политических противников не будут напускать танки, а те в ответ не станут пытаться вызвать на помощь боевые самолеты. Тоже хорошо, но маловато для «великой хартии примирения».

Ну, оппозиция, допустим, нецивилизованная. А что власть? Кремлевское Соглашение о достижении гражд-

данского согласия уже готово. Там предложено воздержаться от изменений Конституции, перераспределения полномочия ветвей власти; насилия; забастовок; вооруженных отрядов внутри партии; досрочных выборов; наконец, от использования оценок событий августа 1991-го и сентября—октября 1993-го как повода для углубления конфронтации и противостояния.

Последний пункт особенно удивителен. Как это — воздержаться от оценок? Не говорить, не писать и не вспоминать? И что, сразу прекратится конфронтация? Ну ладно, допустим, администрация президента и правительство подпишут — им веляно. Профсоюзы подпишут, а трудящиеся перестанут бастовать? Сомнительно. Спикеры обеих палат подпишут, если палаты дадут им такие полномочия. С Советом Федерации проблем не возникнет, а вот Дума может заупрямиться... Но возникает главный вопрос: кто не подпишет — тот враг народа и мира? Или нет? В соглашении не предусмотрено карательных мер, но тогда как заставить его соблюдать? Если же «неподписанты» автоматически переводятся в разряд врагов, то ради чего столько мучений и бумаги? Добиться согласия в кругу единомышленников можно и без месячников и кампаний все-российского братания.

Зато у чиновников нашлось дело — обеспечивать «миротворческий потенциал». Подключились пропагандисты, поднаторевшие на предыдущей борьбе за мир. Госкомитет по печати выступил с заявлением. Начинается оно до боли знакомым по прошлым годам пассажем:

«Только политические авантюристы, выдающие свои собственные амбиции за коренные интересы государства, общества, нации, могут...». Что могут авантюристы? Ставить, например, под сомнение «непреложный факт: Россия на пути к общегражданскому согласию». Могут хотеть превратить «народы России в безъязыкую биомассу», «сеять ядовитое семя вражды» между ветвями власти, между руководством и обществом, «стремиться подорвать конституционный строй», «держать страну в атмосфере слухов, сплетен, клеветы, страха».

Странно. Получается, что все бывшие противники и оппоненты в России уже помирились, и лишь жалкая кучка авантюристов (диссидентов? космополитов? жидомасонов?) пытается подорвать основы невесты откуда взявшегося согласия. И что за страшные слухи и клевету имеют в виду мирные агитаторы?

Столь яростный чиновничий гнев

вызвала пресловутая «Версия №1», безымянная «аналитическая записка», повествующая о мифическом антиельцинском заговоре, опубликованная в марте в двух считающих себя солидными московских газетах. Это уже просто смешно.

Много было слухов о заговорах и переворотах в России за последние три года, но такой idiotской сплетни мы еще не видели. «Страшная» «Версия №1» лишена не только смысла, но и элементарной логики. Это ж надо было кому-то выдумать: Шумейко, Полторанин, Сосковец и Лужков задумали отстранить Ельцина от власти и передать президентские полномочия Черномырдину, а оповещать народ по телевизору отрядили Юрия Скокова и президента концерна «Газпром» Вяхирева, которых ни один россиянин в лицо не знает! Я уж не спрашиваю о том, как вышеозначенные лица могли объединиться и зачем им это надо? С тем же успехом можно было связать «заговором» Старовойтову, Зюганова и Шахрая, а на телевидение запустить, например, Константина Борового. Абсурд так абсурд!

В авторстве «Версии», как известно, признался журналист Глеб Павловский. Но как он сумел так бездарно написать и обнаружить такое незнание элементарного расклада сил в российских верхах? Право, предыдущие заметки Павловского были хотя бы грамотными. А тут! У любого репортера средней руки получилось бы умнее, логичнее и эффективнее.

Однако вздорной «аналитической запиской» озаботилась контрразведка, прокуратура возбудила уголовное дело, а государственное ведомство выступило с громкопящим заявлением. Абсурдная «Версия №1» достойна нелепой возни на Олимпе, именуемой борьбой за «общегражданское согласие».

ДЕМОСФЕН И ЖИРИНОВСКИЙ

Все это было бы забавно, когда бы не вело к грустным результатам. Новейшие мирные меморандумы навевают множество исторических ассоциаций, в основном из недавнего прошлого. Но куда поучительнее оглянуться в глубь веков.

Великий древнегреческий оратор Демосфен жил в пору заката Афинского государства, в IV веке до нашей эры. У греков тогда был грозный враг — македонский царь Филипп. И афинские власти обуял приступ миролюбия, они очень вдруг захотели побрататься с противником, забыть былые распри и заключить мир. Филипп вроде бы не возражал, но не спешил подписывать «соглашение о

примирении» и постепенно захватывал один греческий город за другим. Демосфен выступал против мира, говорил, что миролюбие афинян приведет их к утрате независимости. Демосфена обзывали авантюристом, мешающим «общегражданскому согласию» с врагом. Но в конце концов он оказался прав. Афины подчинились Филиппу.

Может быть, Жириновский, например, не тянет на сравнение с Филиппом македонским. Но эпоха нынче другая, личности помельчали, Демосфена своего у нас нет, а Владимир Вольфович не одинок. И повсюду слышатся речи об окончательном примирении.

Демосфен предостерегал сограждан в подобной ситуации: «Если наш противник, держа в руках оружие и имея вокруг себя большое войско, только прикрывается словом «мир», между тем как его действия носят все признаки войны, что тогда остается, как не обороняться? Если же

вам угодно при этом, подобно противнику, говорить, будто вы сохраняете мир, то я тоже не возражаю».

Что же получилось в России? О настоящем мире, конечно, никто не помышляет. Каждая сторона — и президент, и оппозиция — надеется выиграть кампанию общегражданского примирения. Но тот, кто сделал первый ход, находится в более выгодном положении. А борьбу за национальное согласие начали: Госдума, Рыбкин, Шахрай, Зюганов, Жириновский и прочие. Ельцин явился завершать процесс, вовлек в него всю президентскую рать и хотя делает вид, что диктует условия, но в действительности он уже играет по навязанным ему правилам.

Подлинные инициаторы миротворческой затеи могут спокойно отойти в тень, маневрировать, выставлять требования и ждать развязки. Кстати, не так уж важно, в какой команде они сейчас играют. Рыбкин и Шахрай пришли в Кремль, казалось бы, сош-

лись во всем с президентом, но их личные мнения малю чего стоят. При подписании соглашения им надо будет считаться с Думой, а кто знает, какие новые помехи на «пути к миру» тогда возникнут? Впрочем, оппозиции это не страшно — она свое дело свершила.

Зато кремлевские миротворцы попали в ловушку «пакта о всенародном согласии». Ельцин пришел на готовенькое и заранее потерял инициативу, а возможный крах «кампании примирения» будет означать для него полную потерю репутации. И воинственных жестов, конфронтационных шагов ему никто не простит: верховный конституционный гарант взял на себя слишком высокие обязательства.

Диктовать условия мирного договора вправе только победитель. В ином случае «гражданское согласие» между врагами означает простую капитуляцию одного из них. В нашем случае не видно победившей стороны. Но так как никто всерьез не разоружился, то рано или поздно будет проигравший в схватке, в том числе и в схватке за «гражданский мир».

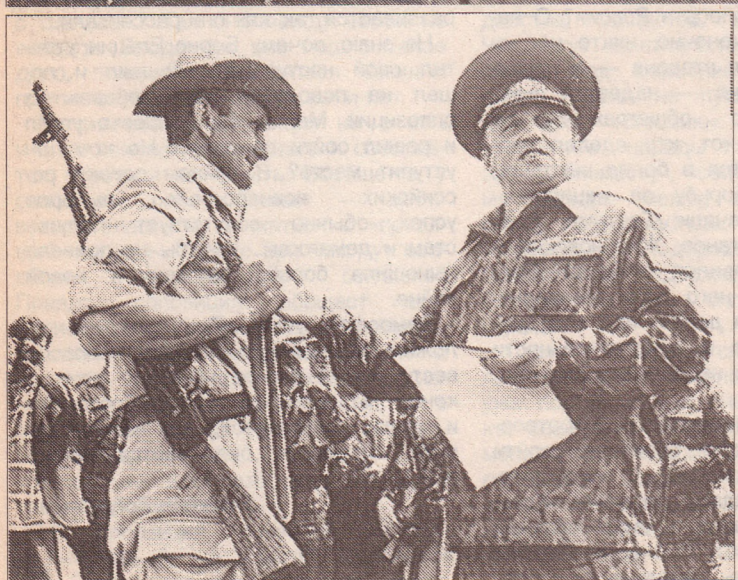
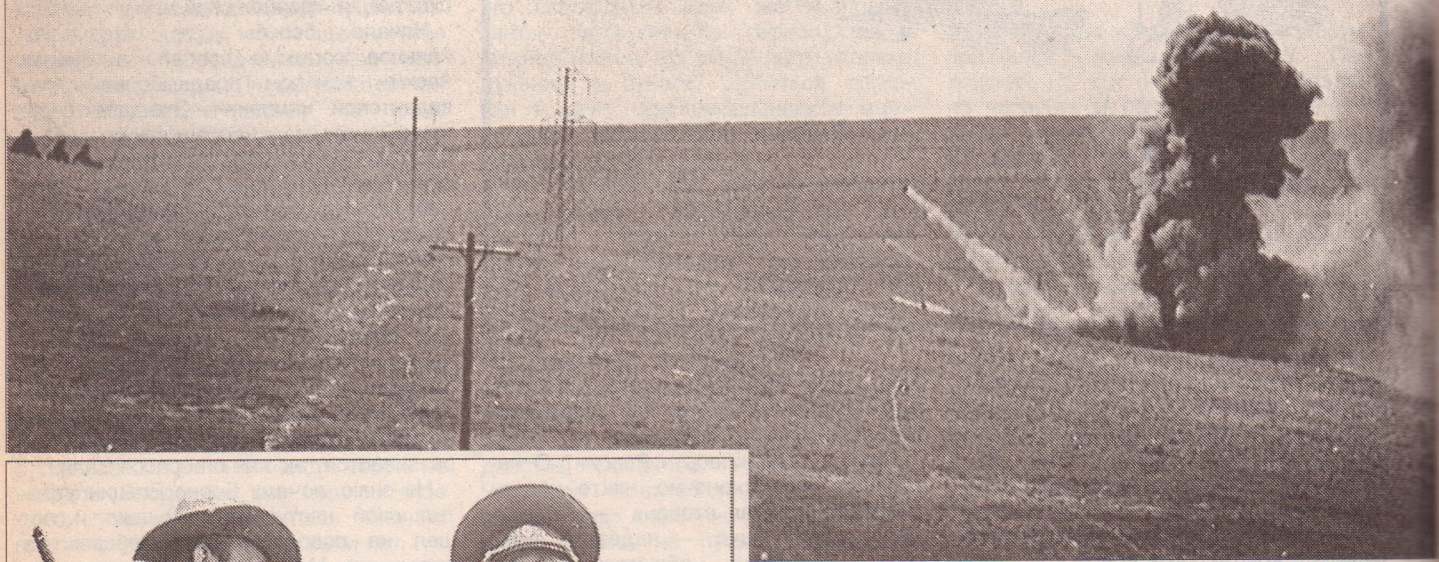
Начало борьбы за общенациональное согласие совпало с фактическим началом предвыборной президентской кампании. Это две вещи принципиально несовместные. Мир между соперниками совершенно невозможен — слишком велика цена победы. Но бурная кампания всероссийского примирения в условиях предстоящей бескомпромиссной борьбы, безусловно, выгодна не тем, кто сегодня находится у власти, а тем, кто стремится ее получить. Не зря они начинали свою многоходовую комбинацию с политической амнистии, призыва к забвению прошлых грехов и меморандума о согласии. Пока все развивается так, как они рассчитали.

Не знаю, почему Борис Ельцин утратил свой наступательный пыл и пошел на поводу у «миролюбцев» из оппозиции. Может быть, просто устал и решил сойти со сцены. Но кому он уступит место? В буйном потоке российских всенародных выборов успех обычно сопутствует популистам и демагогам... Как бы не привела нынешняя борьба за мир к новой войне.

Демосфен учил: «Пока мы не положим правильного начала, напрасно вести какую бы то ни было речь о конце». И еще. Трагедия в России то и дело повторяется, как фарс. Но фарс почему-то оказывается кровавым.

Рисунки В.Чумачева

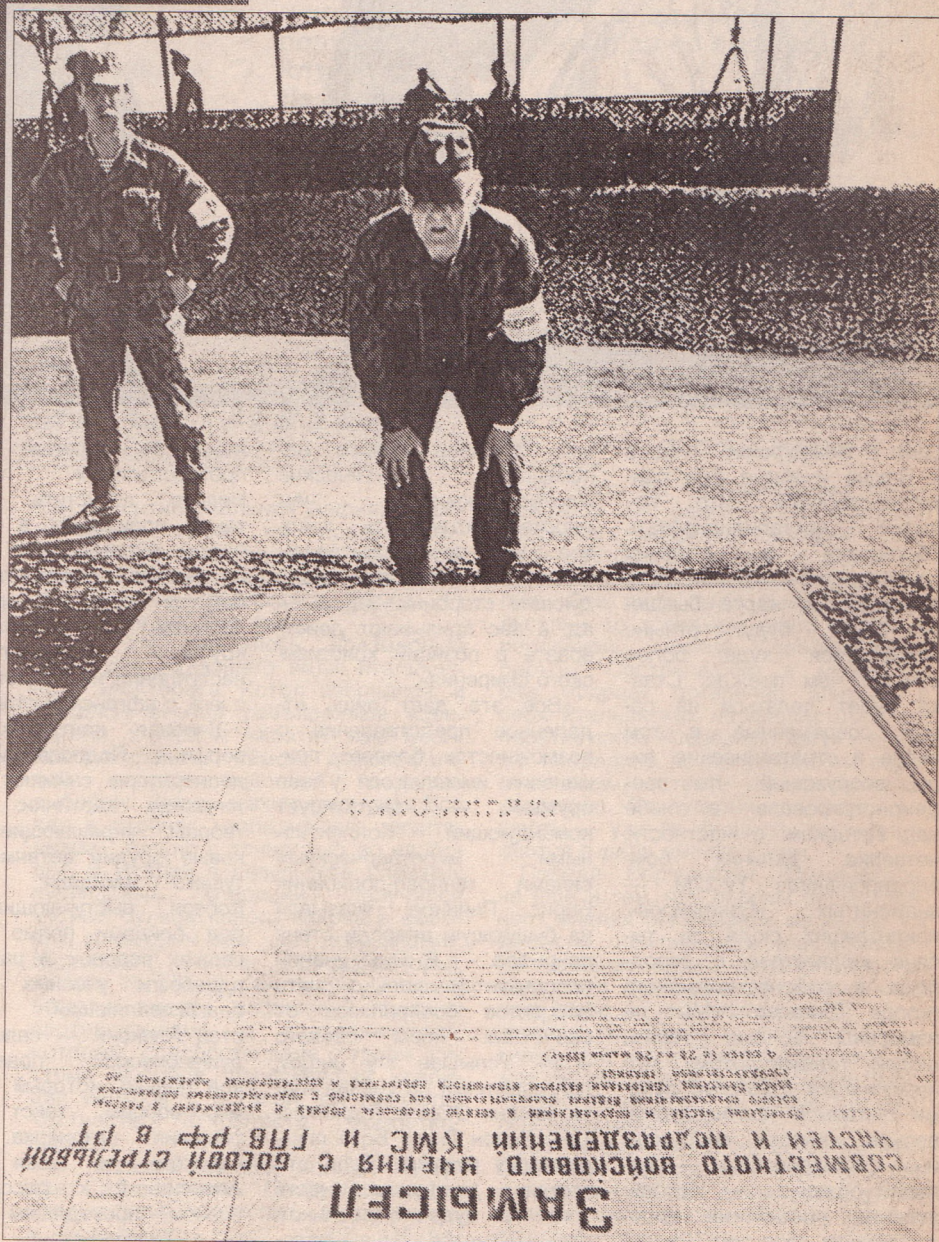
ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ, НО В АДУ ЕЩЕ ТЯЖЕЛЕЕ

Огненный шквал накрыл цели и поднял в воздух густые клубы пыли, которые окутали окрестности. Тонны металла и взрывчатки перепахали высоты в нескольких километрах к северу от афганской границы. Условный противник был уничтожен. Первые учения Коллективных миротворческих сил СНГ завершились в Таджикистане в полном соответствии со сценарием — безоговорочной победой миротворцев над «вторгшимися из Афгани-

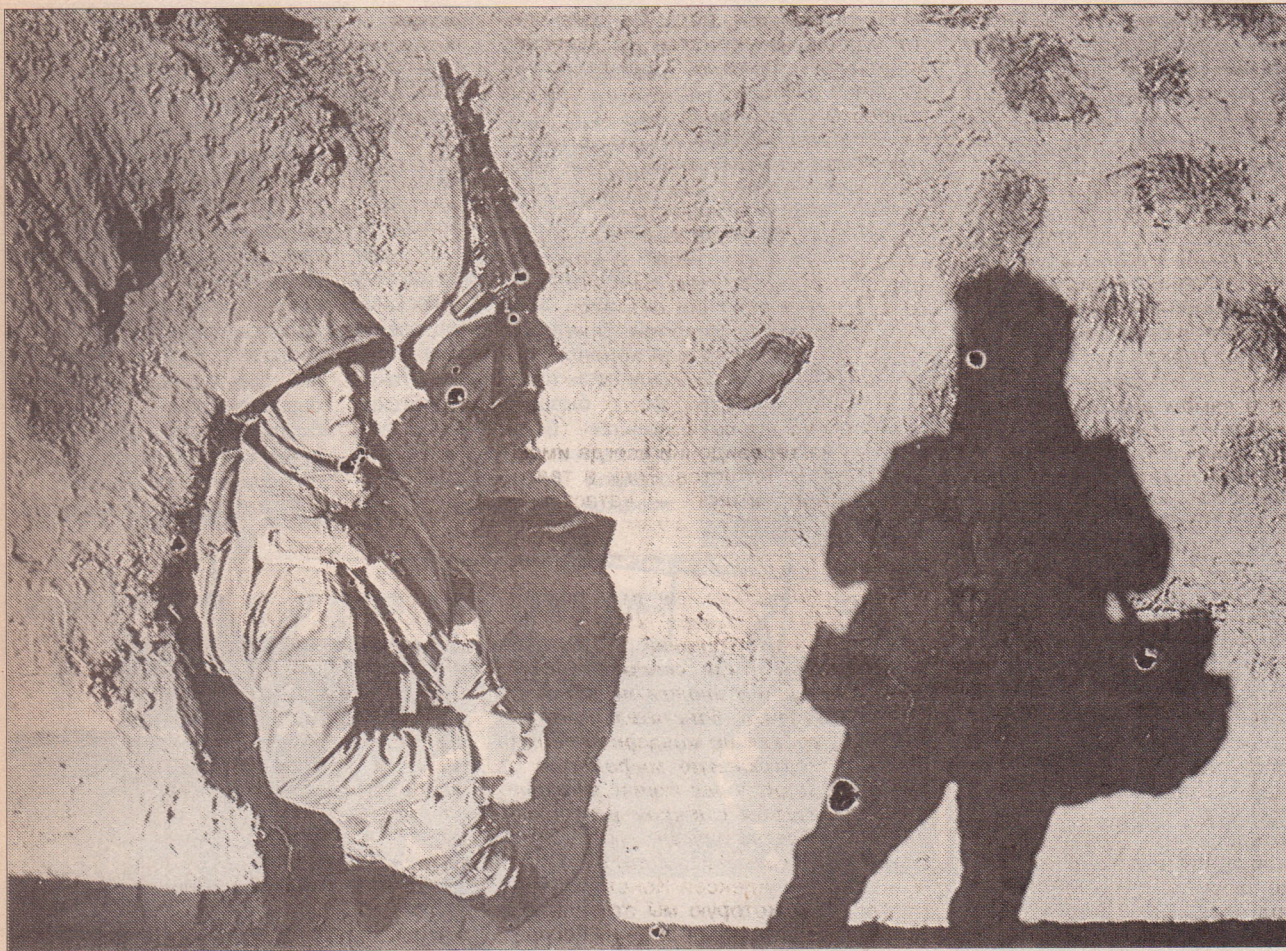
проведению совместных операций. Впервые после распада Союза и единой советской армии, в которой все они некогда служили, Грачев, Шишляников и Ахмедов бросили своих подчиненных в общий — пусть только учебный — бой. Правда, некоторый оттенок горечи придавало происходящему, что согласно вводной задаче учений действовать коалиционным силам приходилось тоже против таких же бывших советских граждан. Ведь именно они составляют большинство в отрядах вооруженной таджикской оппозиции. И те,

против кого может быть использовано коалиционное оружие, находились всего километрах в пяти от места учебного боя. «Сегодня утром я видел в прицел моих орудий, как несколько боевиков переправлялись через Пяндж. Хотел было уже их накрыть, но приказали стрелять только по учебным целям», — досадовал таджикский артиллерист. Что ж, район учений был оцеплен неспроста, безопасность прибывших сюда руководителей обеспечивали 15 расставленных по периметру бронегрупп. Разыгранные миротвор-

стана отрядами боевиков и поднявшей мятеж внутри самого Таджикистана вооруженной оппозицией».

Присутствовавшие на учениях министр обороны России генерал армии Павел Грачев и его коллеги — руководители военных ведомств Таджикистана и Узбекистана генералы А.В.Шишляников и Р.У.Ахмедов, — похоже, остались довольны. По их мнению, коалиционные войска вполне доказали свою высокую боеготовность и готовность к

цами в междуречье Пянджа и Вахша учебные бои свидетельствовали, что попытки дестабилизировать обстановку в «горячих точках», в изобилии появившихся на карте бывшего СССР, будут отныне подавляться куда более жестко, чем прежде. Ставка будет делаться на самые современные, в том числе и стратегические, виды вооружений, что продемонстрировала в небе над Пянджем, в частности, четверка дальних бомбардировщиков Ту-22М — знаменитых «Бэкфайров», прилетевших сюда за тысячи километров с аэродрома в районе волжского города Энгельс. «Мы не намерены больше терять людей только потому, что практически с голыми руками пытаемся противостоять весьма неплохо вооруженным формированиям, — заявили офицеры. — Использование российских миротворческих сил до недав-

него времени скорее напоминало политические жертвоприношение, чем миротворчество как таковое. Нами просто пытались, как стеной, разделить враждующие стороны... Здесь — ад, а нас призывают действовать с позиций христианского смирения».

«Все это дает лишь отдаленное представление о возможностях боевого применения имеющегося у нас оружия», — констатирует командующий Коллективными миротворческими силами генерал-полковник Борис Пьянков, указывая на бушующую впереди стену разрывов. — В ходе учений используется только пять процентов боеприпасов от расчетных норм боевого огня. Услышав эту цифру, приглашенный на учения глава миссии ООН в Таджикистане Румэн Ливиу Бота лишь разводил руками: «Если это только двадцатая часть того, что будет в реальном бою, остается лишь наде-

яться на здравый смысл противостоящих сторон. Нельзя допустить, чтобы такое произошло в реальности». Однако даже самые отчаянные оптимисты не берутся отвергать мрачные прогнозы о возможности крупного весенне-летнего наступления на Таджикистан с юга, с афганской стороны...

Учебная контратака завершена. Подоспевшие телеоператоры снимают идиллические картинки: миротворцы, украшающие танковые орудия ветвями цветущего миндаля; Иосиф Кобзон, выступающий перед бойцами прямо среди свежих воронок и разбитых вдребезги учебных целей; благословляющий солдат отец Алексей — священник душанбинской православной церкви, который привез миротворцам текст «Обращения патриарха Московского и всея Руси Алексея II к российским воинам, проходящим службу в Таджикистане»: «...Цер-

ковь молится о вас, сострадает в испытываемых вами трудностях и лишениях. Она призывает вас быть мужественными и честными, призывает к подвигу во имя мира...» Самое время умилиться. Облегченно вздохнуть: «Тяжело в учении etc».

Меньше чем через неделю после окончания учений (одну из главных задач которых командование КМС сформулировало, кстати, как «повышение способности личного состава переносить большие психологические и физические нагрузки») «Интерфакс» передал из Душанбе, что в своем гостиничном номере застрелился полковник российских миротворческих сил в Таджикистане. В учении, конечно, тяжело. Но ад все равно остается адом...

Юрий ГОЛОТЮК
Андрей ЗАМАХИН (фото)

ЧАС ВЫБОРА ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Республика умерла, да здравствует Республика! Все произошло неожиданно и до банального обыденно. Вдруг итальянцы осознали, что живут уже при Второй Республике, а Первая Республика вместе с парламентом II созыва стала достоянием истории. Выборы в парламент и сенат завершились. Итальянцы проявили удивительное единодушие и проголосовали за правые партии. Наибольшее число голосов получило политическое движение «Форца, Италия» («Вперед, Италия»),

созданное одним из наиболее богатых и талантливых людей Италии Сильвио Берлускони. Кстати, «Форца, Италия» — это боевой клич итальянских футбольных болельщиков, а Сильвио Берлускони, среди прочих своих увлечений, является еще и поклонником футбола, владельцем популярного в Италии и за ее пределами клуба «Милан». Выборам в Италии и фигуре Берлускони мировая пресса уделяет много внимания. Мы предлагаем два материала на эту тему.

КРОКОДИЛЬЧИК ИЗ КУРИНОГО ЯЙЦА

Сильвио Берлускони показал себя самой могущественной фигурой на правом политическом крыле Италии в ходе прошедших общенациональных выборов.

Если искать аналогии с Западом — а в некоторых странах «свежепобедившего» капитализма делать это очень любят, — то пример с выборами в Италии показателен и поучителен. Предыдущее политическое и деловое руководство страны, история которой знаменита, среди прочего, гарибальдийским Ресорджименто, зарвалось. Серия крупных скандалов, связанных с коррупцией, подточила здание политического пантеона, и оно рухнуло...

Куда уж дальше, в самом деле! Римские, миланские и неаполитанские судьи завели более трех тысяч уголовных дел по обвинению видных и не очень видных политиков во взятках, в нарушении порядка размещения выгодных строительных заказов, в потворстве мафии. Предыдущие премьер-министры Джулио Андреотти и Беттино Кракси под следствием. Аресту подверглась некоторая часть документации таких крупных фирм, как «Фиат» и «Оливетти». За редким исключением авторитетные лидеры страны запятнаны и дискредитированы. Не дремала сицилийс-

кая и континентальная мафия, возобновившая атаки на правоохранительные органы. Вкупе со всеми бедами затяжная рецессия отобрала у итальянских трудящихся более 11 процентов рабочих мест.

Все это оказалось чрезмерным даже для видавшего виды итальянского электората. Котел взорвался, и прошлой весной разъяренные избиратели отрезали: «Хватит нам мозги компостировать самой демократичной репрезентационной моделью выборов! Даешь мажоритарную!» Все как в странах «победившего капитализма», только с точностью до наоборот. В Италии в результате сложных кулинарных операций получился мутный бульон нового закона о выборах, в котором сам черт ногу сломит. Кулинары (читай: реформаторы), хлопая голубыми, честными глазами, вещали: вместо мафиозной паутины протекционизма и взяточничества, которым способствовала старая система выборов, допускавшая коалиции ангелов с сатаной, вы получите честность, открытость, компетентность!

С первыми лучами солнца наступает отрезвление. Пробуждающийся итальянский электорат, столпившись у родильного ложа новой избирательной системы, с ужасом наблюдал,

как вместо двух-трех здоровых политических младенцев в виде достойных политических партий на свет производится сонм неуклюжих отталкивающего вида монстров, которые готовы отдать концы на следующий день после подсчета результатов выборов. Новая политическая партия так и осталась в утробе матери Италии в виде неоплодотворенной яйцеклетки.

Но было бы несправедливо среди монстров не заметить и довольно увесистого младенца, который громко и настойчиво заявил о своем существовании. Имя ему — «Форца, Италия». Это дитя было выношено Берлускони со товарищи всего за три с половиной месяца предвыборной борьбы. Состряпанная в мгновение ока «Форца» органично впитала в себя итальянских неофашистов и сепаратистскую «Северную лигу» и сразу же опередила по популярности ведомую коммунистами «прогрессивную» коалицию. Берлускони уточняет: фашисты — уже не фашисты, если впрягаются в дело вместе с ним.

Победа Берлускони примечательна еще и тем, что опросы общественного мнения показывали не такую уж высокую популярность его команды. Не любящая никого пресса подчеркивала, что большинство итальянских политиков и интеллигентов (!) обращаются (за глаза) к Берлускони не иначе как «Суа Эмиттенца», что может переводиться и как «Ваше Высокопреосвященство» и «Ваше Широкотелевещательство».

Да, владения 57-летнего магната включают телестанции, издательства, супермаркеты. Но даже для бурной политической жизни Италии, где на парламентские кнопки «за», «против», «воздержался» нажимают и порно-

звезды, и герои мыльных опер, Берлускони — фигура, стоящая особняком.

Вероятно, самый впечатляющий факт биографии Берлускони — о, чудо из чудес! — то, что он не был замешан в сотнях деловых и политических скандалов, последствия которых огнем и мечом пытаются ликвидировать Люди с Чистыми Руками. Затянутые последними расследования, правда, затронули нескольких его довольно близких соратников, в том числе брата Паоло, председателя строительной фирмы, входящей в «Фининвест» — главную холдинговую компанию Берлускони. Кое-кто из официальных боссов миланского клуба «АС» был обвинен в том, что за покупку футбольной «звезды» Джанлуиджи Лентини из Турина было уплачено на 2 миллиона больше, чем было заявлено в налоговой декларации. Обвинения быстро рассыпались. Берлускони также имел довольно близкие связи с дискредитированным Кракси — бесшумным в течение десятилетий лидером социалистов и крестным отцом одного из пяти детей нового итальянского лидера. «Доброжелатели» завели дела на союзников Берлускони по предвыборной коалиции якобы за незаконные финансовые операции, что сам Сильвио назвал «позорной политической игрой». Тем не менее, несмотря на тридцатилетнюю трудовую биографию в области строительного и рекламного бизнеса, где все, как известно, строится на подкупе и взятках, Берлускони не услышал ни одного прямого обвинения лично в свой адрес.

Явная незапятнанность Берлускони и стала его козырной картой в предвыборной борьбе. Воспользовавшись прочной платформой, которую ему обеспечили его же телевизионная и издательская империи, он призвал возглавляемый им предвыборный блок «Форца, Италия» к крестовому походу против коррупционеров и коммунистов. К этому моменту скандалы полностью подорвали доверие общественности к христианским демократам и социалистам. Неожиданным следствием коллапса итальянского центра стало всплытие на поверхность «реформированных» коммунистов Акилле Оккетто, нефашистского Национального альянса Джанфранко Фини, сепаратистской «Северной лиги» Умберто Босси.

Эти сюрпризы оставили умренных итальянских избирателей без достаточно привлекательной альтернативы. Тут-то и подвернулся Берлускони со своей платформой: «Мы за закон, мы за порядок, мы за дело!». Берлускони пообещал снизить налоги, особенно для части общества с наивысшими доходами, создать миллион новых рабочих мест, главным образом за счет снижения налогов на доходы служащих, занявших новые политико-деловые позиции. Берлускони знал, на какие педали жать: он призвал Италию освободиться от раковой опухоли разъедающей ее бюрократии, а также сделать все воз-

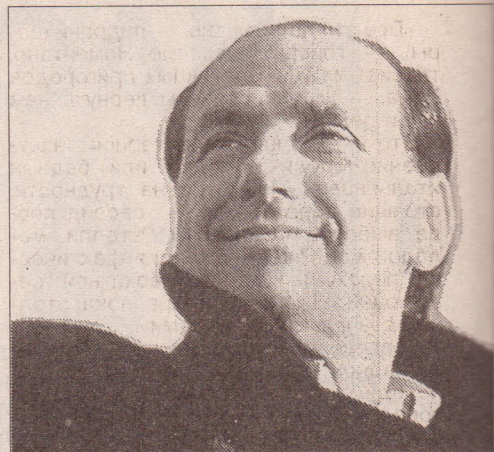
можное, чтобы спасти рассыпающееся на глазах художественное достояние республики. «Я всегда предпочитал быть победителем, — без ложной скромности заявлял Берлускони. — Со мной Италия тоже выйдет в победители».

Но гадкая, как и во всех других странах, оппозиция ловит Берлускони на «самой большой проблеме, на которую чемпион не предложил ответа»: национальный долг страны составляет 115 процентов от валового национального продукта. Налоговые проекты Сильвио подверглись осмеянию: их назвали взяткой для богатых. Самые едкие — чтоб им пусто было — спросили, как Берлускони сможет, например, согласно его планам, удвоить расходы на оборону без введения новых налогов. Некоторые хорошо информированные циники, типа политического обозревателя Джанфранко Пьяццези, заявили, что Берлускони пошел в политику лишь для того, чтобы спасти свою информационную империю от нападков левых.

Несмотря на скорпионьи попытки противников Берлускони испортить такое мягкое прохождение предвыборной дистанции, программа его оказалась сладчайшей музыкой для ушей миллионов избирателей. В стране как грибы после дождя стали расти клубы поддержки «Форца, Италия» и навыварало их к моменту выборов 12 тысяч. Домохозяйки и пожилые люди примкнули к Его Высокопреосвященству. Их примеру последовали владельцы малых и средних компаний, которые не терпят (как это правильно!) высоких налогов на бизнес. К ним присоединились традиционные сторонники христианских демократов, которым вроде и некуда больше деться.

Но этого было явно недостаточно, чтобы составить большинство в новом парламенте. Весь декабрь и часть января Берлускони рыскал в поисках партнеров для коалиции. Ими и оказались упомянутые выше неофашисты и сепаратисты. Все три партнера заключили соглашение притормаживать там, где у товарищей по коалиции имелись лучшие шансы на победу. Свои обещания они свято соблюдали. «Держите нос по ветру и голосуйте за «Форца», — советовал лидер «Северной лиги» Босси в начале года, хотя, по всей видимости, он неспособен был противостоять нападкам на своих союзников из Национального альянса, которых нехорошие дяди обзывали «наследниками Муссолини». Фини во время проведения предвыборной кампании пытался убедить общественное мнение в том, что не фашист он вовсе, но невинный либерал-рыночник.

Силы левого фланга и центра считали за долг заключить свои товарищеские соглашения. В противном случае они подверглись бы риску увязнуть в болоте новой выборной системы. Оккетто, коммунареформатор, слился в экстазе с аморфными обломками в виде нераскававшихся

До недавнего времени Сильвио Берлускони был на итальянской политической арене «темной лошадкой»

сталинистов, старых социалистов, «антимафиозной партией» (есть и такая!), «зелеными» и левыми католиками. Весь юмор состоял в том, что никакой он не коммунист. Накануне выборов он обещал продолжить приватизацию госсектора и проявлять непреклонность в сокращении галлопирующего роста внешнего долга страны.

Среди всей этой предвыборной неразберихи Берлускони продолжал жать на положительные моменты своей программы. Накануне выборов он заигрывал с кем только можно: с объединением «Домохозяйки для Европы» или «Клубом любительских объединений», одновременно «вписываясь» в завтраки и обеды с римской верхушкой. Везде и всюду он внулшал: «Форца» — это новая Италия, уставшая от коммунизма и бюрократии, Италия, преданная идолу упорного труда и семейным ценностям, Италия — спящая красавица, ожидающая прекрасного принца (типа Сильвио Берлускони).

А может быть, Италии действительно нужна встряска? Страна просто разваливается от национальных разногласий: доходы и уровень жизни на Севере и в Центральной Италии — одни из самых высоких в Европе, а может быть, в каком-то отношении и в мире. В то же время находящийся под полным контролем мафии Юг остается одним из наиболее отсталых регионов в Европейском Союзе. И несмотря на широкую сеть расследований, проводимых Людьми с Чистыми Руками, за решеткой оказались немногие, и традиция обширных подкупов и взяток вряд ли сойдет на нет.

Все в стране, за исключением разве что коммунистов совсем уже старого толка, ратующих за «переоснование» партии, соглашаются, что любое решение проблем страны потребует жестких мер, включая и сокращение расходов на очень неэффективную систему соцобеспечения. Потребуются и незаурядное политическое мужество, чтобы положить конец серии ослабляющих страну скандалов на тему «У кого грязные руки».

«Все эти политики — ладрони (воры), — говорит Массимо Номентано, таксист из унылых южных пригородов Рима. — И они обязаны вернуть нам наши деньги».

Это наиболее характерное настроение среди молодых или бедных итальянцев. «Несмотря на трудности, стоящие перед нами, — говорил после выборов Франческо Рутелли, молодой мэром Рима, — Италия фактически пережила стадию бархатной революции. Никто до конца пока этого не осознал, даже мы сами».

Революция без жертв — это много для такой страны, как Италия. Но это не единственная козырная карта, которая пригодится теперь новой власти. Хотя и сейчас страна живет не по средствам, делая огромные долги, экономика, постоянно преследуемая рецессией, показывает некоторые ободряющие признаки. Уменьшается дефицит бюджета, пошли в гору дохо-

ды от туризма, а инфляция — 4 процента — находится, можно сказать, на неправдоподобно низком уровне. Итальянский экспорт получает новые рынки в Словении, Хорватии и других бывших коммунистических странах.

Есть ли человек, способный, тем не менее, успешно преодолеть гигантские проблемы Апеннинского полуострова? Сильвио Берлускони утверждает, что есть. И этот человек, естественно, он. Но ему приходится несладко. Обвинения в коррупции, в которую вовлечены некоторые из его советников и соратников — политика это или нет, — пятнают его имидж Прекрасного Принца. Левые не перестают твердить, что Берлускони как информационный король и как премьер-министр сконцентрирует в своих руках слишком много власти.

Берлускони возражает: «Преимущество моих компаний в том, что они в высшей степени автономны. Один

из моих журналов проповедует взгляды левее центра, а есть телестанция со взглядами правее центра. Я откажусь от своих руководящих функций в «Фининвесте». И когда мое правительство начнет работать, я буду защищать интересы всех, за исключением интересов моей группы». И действительно, телестанции и издания, принадлежащие Берлускони, считали делом чести во время предвыборной кампании уделять делам своего хозяина намеренно меньше места, чем другие средства массовой информации.

И кроме того, есть что-то очень «итальянское» в облике Берлускони. Он театрален. Он эмоционален. Он серьезен. Италия как раз и готова принять в свои объятия именно такого Принца. Но что из этого выйдет?

Сергей ТОЛКАЧЕВ

По материалам зарубежной прессы

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

Выборы эти, как писали итальянские газеты, очень напоминают популярный метод решения сложных вопросов с помощью монетки: орел или решка. Так и здесь практически все было отдано на волю случая. Британская «Файнэншл таймс» писала за две недели до окончания выборов, что итальянцам предстоит «путешествие в неизвестность». В те дни в Италии говорили и об угрозе демократии, лидеры политических партий старались покрепче ударить противников, желательно ниже пояса. Взаимное поливание грязью еще больше дезориентировало и без того сбито с толку избирателя. И происходило все это в стране, где взорвалась политическая система, где старый политический класс доживает свои последние дни. Видимо, поэтому Италии присвоили почетный титул страны, которая превратилась в «политическую лабораторию Западной Европы и где все происходит в крайних и аномальных условиях». За две недели до голосования в Италии были запрещены какие-либо публикации, касающиеся прогнозов по стране, симпатий в отношении партий и так далее. Но тем не менее статистические данные все же появлялись. Итак, за две недели до начала выборов 45 процентов опрошенных службой пятого канала итальянского ТВ смогли сказать, что сделали окончательный выбор по «своему» кандидату. Для 34 процентов «ситуация и решение все еще могли измениться»,

а 21 процент вообще затруднились ответить... Практически такие же результаты дала статистическая служба «Абакус». Ее директор Никола Паньончелли сказал: «В масштабе страны самый высокий процент тех, кто сделал свой выбор, — среди сторонников левых демократов и Национального альянса». Напомню, что левые демократы — это бывшие итальянские коммунисты, а Национальный альянс — крайне правые.

Наиболее неуверенными казались сторонники Центра; он был представлен «Пактом за Италию», Народной партией — бывшими христиано-демократами, другими мелкими течениями и партиями. Здесь даже пяти процентов колеблющихся хватило бы, чтобы перевес оказался у правых (с большей вероятностью), чем у левых. Причин для неуверенности масса. От неуклюжего и неудобного избирательного закона (смешанная мажоритарная и пропорциональная система) до чрезмерной эмоциональной нагрузки, сконцентрированной на политическом состязании, превратившемся в подобие тотализатора на скачках или футболе.

Итальянский электорат прошел к этим выборам через падение Берлинской стены, преодолев выборы в административные органы власти на местах и слегка увязнув в процессах, которые в Италии называют «Тангентополи», что можно перевести как «Взяточград», то есть в разоблачении коррупции. В общем все это напо-

минало своего рода исход из обстановки неуверенности, которой сопровождался сорокалетний марш в светлое капиталистическое завтра, приведший, как оказалось, в никуда. Кстати, о местных выборах. Левые партии во главе с бывшими коммунистами проявили себя как наиболее организованный и боевой авангард рабочего класса Италии. Они выступили в блоке под названием «Прогрессисты», вовремя сориентировались в обстановке грядущих или уже наступивших перемен и прочно ухватили значительную часть того, что называют политическим центром. Отсюда успех мэров-прогрессистов, ставший своего рода плацдармом, с которого блок левых партий должен был начать наступление на правительственные здания. В общем-то, вопрос казался решенным — «победят прогрессисты», говорили в Риме. Тем более что другие политические партии, претендовавшие на лидирующую роль, во главе с Народной партией, бывшей ХДП, никак не могли уловить нужный момент и перехватить политическую инициативу: начать обещать то, что можно, и то, что нельзя.

«Северную лигу» на выборах представлял Умберто Босси

Обстановку в эти недавние дни сравнивали с 1948 годом. Если прогрессисты рассчитывали на мирное и спокойное наступление и полагали, что ключевые позиции у них в кармане, то рождение партии Сильвио Берлускони спутало все карты. Более того, оно послужило началом фронтального столкновения между левыми и правыми. Центр к этому моменту был практически деморализован и как противник особой опасности не представлял. Страна, как писали газеты, «была пронизана метастазами государственного централизованного подхода к решению острейших проблем», от которых она еще не скоро избавится. Италия периодически попадала в полосы подъема и стабилизации, а потом вновь оказывалась где-то внизу. Говорят, чтобы лучше понять настоящее и предвидеть будущее, надо знать прошлое. Так вот, в Италии считали, что в случае победы левых сил страну ожидают массивные дозы реального социализма, правда, здесь не уточняли, с каким лицом. Ход размышлений был таким: «Левые демократы — это уже не та компартия, которой они были. Они, скорее, похожи на социал-демократов, однако социал-демократы и их режимы рухнули точно так же, как и пролетарские диктатуры. Другими словами, мечта левых партий превратить Италию в огромное государственное предприятие, укрепить госсектор и общественные структуры инвестициями с помощью ресурсов, которых нет и получить которые можно лишь за счет роста государственного долга, и без того одного из самых высоких в Западной Европе, — такая мечта не должна была осуществиться».

Ну а правые? Смогут ли они привести страну в порядок, поднять экономику, покончить с коррупцией? Вряд ли. Волшебной палочки нет ни у кого, даже у «полюса Свободы» — так называли правые партии в ходе выборов. Потом выяснилось, что у «полюса» нет ничего общего с единством. Победа правых партий, может быть, и поможет Италии, однако все это будет сопряжено с такими трудностями, что вряд ли найдется большое количество жителей Апеннинского полуострова, способных перенести подобные трудности. Примерно так рассуждали итальянцы накануне выборов: победят левые — начнут использовать методы, разрушающие страну; придут правые — потребуют жертв. В общем, прямо как в нашем не таком уж старом фильме: «Красные приходят — грабят, белые приходят — грабят...»

И здесь начинается самое интересное. Почему сравнивают ситуацию в Италии с 1948 годом? Вспомним, что 23 ноября 1993 года на политической сцене страны появился новый человек и сказал с голубого экрана: «Я знаю, что нужно делать». И объявил войну левым.

Тогда в 48-м году Альчиде Де Гаспери кричал на площадях, что у

Лидер «реформированных» коммунистов Акилле Оккетто

Пальмиро Тольятти, лидера итальянских коммунистов, копыто, как у дьявола. А секретарь ИКП отвечал в не менее любезной манере, что после победы на выборах он этим самым копытом вышибет своих демокристских противников с политической сцены. Современные «Вперед, Италия» и ее соратница-соперница «Северная лига» Умберто Босси обменивались с противниками по борьбе за власть такими же приятными комплиментами, прибегая периодически к откровенному шантажу, рассказам о несущущихся нарушениях законов, финансовой деятельности и так далее. Профессор Поль Гинзбург, англичанин, знаток истории Италии, пишет в журнале «Эспрессо», что события почти пятидесятилетней давности и то, что происходит сегодня, в общем-то, перекликаются. Есть, конечно, много общего, но есть и глубокие различия. Главное отличие связано с международной реакцией. Во всей истории республики не было момента, когда внешнее давление было бы таким сильным, как в 48-м году. Тогдашнее вмешательство американцев в пользу Христианско-демократической партии Де Гаспери просто всех обескуражило, настолько оно было мудрым и продуманным. Взять хотя бы массивную экономическую помощь в рамках плана Маршалла. Ее максимально рекламировали, организовывали «поезда дружбы», раздавали подарки, обставляли все это концертами, праздниками... Вместе с тем Маршалл дал понять, что в случае победы коммунистов помощь будет немедленно

прекращена. Сегодня ситуация похожа, но с точностью до наоборот. Лозунги правых на международной арене воспринимают с недоверием, даже с подозрением, потому что в них всегда есть элемент экстремизма, они не дают гарантий социального мира в такой живой и бурной стране, как Италия. Вместе с тем биржи и та же самая НАТО довольно благосклонно смотрят на союз левых сил.

Если говорить о схожести с 48-м... Консерваторы продолжают пугать всех призраком коммунизма, но ведь советского блока уже не существует. И здесь мы входим в то, что называют психологией политики... Есть, конечно, определенная часть итальянцев, которая панически боится левых и отвергает всякую возможность диалога с ними, как если бы это произошло во времена Берлинской стены. И в душах этих людей конец существования двух противоположных идеологий оставил зияющую пустоту. Берлускони здесь проявил огромную находчивость, уловил это состояние итальянской души и сразу же придумал внутреннего врага: коммунистов. То же самое делала госпожа Маргарет Тэтчер в тяжелые для туманного Альбиона времена — называла, к примеру, бастующих шахтеров «внутренними врагами».

Но вместе с тем есть еще и другие элементы, на которых сыграл Сильвио Берлускони. Итальянцы видели в нем человека, состоявшегося исключительно благодаря своим личным качествам и таланту предпринимателя. В принципе, в Берлускони многие увидели воплощение принципов общества потребления и короля этого самого потребления. А это отражение сознания итальянцев, особенно за последние несколько лет. Есть еще и другая, не менее любопытная деталь. Имя Берлускони связано еще и с национал-спортивными чувствами итальянцев. Это футбол, спортивные ассоциации — для Италии лучшей рекламой не придумать.

Большая авантюра, как иногда называли затею Берлускони, завершилась блестяще. Полюс правых партий победил в парламенте и получил почти абсолютное большинство в сенате. Левые разбиты, центристы попали в унизительное положение почти забытых. Таков суровый вердикт урн. В парламенте полюс правых получает 366 мест, 213 — прогрессисты, 46 — центр. В сенате прогрессисты завоевали 122 места, центр — 31 и полюс правых — 155. Последнему не хватает лишь трех мест, чтобы и здесь получить абсолютное большинство. «Веселая военная машина» Акилле Оккетто, которую он тщательно готовил и выверял для победы над правыми, теперь вынуждена дать задний ход и оставить поле битвы противнику, столкновения с которым были пронизаны ненавистью и жестокими ударами.

Если Оккетто говорил «черное», то Берлускони говорил «белое», если один верил в государственное регу-

лирование предприятий, то другой вел лишь в частное управление. За последние годы лидеры правых и левых никогда не имели столь противоположных позиций. Оба они не могли найти точек соприкосновения ни в чем, и всякая фраза произносилась тоном, не терпящим возражений: «Или со мной или против меня» — такой была их позиция, и на другое надеяться по меньшей мере наивно. Каждый ставил на карту все. «Если победят левые, для нас — конец», — говорил Берлускони. Оккетто вторил: «Если победят правые, то миллионы итальянцев дорого заплатят». Такие пророчества объяснялись отчасти тем, что лидер левых был не очень доволен появлением на сцене Берлускони. Оккетто уже предвкушал свое положение гегемона после краха христианских демократов и громких процессов, связанных с разоблачением коррупции и взятки в высших эшелонах власти. Искорблений также хватало. Правду говоря, они были несколько односторонними — направлены против Берлускони. Борьба шла беспощадная... И вот теперь Акилле Оккетто вынужден был сухо констатировать: «Мы проиграли». Лаконичное замечание, говорившее о том, что лидер левых такого поворота ожидал меньше всего. В общем-то, его никто не ожидал. Никто не учел простой истины: итальянское общество поменялось, а вместе с ним и политика. И новое общество приняло историческое решение: пусть к власти вновь придет правое правительство. В пользу «нового» говорил и такой фактор: именно Берлускони претворил в жизнь еще одну итальянскую мечту — создал новую партию, сделал ее всего за три месяца, вместе со своими союзниками привел к победе, получил абсолютное большинство. Успех можно сравнить лишь с победой на выборах 1948 года, которую одержала Христианско-демократическая партия. Было такое с демохристианами один раз, и, пожалуй, на этом сходство с 1948 годом и заканчивается.

Сейчас проблема состоит в том,

чтобы найти приемлемые варианты для формирования правительства. Хотя, если судить по завоеванным голосам, это проблемой стать не должно. Жизнь, правда, распорядилась иначе и сделала шаг в другом направлении, вместе с Умберто Босси, лидером «Северной лиги», также победившей на выборах в «полюсе Свободы». Босси с его довольно капризным характером постоянно претендует на главную роль в решении судеб правительства и поэтому никак не может подобрать соратников по коалиции, которая могла бы занять достойные места во дворце Киджи.

Многие задают вопрос: «Кто будет новым премьер-министром?» Окончательное решение принадлежит президенту Оскару Луиджи Скальфаро, но предполагают, что ближе всего к рулю Второй Республики оказался Сильвио Берлускони. Для него казавшаяся завершенной большая авантюра, как здесь говорят, начинается именно сейчас. Он спутал все предположения и карты и одержал чистую победу. Вторая Республика рождается под знаком его личной удачи. Это признали все итальянские газеты, независимо от направленности и симпатий.

Подробности его жизни знает вся Италия. Родился Сильвио Берлускони в Милане, 29 сентября 1936 года. Он старший ребенок в семье. Первый капитал заработал в 5 лет, вырезая из коры фигурки и устраивая с ними платные представления. После школы Берлускони защитился в области права, и его дипломная работа по рекламе принесла ему первую премию. Это было в 1961 году. Затем он занимался недвижимостью. В 1966 году начал строительство города-спутника Милана — «Милана-2». После этого был «Милан-3» в 1975 году и огромный торговый центр «Подсолнухи» в 1985 году.

В 70-е годы он покупает издательства журналов и газет, делает инвестиции в других сферах — магазины «Станда» и «Еуромеркато», компания «Пентафильм», пятый канал француз-

ского ТВ «Ля Сэнк», испанский канал «Телесинко». Спад нанес удар и по империи Берлускони. Это уже сегодняшний день. Начинаются разговоры о долгах и кризисе его группы. Тем временем громкими скандалами уничтожаются старые политические партии и расчищается путь другим политикам. Для Берлускони это уникальный шанс пополнить коллекцию своих завоеваний еще одним — Италией.

К чертам характера Берлускони можно отнести страсть к хорошей физической форме. Его рост 177 см, вес около 70 килограммов. В меню диетические блюда, однако иногда он позволяет себе расслабиться — его любимые блюда «ризотто помилански» и шоколадное мороженое со взбитыми сливками. В свободное время бегаёт и ездит на велосипеде. На отдыхе всегда надевает спортивный костюм, белые теннисные туфли и рубашки «Лакост». Ненавидит джинсы. У Берлускони пятеро детей. Двое от первого брака с Карлой далл'Олио и трое от второй жены, Вероники Ларио. Ей 37 лет. Уйдя в политику, Берлускони ушел и от руководства своей финансовой группой «Фининвест», однако он остается ее хозяином. Его политическая программа состоит из 45 пунктов. Среди них — сокращение налогов и общественных расходов, ликвидация прочных связей на рынке труда. Система налогообложения с одной лишь квотой — 33 процента. Кроме того, Берлускони намерен свести количество налогов до десятка против нынешних двухсот, сделать фискальную систему понятной для каждого. В его программе и освобождение от налогов при приеме новых работников, что позволит создать предпринимателям новые места.

Комментируя события в Италии и результаты выборов, обозреватели отмечают, что вряд ли экономическая политика, проводимая с 1992 года, будет пересматриваться, пусть даже «Форца, Италия» и обещала процветание и скорейшее снижение налогов, которого требуют представители всех политических партий. Вопрос о темпах приватизации также не стоит в повестке дня. И, скорее всего, появятся новые рабочие места, а не трения между представителями правых и левых. В принципе, все понимают, пусть и с оговорками, что справедливей постараться сделать главный упор на совершенствование системы профессиональной подготовки, еще в школе ориентировать человека на те сферы деятельности, которые ему по душе, нежели заниматься межпартийными распрями. В общем, как любил говорить бывший президент Советского Союза, тоже бывшего, процесс пошел.

Осталось только его углубить.

Сергей ИЕЗУИТОВ

Фото из журнала «Ньюсуик»

Одна из предвыборных акций Национального альянса

В июле прошлого года российские федеральные власти были повергнуты в шок: Свердловская область объявила себя Уральской республикой. Реакция из Москвы последовала мгновенно: указом президента России никакая Уральская республика не признавалась ввиду ее несоответствия тогдашней российской Конституции, а губернатор области Эдуард Россель (он же — глава администрации и главный идеолог новой республики) был тут же снят с должности... Скандал тогда, помнится, был большой, шуму было много, но ничем, как у нас принято, он не кончился. То есть: как не было никакой Уральской республики, так ее и нет.

Сегодня, 9 месяцев спустя, при новой уже российской Конституции (в которой опять, естественно, не предусмотрено новой республики), вопрос всплыл снова. Снятый губернатор сейчас член Совета Федерации Российского парламента. И опять же, с упорством лидера, выражающего волю избравшего его населения, ставит во весь голос проблему образования Уральской республики. Ставит вполне легально — в полном соответствии с процедурой, предусмотренной уже новой Конституцией: обра-

НАДОЕЛО КОРМИТЬ ДРУГИХ?..

щается в парламент. На днях в нижней его палате — Госдуме — состоялось слушание на тему: «Идея образования Уральской республики и перспективы развития российского федерализма», где Эдуард Россель в который раз подчеркнул, что Уральская республика требует себе не политического, а экономического суверенитета, т.е. предоставления не политического, а *экономического* равноправия с остальными республиками Российской Федерации.

И надо сказать, за год ажиотаж вокруг уральской инициативы порядком поутих, большинство депутатов — участников слушаний спокойно восприняли идею Росселя и уральцев, склоняясь к тому, что, может быть, стоит удовлетворить просьбу о создании новой республики.

Большинство, но не все. У заместителя председателя думского Комитета по промышленности Валентина ТАТАРЧУКА иное мнение:

— Конечно, нельзя отрицать благородство целей, которые они ставят, но вот путь, предложенный ими — приравнять область к республикам, неприемлем сегодня.

Улучшить социальное положение людей в одном, отдельно взятом регионе — Свердловской области — не решит проблему в целом экономического развития России. Есть еще десятки регионов, находящихся в точно таком же состоянии, как Урал. Надо решать общий вопрос удешевления государственных расходов: это — сокращение чиновничьего аппарата, на который уходят сейчас колоссальные средства, это — упорядочение расходов, связанных с вооружением и конверсией, это — ликвидация огромных льгот у отраслей, это — упорядочение субсидий во внешнеэкономической деятельности. В результате этих мер — снизить налогообложение и делегировать больше прав регионам. А для этого не требуется никакую область называть республикой.

— **Вы считаете неправомерным претензии уральцев на оставление у себя части налогов, идущих сейчас в федеральный бюджет?**

— Это, безусловно, подрывает бюджет России в целом, а значит, и единство государства. Бюджет и так ведь еле сводит концы с концами. Дефицит-то и сегодня

огромен. Конечно, я могу понять уральцев: они кормят сегодня много дотационных регионов. Но, кстати, не одни они. Известно, что сегодня 15—17 «богатых» регионов кормят остальных в России, но так уж сложилось. Что же, эти 15—17 тоже назвать республиками?!

— **Согласно Конституции Уральской республики, там не выставлено политических требований...**

— Это официально не выставлено. А фактически — отдельные статьи этой Конституции (например, ст. 33) дают ей право во многом отклонять, приостанавливать общедогадные решения в части, касающейся имущественных прав, налогообложения и т.д. Возможно это сделать для одной республики? Нет, конечно. Потому что, для того чтобы это осуществить, ей, республике, требуются уже и *политические* меры — создание своей таможни, особый порядок введения своей внешнеэкономической деятельности и др.

Итак: прежде чем устанавливать какие-то особые условия с учетом вклада в народное хозяйство того или иного российского региона, надо создать хотя бы фундамент экономики России в целом.

Григорий КРОШИН

В конце марта торговый представитель США опубликовал доклад-прогноз об ограничениях на торговлю с зарубежными странами в 1994 г., где, в частности, речь идет и о взаимоотношениях с Россией. Один из разделов доклада посвящен импортной политике.

Американо-советское торговое соглашение было подписано в июне 1990 года и одобрено конгрессом США в ноябре 1991 г. Однако еще до того, как Верховный Совет СССР успел одобрить документ, Советский Союз распался. И для быстрого предоставления России статуса наибольшего благоприятствования (СНБ) США предложили подписать то же самое соглашение (с небольшими техническими изменениями) каждому из вновь образовавшихся на территории СССР государств, в том числе и России. Российский парламент одобрил соглашение, и это позволило США предоставить нашей стране желанный статус уже 17 июня 1992 г.

Продолжение экономических реформ, проводимых

ИМПОРТЕРЫ НАДЕЮТСЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ

президентом Ельциным, по мнению экспертов, также должно улучшить состояние американо-российских торговых отношений. Среди основных направлений — приватизация промышленных предприятий с последующим предоставлением им права самостоятельной внешней торговли и ослабление ограничений на внешнеэкономическую деятельность. Благоприятное влияние на экономику России должны оказать финансовые вливания МВФ, Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития. Но одним из важнейших факторов привлечения зарубежных средств и инвестиций в будущем является прежде всего прочная политическая стабильность.

Серьезных юридических барьеров для торговли с Россией не существует, но есть ряд факторов, ослож-

няющих ее. Сохраняющиеся проблемы в экономике страны оказывают негативное влияние на производство товаров и сферу услуг, приводят к значительному сокращению экспорта. С другой стороны, после сокращения спроса на внутреннем рынке России экспорт товаров первой необходимости резко вырос, и это вызвало определенные осложнения на традиционных для России рынках сбыта. В частности, ввиду небывалого роста экспорта российского алюминия США, Россия, Европейский союз, Норвегия и Австралия в начале 1994 г. заключили многостороннее соглашение, касающееся мирового рынка алюминия. По условиям соглашения Россия обязалась сократить выпуск алюминия.

Перепады размеров налогов и тарифных ставок, а также бесперывные изменения в законах о торговле еще на

стадии их обсуждения вызывают недоумение иностранных бизнесменов и инвесторов. Неясная ситуация с введением новых тарифов вызывает жалобы со стороны американских экспортеров; они считают, что некоторые тарифы создают необоснованно высокие барьеры для продвижения их товаров на российский рынок.

В течение последних нескольких лет источником трений была проблема неплатежей советских, а потом российских предприятий. К концу 1993 г. около 70 американских компаний не получили от своих российских партнеров более 220 млн долларов. В дополнение к этому американские партнеры ждут, что правительство России выполнит свое обещание и начиная с 1994 г. расплатится по счетам Внешнеэкономического банка. Введение же экспортных тарифов на отдельные товары (особенно на минеральное сырье) приведет лишь к ограничению торговли изнутри.

Подготовлено по материалам ЮСИА

И СПАТЬ ХОЧЕТСЯ, И РОДИНУ ЖАЛКО

Странная наблюдается ситуация с исчислением прибыли банков постсоветского пространства за минувший год. Вроде поработали в 93-м почти все неплохо. Но, судя по их финансовой отчетности, хвастаться нечем. Тогда куда же денежки деваются? В частности, Банк Латвии, по мнению экспертов, выглядит сегодня, как солдат на границе: и спать хочется, и Родину жалко. Поэтому не станем рассуждать о реалистичности курса местного лата к американскому доллару — теме номер один в местной прошлогодней прессе. Причина формального снижения показателей прибыли — в «курсовой разнице», так как львиная доля сделок происходит в «бермудском» треугольнике «доллар—рубль—лат». БЛ рассчитывает курсы «мягких» валют лишь раз в неделю, и они довольно неестественно отражают экономическую реальность. Учитывая же практически ежедневное падение курса рубля, специалистам кажется удивительным нежелание Банка Латвии проводить ежедневные перерасчеты, основываясь на текущем курсе российского рубля к доллару США и соотношении лата к тому же доллару.

Впрочем, у БЛ сегодня и без курсов забот полон рот: налицо явный крах еще одной финансовой институции, которой не помогло даже претенциозное название — Банк реконструкции и развития.

Хотя свято место пусто не бывает: на финансовые просторы республики выпущен «санитар леса» — один из крупнейших банков Германии, — «Дрезднер Банк». Это событие, прошедшее в Риге почти незамеченным для широкой публики, вызвало большой резонанс среди латвийских банкиров: почему это правительство не покровительствовало методами протекционизма отечественным финансистам?

А вот правительство Украины вообще закручивает гайки все сильнее: незаконная валютнообменная операция на сумму свыше 1 200 000 карбованцев (чуть более 30 долларов) отныне карается 5-летней отсидкой, а уж если дойдет до «особо крупных размеров» (6 млн крб., или 150—160 долларов), можно схлопотать и все 10 лет с конфискацией. Кстати, юридическим лицам закономерно поменять на Украине валюту весьма проблематично. Что же касается частных лиц, то им открыты дороги в коммерческие банки, но обращаться туда крайне невыгодно. По мнению экспертов, продемонстрировать аппетиты украинских банкиров можно хотя бы расценками на открытие валютных счетов:

100 долларов — «Перкомбанк», «Украина», 130 — «Украинбанк», 600 (!) «зеленых» — «Интербанк».

Справедливости ради придется заметить, что всю эту кашу заварил не столько Национальный банк Украины, сколько местное правительство и президент. Руководство НБУ даже ратует за возобновление нормальных торгов местной валютной биржи, приостановленных указом Кравчука еще в ноябре прошлого года.

А где теперь вообще не поспекулируешь валютой — так это в Литве. С 1 апреля здесь вступил в силу закон о привязке лита к одной из твердых валют. По сведениям, полученным из источников, близких к местному правительству, выбор все-таки остановится на американском долларе. Так что напоследок литовские банки разошлись не на шутку — доллар поднялся с 3,92 до 4,16 лита за бакс. Хотя, по широко циркулирующим в Вильнюсе слухам, новый курс будет приторможен в интервале от 3,5 до 4,0. Говорят, принятие данного закона прошло в литовском сейме со скрипом. Против привязки лита к базовой валюте выступало сильное банковское лобби. И все же взяла верх точка зрения тех, кто решил угодить Международному валютному фонду в надежде на значительные западные кредиты.

Максим ВОЛОДИН

ЗАСТРАХОВАЛСЯ САМ — УГОВОРИ ТОВАРИЩА

На прошедшей неделе акционерное общество «Страховая компания «Корпорация резервных фондов» представила журналистам свой новый продукт — программу смешанного страхования жизни, которая (программа, естественно, а не жизнь), по заверению специалистов, отвечает мировым стандартам.

Главное достоинство программы в том, что полис «Корпорации» дает клиенту право участвовать в прибылях АО, которые (совместно с «Инкомбанком») будут заработаны при осуществлении различных инвестиционных проектов. Иными словами, если вам повезло и в течение срока действия договора (5—15 лет) с вами не произошел «страховой случай», то вам вернут всю сумму взносов плюс положенную долю прибыли. Если не повезло и что-то печальное все-таки стряслось, страховка и набежавшая прибыль будут выплачены раньше. Это, по словам генерального директора АО Олега Костева, гарантирует клиентам и их семьям победу над инфляцией.

Еще одна новинка для российского страхового рынка — система привлечения

клиентов, в которой нет штатных агентов. Каждый, кто застрахует свою жизнь с ежегодным взносом не менее 500 долларов (оплата, уточним, в рублях), получит звание внештатного «агента по продаже» и право вербовать новых клиентов, получая за это комиссионное вознаграждение в деньгах и специальные очки в баллах. Чем больше баллов — тем выше вы поднимаетесь по должностной лестнице, увеличивая соответственно сумму своих комиссионных. Как уверяли руководители АО, взобравшись достаточно высоко по этой лестнице, можно зарабатывать 2—3 млн в месяц.

Подобная схема «из рук в руки» принята многими западными страховыми компаниями. И поскольку они все активнее действуют на нашем рынке (как правило, по словам директора «Корпорации резервных фондов» по внешнеэкономическим связям Константина Пылова, не имея законных лицензий), то, видимо, решено бороться с иноземцами их же оружием. А если учесть, что чуть больше месяца назад появился Всероссийский союз страховщиков, то можно предположить: отечественные страховые дел мастера, вслед за российскими банкирами, намерены заняться и лоббированием своих интересов на самом высоком уровне.

В.М.

Открыта подписка на журнал

«Столица»

на 2-е полугодие 1994 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:

на один месяц — 1300 руб.

на три месяца — 3900 руб.

на шесть месяцев — 7800 руб.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.

Стоимость подписки в Москве с учетом надбавки составляет:

на один месяц — 2374 руб.

на три месяца — 6202 руб.

на шесть месяцев — 11 404 руб.

Сведения о подписке в каталоге «АиФ—АПР», а также в Московском каталоге.

БИЗНЕСМЕН ФРОЛОВ СОГЛАСЕН НА ЭКСПЕРИМЕНТ

Бизнесмена Константина Фролова многие знают по имени, а не по фамилии. Потому что фирма его называется «Константин», и крупнейший в Москве магазин по продаже офисной мебели, принадлежащий Фролову, — тоже «Константин», и, соответственно, рекламные ролики на телевидении заканчиваются фирменным росчерком — «Константин». Рекламируется исключительно тот самый магазин, хотя Фролов — из редкой у нас породы предпринимателей, которые не только торгуют, но и производят. Офисная мебель, изготовленная «Константином» в Москве и подмосковном Ногинске (откуда родом хозяин фирмы), раскупается не хуже самого знаменитого импорта. Словом, дело стоит того, чтобы его расширять. И Фролов расширяет. Под новое производство купил в Ногинске... жилой дом.

— Константин, а не лучше было купить что-нибудь более «производственное»?

— Лучше, конечно.

— Тогда зачем вы взяли жилой дом? Это ж сколько хлопот — приспособить его под цех.

— А у меня выбора не было. Вернее, был, но вот какой. Например, там есть завод, выпускающий бытовую мебель, — родственник, можно сказать. При акционировании он — весь! — был оценен в 15 млн рублей. А мне предлагали купить одно здание склада за полтора миллиарда! У меня таких денег нет. Если я возьму кре-

дит в банке, при нынешних процентах, то, извините за выражение, сдохну. Если изыму эти деньги из оборота своей фирмы — то же самое. Вот я и взял жилой дом. Его когда-то церковь купила у местного комбината, постоял он пустой, мне его и продали.

— Ну, взяли бы в аренду нормальное производственное помещение. Да хоть тот же склад.

— С удовольствием, но ведь не дают. Причем правильно делают, что не дают. Им хочется продать то, что не нужно, допустим этот несчастный склад. Им деньги нужны. А отдавать в аренду, смотреть за

этим хозяйством, отвечать за него — на кой это им? Они нормальные люди и говорят мне: есть деньги — забирай, а нет — подождем... Так что по-своему они, конечно, правы.

Есть, конечно, другой путь: купить акции интересующего меня завода и переделать там все под себя. Однако известно, что истинный хозяин появляется тогда, когда акции поменяют трех-четыре владельца и соберутся в крепких руках. А на это нужны годы. Сейчас «члены трудового коллектива» держат по нескольку акций своего умирающего предприятия и ждут прибыли. Они еще должны убедиться, что акции эти им ничего такого не дают, должны понять, что лучше их продать. Но если сегодня продадут, то эти бумаги, скорее всего, скупит какой-нибудь инвестиционный фонд и ко мне они не попадут. А я не могу ждать годами, я хочу расширять свое производство.

— Ладно, тогда воспользуйтесь законом о трасте и возьмите завод в доверительное управление.

— Для этого нужно, чтобы государство передало мне свой контрольный пакет акций и я смог управлять предприятием. Но кому государство сейчас отдает этот пакет? Холдингам, министерствам. Разрешить мне доверительное управление заводом — это эксперимент, который надо пробовать на уровне Чубайса или его заместителей в Госкомимущество. Я готов, есть программа, расчеты, я в состоянии доказать, что могу превратить умирающий завод в рентабельный.

— Так, может быть, проще пойти прямо на предприятие и убедить в своей правоте рабочих, у них ведь акции на руках?

— Да ничего не проще! Нужна общая экономическая культура, а ее нет. Я же говорил — зачем люди вкладывают деньги в свое убыточное предприятие? Становятся собственниками? Иллюзия! Дивидендов ждут? Ясно же, что сейчас куда выгоднее покупать акции банков. Нет, берут своего завода. То есть даже личными, семейными финансами не могут толком распорядиться. И выходит тот же колхоз: «Я хозяин своего завода». Снова будем голосовать, только не руками, а акциями, снова снимать и выбирать директоров... Колхоз и бардак чистой воды.

Ну, приду я и скажу на собрании, что им выгоднее собирать офисную мебель, а не бытовую, которую они тут сто лет делали. И, извините, уборщицы будут решать, что выпускать заводу. А они считают, что лучше — бытовую мебель. Хотя я, конечно, готов с цифрами в руках доказывать всем, что мое управление, мои предложения для них выгоднее. Только фокус в том, что для такого разговора с коллективом мне все равно нужно согласие чиновника: контрольный пакет акций-то у государства. Значит, речь в любом случае может идти о трасте, доверительном управлении. Об эксперименте.

Я, между прочим, еще года три назад пытался убедить руководителей этого завода принять мою программу. Был готов загрузить работой почти триста человек, которые теперь фактически сидят без дела.

— Но зарплату получают?

— В том-то и штука, что получают. Завод

простаивает, а зарплата идет. Откуда деньги? Вот я, коммерческий человек, не понимаю — откуда. Они ночами, что ли, клады откапывают? Нет. Значит, они задолжали государству огромные деньги, потому что раз предприятие год стоит без работы — оно питается из казны, за счет налогов, которые платят те, кто работает. И долг наверняка такой, что государство может просто отобрать у них акции как у банкротов и снова выбросить на аукцион... А я бы, повторяю, взял завод в траст, они имели бы свою долю прибыли, я — свою. И, возможно, направил ее на выкуп контрольного пакета акций у государства...

— **То есть все ваши проблемы крутятся где-то на уровне высокого чиновничества, которое принимает такие решения?**

— Не все. Есть масса вещей местного уровня, которые невозможно объяснить нескладными законами и «глобальными» проблемами и которые не лезут ни в какие ворота.

— **Например?**

— Ну вот, например, купил я под цеха тот жилой дом. В 100 метрах от него стоит мощная АТС — Ногинский районный узел связи. К моему дому проложен от АТС телефонный кабель на 10 номеров. Замечательно, да? Ведь связь для нормального производства, для бизнеса — важнейшая вещь. И я иду к начальнику узла госпоже Бадаевой: включите, пожалуйста, мои номера. Она отвечает: пока дадим один номер, а насчет остальных подумаем. Ждал месяц. Прихожу снова. И слышу: мы тебе выпишем счет на шесть номеров и точка. Но кабель-то, говорю, идет только к моему дому и больше никуда, зачем вам четыре замороженных номера? Вам что, деньги не нужны? Нужны, отвечают, и объявляют мне цену за «телефонизацию» — в три раза выше коммерческой. Которая, в свою очередь, вдвое выше цены, утвержденной Антимонопольным комитетом. То есть получается шестеро дороже, чем положено по закону!

— **За что ж вас так?**

— Начальник узла объяснила: «Мы к вашему дому будем кабель прокладывать». — «Какой кабель, он же давно проложен?» — «Нет, он, кажется, порван. Будем новый класть». Я потом проверил — совершенно целый кабель... Вот это и есть абсолютный маразм. С точки зрения коммерции — потому что они, вместо того чтобы включить мои телефоны и брать за них плату, зарабатывать, держат номера замороженными. С точки зрения экономики — кабель ведь относится к их, телефонистов, основным средствам, и я не должен за него платить вторично. С точки зрения морали, наконец, — потому что они оставляют без нормальной связи людей, которые у меня работают, отсекают производство от внешнего мира, от партнеров, от оперативной информации. Все это безнравственно.

— **А может быть, дело в том, что ногинское телефонное начальство — просто плохие коммерсанты, не могут считать, что им выгоднее, что нет? Вот и «зажимают» абонентские номера, пытаются с вас слупить побольше самым примитивным путем?**

— То, что с экономикой они не в ладах,

ясно. Но не все так просто, на этом узле делаются любопытные вещи. Например, с междугородней связью они сотворили такую хитрость. На весь район там есть две линии космической связи и служба междугородных переговоров (это телефонистки), которые взяли да отдали коммерческой организации — совместному предприятию, где в руководстве значится сын Бадаевой. И если раньше, допустим, в Москву можно было дозвониться с первой попытки — по автоматической связи, то теперь пробиваешься с пятого-шестого раза. Набираешь код и слышишь: «Пользуйтесь услугами телефонистки». А «услуги телефонистки» — это услуги того самого СП. Ему и плати. И тут не просто «игрушки», тут удар по интересам населения, по интересам бизнеса — всех лишили нормальной телефонной связи.

И еще один нюанс. Я бизнесмен, и мне безразлично, у кого в руках канал связи, по которому я общаюсь, веду коммерческие разговоры. Раньше, как известно, это было под контролем КГБ, что объясняло «государственными интересами в сфере безопасности». Но если сейчас связь отдадут в частные руки, то хотя бы спросите у меня, у других бизнесменов — доверяем ли мы этим «рукам»? Тем более в небольших городах вроде Ногинска, где конкуренты-друзья рядом и очень хорошо знают друг друга. Но меня никто ни о чем не спросил.

— **А если бы спросили?**

— То я бы ответил, что, по моему убеждению, такие вещи, как связь или, допустим, железнодорожный транспорт, должны у нас оставаться в ведении государства. Слишком многое в жизни и экономике от них зависит. И если той же телефонной сетью целого района распоряжается фактически один человек, его амбиции или некомпетентность прежде всего бьют по авторитету властей, а он и так невелик. Между прочим, об этом можно судить даже по результатам недавних выборов: во многих округах они просто не состоялись. Люди не доверяют власти. И я не доверяю.

— **Почему? Неужели из-за конфликта с телефонным начальством?**

— Ну, это эпизод, хотя и характерный, и не я один в такие ситуации попал. Есть вещи посерьезнее, когда власть обращается со мной не как с собственником, не как с предпринимателем, а как, мягко говоря, с простачком, которого при случае можно «кинуть»... Вот, например, купил я здание бывшего детского сада — думал приспособить его под производство. И ошибся. В бизнесе бывают ошибки. Короче, это здание мне трижды не нужно. Пытаюсь продать — не покупают, даже в рассрочку. В конце концов повезло: районный фонд социальной защиты берет у меня это здание в аренду. А дальше начинаются странные вещи. Принимается решение о перепрофилировании здания, но не по моему письму, а по представлению фонда, хотя владелец — я. Похоже на конфискацию, поскольку фактически проводят отторжение моей собственности. На договоре об аренде ставят подпись лица, не имеющего на то никакого права, и такую же незаконную печать. То есть идет подтасовка.

Потом я вдруг обнаруживаю, что в при-

надлежащем мне здании фонд с благоговения заместителя главы администрации начал ремонт с перепланировкой — без каких-либо документов, без согласованного со мной плана, без сметы. Поднял шум. Приносит смету — на 60 млн рублей. Это за ремонт одного этажа, когда я все здание купил, кажется, за 80 млн! Ну, я когда-то строительством занимался, вижу, что эти их миллионы можно накрутить, только если золотые унитаза ставить. Говорю им: если вы хотите, чтоб я принял такие расходы на себя, давайте менять условия аренды и ее сумму... Приносят другую смету, вдвое меньшую. Но все равно получается, что я искал покупателя, нашел его и... оказался должен ему 30 млн рублей. То есть он может три года там сидеть бесплатно, включив истраченные на «ремонт» средства в договор об аренде... Они меня за дурачка держали, что ли?

Главное, пока дело не вышло на уровень мэра, у меня было чувство, что... караул! Когда разобрались, оказалось — некомпетентность чиновников нижнего звена. А ведь они — «одежда» власти.

— **Но есть законы, и они вроде бы на вашей стороне. По закону вы еще два-три года назад могли решить с руководителями мебельного завода вопрос о вашем участии в управлении предприятием. По закону «хозяйка телефонов» не может требовать с вас плату, превышающую ту, что предусмотрена Антимонопольным комитетом. По закону местная администрация не имеет права самовольничать в принадлежащем вам здании... Похоже, мы с вами пришли к скучному выводу: все упирается в то, как исполняются законы.**

— Я думаю, все упирается в отсутствие методики назначения людей на посты. На любые посты. У меня, например, все проходит через тесты, даже грузчики, — я должен знать, могу ли пустить их на склад. И передвижения по служебной лестнице — только через тестирование; мы разработали целую систему подготовки и проверки кадров с использованием особых тестов. Это уникальная технология. Недавно серьезный американский журнал написал: она на десятилетие опережает то, что сделано в мире. Вообще на Западе об этих наших работах знают больше, чем в России.

— **Почему?**

— Потому что исследования, которые мы проводим, требуют очень больших средств, но рекламировать здесь подобный вид деятельности просто невыгодно, расходы на рекламу не окупаются. Хотя к нам обращаются за помощью — те, кто что-то узнал, что-то услышал.

— **Но если вы, человек деловой, вкладываете серьезные деньги в такие исследования, значит — выгодно? Для фирмы?**

— Разумеется. Ошибки в подборе людей обходятся дорого. Даже на уровне фирмы, предприятия. А уж в масштабах страны... Только власти сегодня волнуют совсем другие проблемы. Их больше заботят средства, а не люди — главная база, главная цель реформ.

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

«ТЕМПБАНК» СЕГОДНЯ:

РАБОТА В ТЕМПЕ, НО НЕ НАСПЕХ

Московский акционерный банк с таким многообещающим названием был создан в 1989 году группой серьезных строительных трестов — «Мосводоканалстроем», «Мостеплосетьстроем», «Мосгазсетьстроем», «Мосинжстроймеханизацией» и другими строительными организациями, ведущими в области строительства инженерной инфраструктуры города.

— Становление банка проходило с большими трудностями, рассказывает председатель Правления Ян Гортадзе, так как в начале пути мы не имели ничего — ни готовой материальной базы, ни подготовленных кадров, ни соответствующего опыта и капитала.

Сегодня нашими услугами пользуются более полутора тысяч различных организаций, в большинстве своем негосударственных, и немалое количество частных граждан.

Хотелось бы отметить, что наши клиенты, как правило, не изменяют своему банку.

За время своего существования МАБ «Темпбанк» увеличил свой уставный капитал с пяти миллионов рублей до пятисот миллионов рублей. А с выпуском новых акций, на которые уже сейчас поступили заявки более чем на 70% выпуска, уставный капитал нашего банка будет составлять два миллиарда пятисот миллионов рублей.

В прошлом году была получена лицензия на операции с валютой, и в настоящее время мы производим все валютные операции: открываем валютные счета, осуществляем валютные платежи, обмениваем валюту, то есть предоставляем клиентам весь возможный комплекс банковских услуг в этой области.

Недавно банк был технически переоснащен и теперь имеет новейшие средства обработки информации, включающие в себя электронную почту, позволяющую производить платежи в ми-

нимальные сроки — в Москве в тот же день, за пределами столицы — в сроки, не превышающие установленных Центральным банком.

Успешная работа банка в 1993 году позволила выплатить акционерам дивиденды в размере 200%, а начиная с апреля 1994 года сократить затраты и повысить доходы клиентов банка за счет:

- отмены платы за открытие рублевых счетов и снижения стоимости открытия валютных счетов;
- отмены платы за банковское обслуживание клиентов;
- введения выплаты до 6% по кредитовым остаткам на счетах клиентов;
- увеличения процентных ставок по депозитам в рублях и валюте;
- увеличения до 320% годовых процентных ставок по вкладам физических лиц;
- понижения процентной ставки за выдачу наличной иностранной валюты.

Наша квалификация и уровень технической оснащенности позволяют обслужить до 3000 клиентов, и мы приглашаем всех, кто нуждается в квалифицированном и надежном банковском обслуживании, к деловому сотрудничеству с МАБ «Темпбанк».

Записала Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

Информацию о деятельности банка и приобретении акций можно получить по адресу:

Крутицкий вал, 26 (м. «Пролетарская»),

**или по телефонам: 276-41-41
276-27-46
276-37-08**

Торгово-Финансовая Компания

"Героз"

**осуществляет прием
денежных вкладов от населения
с выплатой высоких
(и реальных) процентов.**

Минимальный срок вклада - 3 месяца,

с возможным получением процентов ежемесячно.

Минимальный вклад - 200.000 руб.

Обязательное страхование деятельности компании.

м. "Таганская", Тетеринский пер., д. 16, офис 15.

Телефон: 915-20-71 с 11 до 19 ч, суббота с 11 до 16 ч.

В «РИАН-РИТЭЙЛ» крокодилы не кусаются — они грызут старые архивы

Уничтожение ненужных бумаг у нас всегда было проблемой. Я не имею в виду какие-то сверхважные государственные документы. Нет, я о более простом и понятном. Возьмем, к примеру, читательскую почту в любой редакции — ее положено хранить в архиве определенное время, а потом уничтожить. Не выбросить, не сдать в макулатуру, а именно уничтожить. И сотрудники неделями рвали бумаги, резали их ножницами, жгли на кострах, вызывая зловещие призраки инквизиции. Но наконец теперь мы можем перейти от таких диких средневековых актов к действиям цивилизованным и очень удобным. И все это благодаря фирме «Риан-Ритэйл».

«Риан-Ритэйл» является дочерней фирмой специализированной компании «Риан», одного из крупнейших импортеров техники для создания и обработки деловой документации на российском рынке. Сама фирма «Риан» существует с 1991 года и занимается поставками копировальной техники таких известных фирм, как «Mita», «Gestetner», аналоги «Ricoh», переплетно-брошюровального оборудования «Ibico», машин для уничтожения бумаг «Geha», «HSM», и многого другого.

В последнее время большим спросом пользуются шредеры — машины для уничтожения бумаг, широкий выбор которых предлагает «Риан». Самая маленькая такая машинка «Crocodile» — крокодил-

чик — за один прием может «скушать» до пяти листов. А большие мощные машины «сгрызут» ваши старые архивы вместе с папками. При всем том аппарат можно выбрать не только по мощности и вместительности, но и по степени секретности. Если одна степень означает, что документы будут изрезаны в мелкую лапшу, то другая предполагает измельчение бумаги буквально в крупу, после чего никакой Шерлок Холмс потом уже ничего не прочитает.

Еще одно семейство аппаратов, представляемое «Рианом», ориентировано как раз наоборот — не на уничтожение, а на созидание. Речь идет о переплетно-брошюровочных машинах фирмы «Ibico». Принцип их работы предельно прост: острыми зубчиками аппарата в листах пробиваются аккуратные дырочки, на другие зубчики надевается цветная полимерная пружинка (а пружинки все разные, цветные, праздничные — выбирай любую!), затем одно движение рычажка — и вы получаете готовую папку. Причем в любой момент вы на той же машине пружину можете разжать и заменить какой-нибудь лист или вставить новый. Аппараты тоже все разные, начиная от малютки «Ibibaby».

Кроме пружинной брошюровки можно воспользоваться термопереплетом: в специальную прозрачную папочку надо вложить документы, на полминуты поместить в аппарат — и вот уже они намертво

склеены и никогда не потеряются.

А для того чтобы ваша документация имела еще более привлекательный вид, отдельные листы рекомендуем закатать в пленку при помощи ламинатора, как, впрочем, и визитные карточки, пропуска, водительские удостоверения.

Несколько даже шокирует российского потребителя такая новинка, как демонстрационная доска фирмы «Panasonic». Представляет она собой вроде бы обычную школьную доску, которую устанавливают, например, в конференц-зале. По ходу лекции докладчик чертит на доске схемы, пишет формулы, а затем нажимает на кнопку — и тут же раздает всем присутствующим уменьшенные копии того, что изображено на доске. Процесс, конечно, таинственный для непосвященного, но, поверьте, весьма впечатляющий.

На фоне таких технических чудес обычными кажутся профессиональные факсы «Gestetner», с памятью объемом до 130 листов и работающие на обычной бумаге, лазерные принтеры «Mita», которые действуют почти бесшумно и выдают до восьми листов формата А-4 за одну минуту — по многим позициям они успешно конкурируют с продукцией лидера в этой области — компанией «Hewlett Packard».

Но все же самое главное в работе «Риан-Ритэйл» даже не изобилие товаров, а обеспечение клиентов высококвалифицированным техническим обслуживанием при содействии фирмы-основателя. Все заказчики, покупающие здесь оргтехнику, имеют право на гарантийное обслуживание и ремонт в течение года в сервисном центре, сотрудники которого прошли специализированное обучение в Европе и имеют трехлетний успешный опыт ремонта сложного офисного оборудования.

С комплектующими для оргтехники и расходными материалами тоже вопросов не возникает никаких — их можно приобрести в любой момент, как и дополнительное оборудование и запчасти.

О том, что фирма «Риан-Ритэйл» — серьезный партнер, говорит хотя бы тот факт, что за последнее время ее клиентами стали крупнейшие российские банки, например, Мостбанк и Инкомбанк; известные внешнеторговые ассоциации, международные фонды и солидные государственные объединения.

Но не только акулы нашего бизнеса, но и простой смертный может прийти в выставочный зал «Риан-Ритэйл» на улице Валовой, 11/19, и получить профессиональную консультацию по приобретению или же использованию любого аппарата, да и просто полюбоваться такими загадочными, красивыми и изящными машинами, без которых, как ни крути, в нашей жизни уже не обойдешься.

Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

РИАН
РИТЭЙЛ

Телефоны фирмы
«Риан-Ритэйл»: (095) 235-27-46,
230-71-71.
Оптовая продажа фирмы
«Риан»: (095) 124-42-09.

«И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН»

Когда-то Верхние торговые ряды (ныне — ГУМ) были не только торговым, но и культурным центром, в котором устраивались выставки и концерты. Давнюю традицию возобновили в наши дни — вслед за экспозицией «Хрустальные узоры» в ГУМе открылась художественно-промышленная выставка «История из табакерки», представленная Государственным историческим музеем. А заведующая отделом этого музея Людмила Дементьева прочла мне настоящую лекцию о табакокурении.

Курительные трубки издавна были предметом коллекционирования, их собирали как произведения искусства. Говорят, великолепная коллекция трубок была у Пушкина, хотя сам он был человеком некурящим. Кстати, курили в то время только мужчины и только в мужских, специально для этого отведенных комнатах, которые украшались роскошными туркменскими коврами, нередко увешанными военными трофеями и старинным оружием. Курение было своеобразным ритуа-

лом, за неспешной беседой, игрой в карты. Огонь для трубок обычно высекали дендики. А вот женщины не курили вовсе, курение на улице считалось таким вызовом обществу, что в 30—40-е годы прошлого века за это можно было и в тюрьму угодить.

На выставке в ГУМе представлены трубки из пенки — морского органического материала, трубки с янтарными мундштуками, некоторые из них были более чем метровой длины, и их курение представляло особое искусство. XX век все упростил: на смену благородным янтарным мундштукам пришли пластмассовые, и курение постепенно превратилось в обыденное действо.

Впервые за 40 лет на выставке экспонируются трубки

Сталина, который, как известно, набивал их табаком из разорванных папирос «Герцогина-Флор». Внимание привлекают и бумажные скульптуры «трех великих курильщиков»: Черчилля, с его неизменной сигарой, Рузвельта и Сталина, сжимающего одну из своих трубок.

Впрочем, не только трубка красила человека: о его богатстве и знатности можно было судить по табакерке, которой он пользовался. Порой их специально заказывали в связи с крупными историческими событиями. Например, одна из представленных в экспозиции табакерок, с изображением битвы при Кунерсдорфе в 1759 году, видимо, была заказана офицером — участником Семилетней войны. Внутри нее — портрет импе-

риатрицы Елизаветы Петровны, благословившей на битву русские войска. В моде были и «пакетовые» табакерки, выполненные в форме письма. Сверху, на крышке, писался адрес, внутри — послание, чаще любовное, а на обратной стороне даже имитировался сургуч. Но мода на эту экзотику была недолгой, всего лет 20. Вообще же, табакерки — любимый предмет XVIII века.

А век двадцатый представлен не только трубками «отца народов», но и портсигаром маршала Конева, зажигалкой Капицы, трубкой Обручева. Из более современной продукции любопытны сигареты «Новость» в твер-

дой упаковке — их изготавливали специально для Брежневца. А для делегатов XXIV съезда КПСС выпустили «Делегатские» сигареты...

Выставка в ГУМе не просто интересна — все вырученные от ее проведения средства пойдут на реставрацию экспонатов Исторического музея.

Вадим КАНТОР
Фото автора

И ВЫПИЛ НЕ ТО, И УМЕР НЕ ТАК

Три друга с ремонтного завода, что в городе Воронеже, раздобыли спиртово-лаковую смесь и выпили. Случилось моментальное отключение. Ночью в кустах пришел в себя двое, третий же — Коля — признаков жизни не подавал. Уцелевшие собратники добрались до телефона, позвонили по 03, чтобы приехала «скорая» и забрала труп. А жене сообщили, что Коля помер и она его завтра найдет в морге. После чего дружки верну-

лись к Коле, раздели его до трусов — надо было поправить здоровье, а на «пузырь» денег не было.

Жена утром не сразу пошла в морг, а сходилась сначала в заводской профком: получила пособие на похороны. Вызвала родственников, купила продукты. Вечером пришла домой, а там надрывается телефон. Звонили из больницы: «Приезжайте за своим мужем, только не забудьте одежду прихватить... А ведь Колю действительно «скорая» привезла в морг. Только при выгрузке тела обнаружили, что оно живое. Развернулись — и в больни-

цу. Там и откачали бедолагу.

В профкоме же заявили, что второй раз Коля на похоронах никаких денег не получает.

Михаил МОНАХОВ

МАШИНЫ ДОРОЖЕ БРАТСКОЙ ПОМОЩИ

Пропавшие в Челябинске автомобили местный уголовный розыск зачастую обнаруживает в южных суверенных республиках. Только за последнее время 18 краде-

ных автомобилей обнаружены в киргизском городе Ош. Однако автомобили трудно не только найти. Но и вернуть. Тамашные правоохранительные органы давно отказались помогать российским сотрудникам. По слухам, на трех угнанных в Челябинске машинах ездят начальник ГАИ города Ош, заместитель прокурора этого города и заместитель начальника милиции.

Кроме того, с челябинских оперативников требуют взятки даже за шанс вернуться домой целыми и невредимыми.

Виктор ЗОЛОТУХИН

«В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ Я БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ АТЛАНТИДЫ», —

утверждает австриец
Вальтер Кольтридж,
директор Московского
Хаббард-центра

Господин Кольтридж — не сумасшедший. Он всего-навсего приверженец сравнительно молодого и страшно популярного на Западе учения «саентологии».

Саентологию, а также ее начальную ступень «дианетику», придумал американец Л.Рон Хаббард, известный в нашей стране прежде всего своими приключенческими и фантастическими романами. Официальная дата зарождения учения — 9 мая 1950 года, именно в этот день вышел в свет знаменитый труд Хаббарда: «Дианетика. Современная наука душевного здоровья», который сразу же стал международным бестселлером и, по некоторым данным, занимает сегодня второе место в мире по популярности после Библии.

На занятиях по дианетике без всякого гипноза люди способны «вспомнить себя» в любой момент жизни.

Хаббард верил в переселение душ, и когда в 1986 году он умер, было объявлено, что «Рон покинул это тело». Одна из сторонниц дианетики глубоко переживала смерть младшего брата,

произошедшую много лет назад. И вот удалось не только вернуться в тот день, когда он погиб, снова пережив трагедию (а следовательно, и избавиться от ее последствий в собственной судьбе), но и увидеть бывшего брата другим человеком — в новой жизни, новой семье, новой телесной оболочке.

Возможности влияния на человека, заложенные в дианетике, не прошли и мимо Сталина: он приглашал Хаббарда посетить страну. А когда Хаббард отказался, по легенде, Сталин предпринял несколько попыток его похищения. И только через сорок лет — в мае 1993 года — дианетика официально появилась в России. В это время открылась Московская церковь саентологии. Пока она находится в ранге миссии, когда же количество работающих перевалит за 250 человек, статус станет более высоким.

Саентологию не признает ни одно мировое вероучение. Специальный корпус представителей различных религий ездит по миру и устраивает демонстрации протеста на собраниях саентологов. Такой корпус, между прочим, уже и в Москву наведывался, правда, особенного успеха демарш не имел. Но, судя по растущей популярности дианетики в России, у противников учения Хаббарда появится еще очень много возможностей заявить свой протест.

Например, 30 апреля на стадионе ЦСКА. Именно там будет праздноваться первый в нашей стране День дианетики. Ожидается 5000 зрителей и самый известный пропагандист (все время хочется сказать, проповедник) саентологии — Оуэн Старки. И думается, трибуны будут заполнены. На вечер приглашен певец Александр Малинин, прошедший, оказывается, курс дианетики в Америке. А Жанна Агузарова, как выяснилось, уже саентолог. Хотя она вряд ли приедет.

Мастера пропаганды хорошо знают свое дело и наверняка получают еще несколько сот (по крайней мере) сторонников. Уже сегодня Россия занимает четвертое место в мире по продаже книг Хаббарда, а ведь на русский язык переведен пока только один его научный труд. В Московский центр саентологии обращается ежедневно до 800 человек. В общем, в скором времени можно ждать претворения в жизнь знаменитого высказывания Л.Рона Хаббарда: «Процветание на земле возможно достигнуть с помощью Америки, России и техники дианетики».

Юнна ЧУПРИНИНА

ВРЕДНАЯ БЕЖЕНКА — ЭКСТРАСЕНС

По воронежскому телевидению прозвучало предупреждение: не вступать в

контакт с женщиной, представляющей беженкой из Молдавии. После бесед с ней люди обычно приносили помощь в виде золотых драгоценностей.

Когда беженка уходила, то отрезвление наступало лишь на утро следующего дня. «Приход в себя» сопровождался истериками и головными болями — вот вам и безвредность сеансов экстрасенсов.

Константин
ПРИБЫЛОВСКИЙ

АНГЛИЧАНАМ НИЧЕГО НЕ ДОСТАЛОСЬ

Директор автоагрегатного завода из татарского города Заинска Вадим Мишин дал газетчикам разъяснение по поводу слухов о миллиардах, затраченных им на гостей — англичан. Якобы каждому из них выдали по дубленке, норковой шапке и т.д.

На самом деле, сказал Мишин, просто-напросто пребывание иностранцев совпало с праздником на заводской базе отдыха. Англичан покатали на снегоходах, обрядив их в овчину, унты и заячьи треухи. После праздника обмундирование убрали на склад.

Георгий КУЗНЕЦОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Эх, весна! Пришла, матушка, пришла, благодетельница! У нас, женщин, народная примета: как на мужиков клевет хороший начинается, значит, все — поехало! — весна наступила.

Нет, «клевет» — это не то, грубо сказала, неточно. Мужик от зимней спячки просыпается, потягивается, выходит на бульвар, и — в воздухе что-то такое... И слышишь за спиной: «Гляди, гляди, какая пошла... У, ё! А ножки-то, ножки!» Хотя где они там, те ножки, да и молодость-то уже не первая, и дома свой такой на диване валяется. Но — уже заиграло там у них что-то по жилам, и они распахивают пошире глаза, и уже неважно — высокая, низкая,

Светлана КАРТАШОВА

ВЕСНА — ВРЕМЯ МУЖЧИН

стройная или толстушка, красивая или так себе. Весной каждая женщина действует как легкий наркотик. Даже в отвратительной духоте метро воздух пропитан весенним электричеством и мужскими взглядами.

Понимать надо: он все время там, внутри — Мужчина. Только утверждается в этом — весной. И не надо от него

требовать большего. Мужик — растение хрупкое, от излишней требовательности и вечных попреков чахнет, хиреет, потихоньку теряет оперение и уходит в себя. А дай ему свободу воле-и-делоизъявления, глядишь — и на щеках румянец заиграл, и слово ласковое вылетело, и с получки на букетик цветов разорился. И неважно, что

букетик потрепанный, важен — факт!

Кто-то скажет неодобрительно: «Оду мужикам поешь? Любишь ты их больно». Да люблю. А что бы без них были мы? Бог создал мужчину для того, чтобы мы на его фоне чувствовали себя Женщинами. А не бабами.

Весна. И опять где-нибудь в вагоне метро: «Девушка, это судьба!» Да вас таких, судьбоносных, весной в день до десятка набегают. «Встретимся еще. В Париже. Будущей весной». И как было написано на стене в одной редакции на огромном белом планшете маленькими черными буквами посередине — ТЯНЕТ ЖИТЬ!

Алексей
МИТРОФАНОВ

СТАЛИНУ КИНО ПОНРАВИЛОСЬ...

Режиссер документального кино Яков Михайлович Посельский родился в 1894 году. Его внук, тоже режиссер документального кино, тоже Яков Михайлович Посельский, родился в 1948 году. Цифры — одни, лишь расположены по-разному. Они и расписываются одинаково, хотя подпись внука сформировалась ранее, чем он увидел, как расписывался дед. Яков Михайлович Посельский-младший — фаталист. Дед его скончался в 1951 году. Внук считает, что умрет в 2015-м. И суммы двух последних цифр — совпадут.

Странные мы люди все-таки. Живем вот, газеты читаем, телевизор иной раз поглядываем. Там показывают войны, землетрясения, дают послушать наших мудрых современников. А нам, глотающим все это между прочими серьезными делами, и в голову-то не придет отнестись к увиденному как к искусству.

То ли дело кино игровое. Тут есть и режиссер, и сценарист, и оператор, есть любимые актеры, всяческие презентации, капустники и Киноцентр.

Смешно представить всю эту возню вокруг, допустим, десятиминутного сюжета из передачи «Под знаком пи».

Между тем документальное кино имеет и свою историю, и свою эстетику, и своих кумиров. И уважали его раньше. Даже специальные кинотеатры были. Не то что сейчас.

Отношения рода Посельских с Москвою — давнишние. Первым Посельским-москвичом был отставной солдат, прослуживший в царской армии положенные 25 годов и за самоотверженность пожалованный чином и квартирою... в Кремле.

Сын пошел по кожевенной части и со временем стал купцом первой гильдии. Владел домом в нынешнем Георгиевском переулке, насупротив голицынских палат, сдавал квартиры внаем: художникам, актерам — всяческой богеме. И домашний театр сохранил.

Развернувшись как следует, откупил пять домов на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевский). И увлекся кино. Первым в России начал выпускать негативную киноплёнку. Построил съемочный павильон и сразу сдал его французской киностудии под названием «Эклер». Сын его, Яков, часто бегал на студию — и даже снялся в роли. А потом купец Посельский создал свою фирму «Кинолента бр. Посельских» и подарил ее детям.

Тут можно перейти вплотную к Якову Михайловичу-старшему. В 1913 году, когда открылась «Кинолента», он был не то чтоб юношей, но человеком молодым. Хотя успел на унаследованной студии снять нашумевший тогда

фильм «Коварная Матильда». Правда, в историю отечественной кинематографии фильм не вошел — и поделом. То была типичная «попса» начала века. Может быть, еще пошлее, чем современная «попса».

Но в 1917 году все изменилось. Студию Посельских закрыли, а Яков с братом Иосифом начали работать в кинематографе советском.

Об истории кино писать — неблагодарный труд. Об истории документального кино — неблагодарный труд вдвойне. Ибо на наш суд осталось (взять период раннего СССР) — архитектура Мельникова, скульптура Коненкова, живопись Пименова, фотографии Родченко. Воспоминания о мейерхольдовской «биомеханике», в конце концов. О документальных фильмах мы не знаем почти что ничего и никого, разве что Дзигу Вертова и Романа Кармена. Однако же они — ученики Я.М.Посельского.

Но первым делом нужно было выжить. Добиться права в «новом обществе» заниматься привычным старым делом. Якову, как сыну «богачей», было трудно. Их квартиру на Пречистенском бульваре стали уплотнять, конфисковали вещи. Мать же Якова забрали на Лубянку, посадили в камеру.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Среди подселенных в дом Посельских оказался и «братишка» с крейсера «Аврора». Ему понравились соседи (бывшие хозяева квартиры), он стал завсегдагдем комнаты Посельских, даже сошелся с их обычными гостями — старыми московскими интеллигентами. И сделался их ангелом-хранителем. Вскоре арестованную выпустили, уплотнять квартиру перестали, наладилось с едой — все благодаря «братишке», который в революцию-то влопался не по уму, а за компанию.

И начались режиссерские будни Посельского. Он, как и перечисленные выше современники, не слишком-то задумывался о справедливости нового строя, о его порядочности и правомерности. С бывшими белогвардейцами не заседал, однако же и «к Ильичу за правдой» не ходил. Работал человек.

Двадцатые годы — раскачка. Фильмы типа «Вставай, подымайся, рабочий народ» или же «Под красным знаменем». (Кстати, известнейшее объявление «Райком закрыт — все ушли на фронт» взято вовсе не из жизни, а из этого кино.) Серия агитфильмов о Пахоме («Как Пахом в селе Несмелом занимался летным делом»).

Тридцатые годы — расцвет. Вообще, расцвет отечественного документального кино. И первый крупный фильм Якова Михайловича — о

праздновании Первой. «Только высокая организованность, строгая плановость, составляющая социалистический стиль миллионной пролетарской массовки, сделала возможной подобную отчетливую организацию съемок», — писал режиссер.

Съемки фильма по своей организации гораздо больше походили на захват опасного преступника. Создали специальный штаб, более чем сорок операторов заранее расставили по разным точкам, а затем в монтажной все это просматривалось, отбиралось самое красивое, эффектное. Шел 1932 год, страна отгуливала пятнадцатый социалистический Первомай, и правительство на съемки денег не жалело.

Пожалуй, самый знаменитый фильм Посельского — «Челюскин». Он шел одновременно в двадцати восьми московских кинотеатрах, однако очереди занимали с раннего утра. Самому же режиссеру растроганное правительство подарило превосходную машину — вишневого «мерседес-бенц» с перламутровыми сиденьями и прочими буржуазными роскошествами. Подарило — и забыло. А после спохватилось:

— Это кто такой крутой на «мерседесе» разъезжает? Быстро разобраться и изъять.

— Так вы же сами подарили...

— Неужели? Видимо, ошиблись. Надо заменить.

Может быть, с того момента и началось разочарование Якова Михайловича в социализме. Во всяком случае, он сам отправился менять свой лимузин на старенькую «эмку», фильмов о пахах больше не снимал и перешел, что называется, на тренерскую работу.

По-моему, Якову Михайловичу можно позавидовать. Он верил, он творил, он добился признания и кафедры в ГИКЕ. Сыну, Михаилу Яковлевичу, пришлось потуже. Он был фронтовым оператором и понимал, что вокруг происходит. Раз послали его с важными пленками в столицу. Только с поезда сошел — к нему патрульный. Документы проверил и вдруг заявляет:

— У вас подворотничок плохо подшит.

— Как так, — не понял Михаил, — ведь я же с фронта... Там не до подшиваний...

— Ах не до подшиваний? Пойдем в комендатуру.

А там уже народу видимо-невидимо, и все фронтовики. Во дворе без ремней маршируют. Получили дня четыре отпуска — и прямо с поезда их под арест.

— Вы у нас службу узнаете. Думаете, фронтовики — так все вам можно? Только и умеете, что в окопе от-

Фото из семейного альбома

леживаться и тушенку жрать.

Видимо, комплекс был такой у тыловых — кто знает. Выпускали, лишь когда отпуск закончится. Чтобы домой и зайти не успели.

Правда, Михаилу повезло. По важности задания его освободили раньше.

Ему запрещали снимать нашу технику. Если, по случайности, «Катюша» в кадре попадет — трибунал. Действовало табу на успехи немцев (а эти кадры пригодились бы на Нюрнбергском процессе).

В 1947 году ему пришлось столкнуться с ужаснейшей историей. Был на аэродроме в Тушино военновоздушный парад. Солнце, дети с разноцветными шарами, тележки с мороженым, парашютисты — красота. И Сталин на трибуне.

— Что, — спрашивает вождь у руководителя съемок, — кино получится цветное?

— Нет, — отвечают ему, — черно-белое.

— Жаль.

Срочно раздобыли цветной пленки, метров шестьдесят. Хватило, чтобы снять вождя с правительством. А через пару дней повторили парад. Опять цветы, воздушные шары, мороженщиц пригнали. Да только ветер был не тот. Поэтому десант попал в Москву-реку. Без специальных средств, в тяжелой амуниции.

И генералы, матерьясь, вытаскивали трупы из воды. Парад же продолжался. И его снимали на цветную пленку.

Сталину кино понравилось.

Во времена былые каждый кадр документального кино визировался,

утверждался политически подкованным редактором. Можно было только то, что было можно. Шаг влево, шаг вправо — расстрел. Поэтому документальное кино нашего прошлого — невыстраданное, причесанное, декоративное. Того, что было в самом деле, мы не увидим никогда.

Да и сейчас... Приемы-то остались те же. Документалисты продолжают действовать все в той же приторной, расслабленной манере. И рассуждают о гибели неигрового кино.

Режиссер-документалист Яков Михайлович Посельский (тот самый, родившийся в 1948 году) на эту тему говорить не любит. Ему обидно, что важнейшие российские события транслируют по CNN, а наши телевизионщики лишь трепяются о судьбах государства.

Он со своей женой Наташей, тележурналисткой, восстановил студию прадеда. Разве что без дефиса в слове «кинолента». А братья Посельские — подрастают. Шестилетний Михаил с трехлетним Константином.

За год работы снято более десятка фильмов — о военных дельфинах, о московских преступниках, о химическом оружии...

Их цель — не пугать обывателя. Здесь нет даже авторского отношения, одни лишь факты. Эти фильмы шокируют.

Но — так мы сегодня живем.

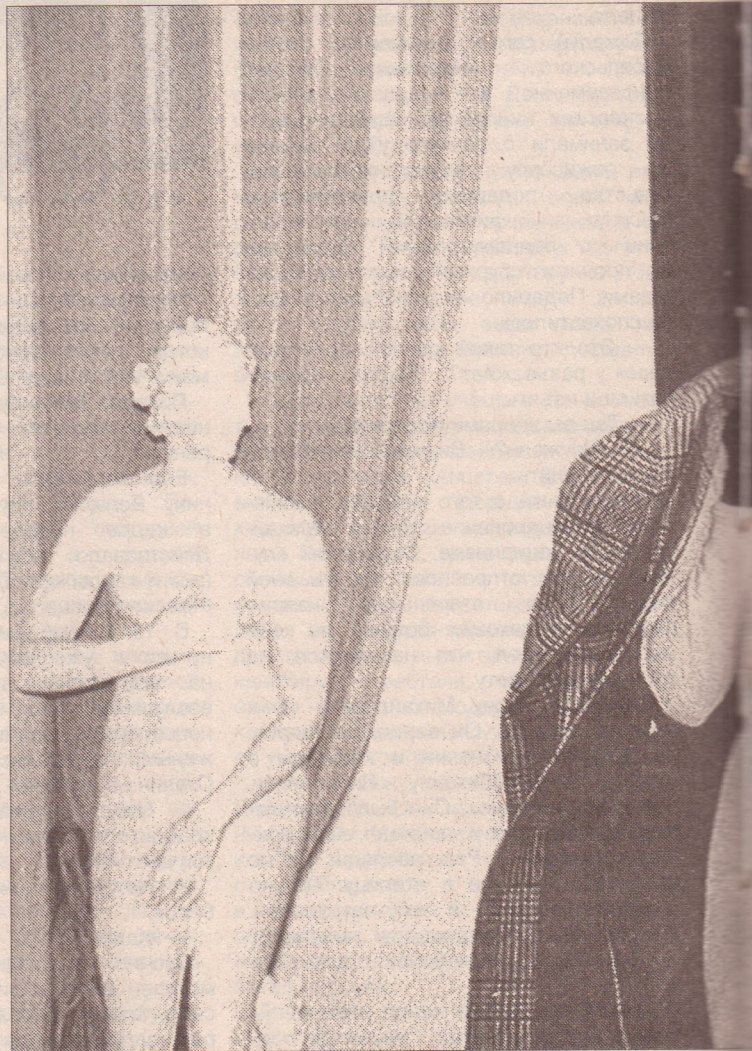
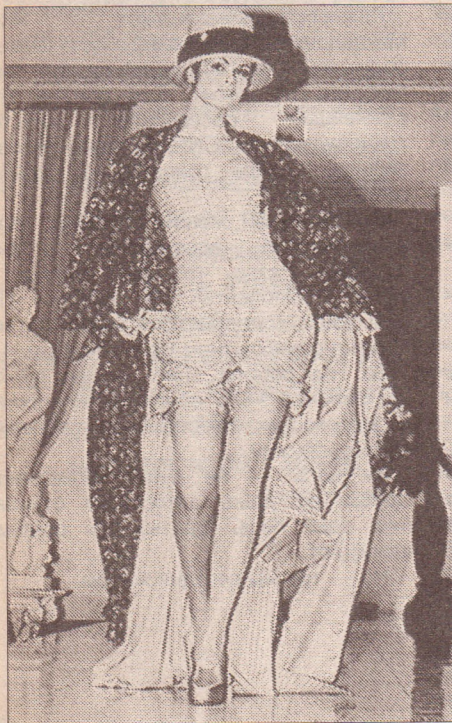
Марина ГЕОРГИЕВА,

Искус

Поэтому весенний показ моды всегда событие. Правда, модельеры обычно опережают время и весной часто показывают коллекции «осень—зима», демонстрируя тенденции развития одежды, которые, по идее, станут руководством для производителей этой самой одежды. Валентин Юдашкин — последний московский модельер, который продемонстрировал в этом сезоне весеннюю коллекцию. Причем не модели «от кутюр», а именно «прет-а-порте»: никаких женщин-ваз, скрипок, никаких мотивов Фаберже, напротив, все модели настолько «носибельные», что запросто могли сойти с подиума в зал — никто бы и внимания не обратил. Про зал хочется сказать отдельно — дом на Кутузовском проспекте, в который вбухана уйма денег, сочетает в себе жалюзи, стеклянные офисные перегородки со старинной мебелью и манерной скульптурой вплоть до статуэтки нагой Венеры в гардеробе, на которую так и хочется набросить какое-нибудь из созданий модельера или по крайней мере надеть шляпу. Явно не хватает юмора этому крайне серьезному пространству, в

Онаряды женщина мечтает всегда, как и о любви. Но особенно — весной. Когда снег еще не стаял, а на улицах по уши грязи, но уже светит солнце, тяжелые зимние вещи убраны в шкаф и хочется чего-то этакого, новенького... Ну очень модного.

кройки и

Владимир ШИШОВ (фото)

ство

котором самое почетное место занимает реалистичский а-ля передвижной Глазунов портрет самого главного московского золотонаперсточника (Юдашкин — единственный дизайнер, представленный в Федерации высокой моды от России, и самый молодой из приглашенных на сцену при вручении «Золотого наперстка»). Теперь французы снимают о нем кино — он умеет жить и знает, как нравиться).

Впрочем, если обстановке дома моды не хватает иронии, то сам показ был отрекомендован как «шутка мастера», и его режиссура действительно таила в себе несколько шуток. Хотя и не самого лучшего вкуса. Хотя нет — одна модель все-таки тянула на что-то смешное: свадебный дуэт, мужскую роль в котором сыграл манекенщик африканского типа, чья шоколадная кожа соблазнительно просвечивала сквозь белый гипюр костюма.

К весенне-летнему сезону Юдашкин предлагает надутые простеганные платья-пальто радужных тонов с застежкой сзади, почти классические плащи защитного цвета, вышитые золотом по погонам («Valentin Yudashkin»), в комбинации с шляпками-ушанками, длинные жакеты по фигуре,

летающие силуэты цветов «земли» и многослойные ансамбли, в процессе демонстрации которых брюки (а также платья, юбки и все остальное) исчезали, превращаясь в элегантные шорты и топы. Словом, ничего неожиданного. Но ведь на улице весна, и так хочется чего-то новенького, модного. Да и солнце располагает к снисходительности и любви.

жизнь

Мурад АХУНДОВ

БЫЛ ЛИ ЛЕТОПИСЕЦ НЕСТОР РУСОФОБОМ?

Мурад Ахундов
в Гарвардском университете

В последние годы Россия разрывается между Карлом Марксом и Джеффри Саксом, между западной демократией и евразийским ханством, между тягой к радикальным реформам и нежеланием поступиться принципами. При этом бросается в глаза одна особенность: все предлагаемые альтернативы воспринимаются в России как чужие. Но сейчас не до жиру, быть бы живу: если Запад дает хорошие кредиты под демократические реформы, то будем демократами. Однако оставим за собой право творческого подхода к демократии. Соответственно, следуя методологии И.В.Мичурина, уже сформулировали главный тезис: «Мы не можем слепо копировать западную демократию, русифицировать ее — вот наша задача!»

Мурад АХУНДОВ — доктор философских наук, сотрудник Института философии Российской академии наук, в настоящее время работает в Русском исследовательском центре Гарвардского университета (США), откуда и прислал в «Столицу» публикуемую статью.

На американско-русской конференции в Массачусетском технологическом институте (май 1992) один из российских докладчиков пояснил такую установку следующим образом: мы не можем слепо копировать западную демократию, которая была основана на механистическом мировоззрении западной буржуазной науки XVIII—XIX веков, мы должны строить новую русскую демократию на основе особой русской науки.

В истории России это не первые призывы к построению особой русской науки, с которой ассоциируются фундаментальные национальные (религиозные, классовые и т.д.) ценности и надежды на возможность самобытного развития.

Оправдались ли эти надежды? Может ли вообще существовать национальная наука? Есть ли надежда прийти таким путем к некоей русской демократии?

Наука, по всей видимости, является одним из немногих элементов западной цивилизации, без которого Россия не могла реализовать свои имперские амбиции. Естественно, как любой элемент западной культуры, наука вызывала в России чувство глубокого неудовлетворения (ненависть, комплекс неполноценности и т.д.). Более того, наука рассматривалась как квинтэссенция западного еретического рационализма. В России искренне считали, что Запад нисходит в пучину ересей по ступеням: католичество — протестантизм — антитринитаризм — наука.

Хочу подчеркнуть, что в основе такой российской неприязни к рационализму лежали антииудейские установки. Первым произведением русского православия было знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского (XI век). Это «Слово» — о победоносном

противоборстве православной Благодати с еврейским Законом. С такой позиции все последующее развитие Запада по пути рационализма и вплоть до современной науки есть растянутый во времени реванш еврейского Закона.

Показательно, что новгородско-московские рационалисты XV—XVI веков вошли в историю России как «жидовствующие».

Однако исторически иудаизм не был конкурентом православия в России, особенно после разгрома Хазарии. Основное противоборство было с латинским христианством, против настойчивых попыток римских пап увести русский народ в католичество. От западного христианства России удалось достаточно успешно отбиться (были, конечно, помощники в этой идеологической борьбе, например, болгарское богомилство, татаро-монгольское несторианство и др.), но перед наукой пришлось самим отворять ворота, создавать Академию наук, приглашать западную профессию.

Начиная с XVIII века Россия решительно зашагала по дороге радикальных реформ. Это означает, что Петр Великий болезненными тычками погнав упирающуюся Россию по дороге Прогресса. Русские патриоты объявили его Антихристом и, ёжась на сквозняке из «окна в Европу», запели старинную песню протеста: «Вихри масонские веют над нами». Однако слухи о непатриотичности Петра сильно преувеличены. Если бы можно было без глубоких реформ, без развития науки, без мощного военно-промышленного комплекса реализовать патриотические устремления, то неужели бы Петр сразу не вышел на Балтику, не объявил бы Стамбул второй Москвой, не

создал бы евфратского казачества и т.д? И главное — не вывел бы Россию на почетное место среди развитых народов? Но в том-то и дело, что почетное место это нельзя было завоевать без силы, а в XVIII веке уже было твердо усвоено, что «знание — сила».

Однако западная наука обладала одной очень вредной особенностью: она могла служить основой технического прогресса, только если она оставалась западной наукой, т.е. именно наукой. Это качество радикально отличало ее от других элементов западноевропейской цивилизации, которые Россия заимствовала и... медленно модифицировала в духе своих фундаментальных ценностей, например в духе известной триады «православие, самодержавие, народность» (или коммунизм, Политбюро, советский народ).

В результате подобных модификаций появлялись патологические конструкции, которые имели мало общего со своими западными прообразами. Более того, стоило приставить к любой категории западной культуры слова «русский», «советский» или «социалистический» и... получалось нечто прямо противоположное. Например, «русский марксизм» требовал свершения пролетарской революции в огромной крестьянской стране, «советский рынок» означал плановую экономику, а «социалистическая демократия» предстала в виде махрового тоталитаризма.

В России периодически пытались проделать подобные модификации с наукой: «Даешь русскую науку!», «Даешь славянскую науку!», «Даешь пролетарскую науку!». Такие призывы всегда появляются в периоды роста имперских амбиций, в периоды националистической и классовой истерии. В этой связи настораживают призывы к построению особой «русской науки», которые появились в последние годы. Уже раздаются требования: «Даешь Русскую Академию наук!». Можно прогнозировать следующее требование: «Даешь Русскую Академию русских наук!». Я не исключаю возможности, что такая Академия уже существует, ибо в сегодняшней России академии размножаются очень быстро и уследить за этим процессом достаточно трудно.

Принято считать, что идея об особой «русской науке» возникла в умах ранних славянофилов (И.Киреевский, В.Одоевский, Ю.Самарин и др.) на заре XIX века: западная наука аналитична, а русская наука будет синтетична. Это означало, что западная наука просто больна и запуталась в ложном знании, в то время как русская наука спасет мир и откроет путь к познанию Истины. Конечно, в таких рассуждениях нашла свое проявление более фундаментальная оппозиция России и Запада по вопросу аналитичности и синтетичности — это противостояние соборности (синтетическое триединство) Русской православной церкви и аналитичности западного христианства (исхожде-

ние Духа Святого от Отца и Сына).

Ничего синтетического в «русской науке» XIX века не было изобретено, и поэтому был найден оригинальный выход из положения: под наукой стали понимать... гегелевскую философию, чья чрезмерная синтетичность оценивалась на Западе как «шарлатанство». Можно представить себе, сколь антинаучна была социальная атмосфера в России XIX века: речь шла не просто об отрицании западной науки, но еще и о пропаганде науки в образе гегелевской философии, которую А.Шопенгауэр мягко оценивал как «разрушающую интеллект псевдофилософию».

Вышесказанное ни в коей мере не отрицает наличия в России некоторого количества высокопрофессиональных ученых, которые внесли весомый вклад в развитие настоящей науки (Н.Лобачевский, Д.Менделеев, И.Мечников и др.). Положение таких ученых в России было сложным, они подчас воспринимались общественным сознанием как иностранцы и иноверцы, зачастую вынуждены были покидать родину для плодотворной работы в западных научных центрах.

Ни эти ученые, ни их научные достижения не оказывали ощутимого влияния на культуру России, не оплодотворяли ее, не служили проводниками научного мировоззрения в общественное сознание. В этом смысле, безусловно, прав американский историк науки А.Вусинич, когда он пишет, что неевклидова геометрия Лобачевского, разработки Чебышева по теории вероятностей и структурная теория химических соединений Бутлерова говорят нам неизмеримо меньше о культуре России, чем «Мертвые души» Гоголя, поэзия Лермонтова и музыка Римского-Корсакова.

Здесь, правда, необходимы два замечания. Во-первых, стоит лишь изменить постановку вопроса, и тогда указанные научные достижения могут помочь нам приоткрыть очень важные стороны культуры России и Советского Союза. Например, давайте разберем стойкое непризнание работ Лобачевского в академическом сообществе России и издательские рецензии о неевклидовой геометрии в патриотической прессе («Сын Отечества»), проанализируем истоки ненависти Сталина к статистике и рассмотрим националистическую приоритетную кампанию в советской науке 40—50-х годов, в которой Бутлерову и его теории отводилась очень важная роль. И мы увидим, что хотя наука не играла непосредственной роли в культуре России, но преследование науки, ее идеологизация и надежда на создание какой-то своей особой «науки» были очень характерны. И эти процессы могут рассказать нам о культуре России и СССР не меньше, чем поэзия и музыка.

Во-вторых, в положении Вусинича отразилась одна особенность западной истории науки: под наукой понимается лишь

естествознание (т.е. Лобачевский, Чебышев, Бутлеров), а все остальное — в гуманитарной области. Это не совсем верно. Дело в том, что впервые представление об особой «русской науке», противостоящей науке западной или «немецкой науке», возникло в России не применительно к естественнонаучным дисциплинам, а к истории. Трудно придумать более опасную область для противостояний, чем область русской истории. Вместе с тем это многое проясняет в русской неприязни к западной науке — речь шла не столько о преимуществах синтеза над анализом, сколько об оскорбленной национальной гордости, которой пришлось испытать шок от прошлого. Более того, от несуществующего прошлого!

В допетровской России потребность в исторической информации удовлетворялась «Киевским Синописом», основанным на трудах польских компиляторов. Как подчеркивал П.Милюков, между древними русскими летописями и изложением «Синописа» лежали целые пять веков постепенного искажения русских первоисточников. Тем не менее «Синопис» очень ценили, ибо он отвечал на самые важные вопросы истории: во-первых, в каком народе древнейшего мира скрывался русский народ после неудачного вавилонского столпотворения, во-вторых, как объясняется название русского и славянского народов. Например, в пророчествах Иезекииля встречаются очень нужные кадры — Мешех и Рош (Мешех был шестым сыном Иафета и внуком Ноя). Польский компилятор Стрыйковский «выяснил», что этот Мешех шел с племенем своим из Вавилона в 131 году после потопа и над берегами Черного моря поселил от своего имени народы Московские. Естественно, такая глубокая родословная могла породить у любого народа чувство глубокого удовлетворения. И вот тут пришли немцы и все опошили.

Потребность в профессиональных немецких историках (Байер, Миллер, Шлещер и др.) появилась в связи с открытием в начале XVIII века древних русских летописей. Возникла необходимость разрушить «Синопис» и монастырские сказки, вернуться к древним летописям, сличить их с источниками разных народов и путем критического анализа НАУЧНО создать историю России.

Для реализации этих задач в Россию XVIII века приехали немецкие историки-профессионалы с девизом свободной европейской науки. Оказалось, что цель истории — это не нравственные наставления и обучение, не маниакально-торжественные оды, даже не поиски места русского народа среди развалин Вавилонской башни, а... поиски истины. При этом, как заметил Миллер: «Историк должен казаться без отечества, без веры, без государя». О реакции русских историков-любителей на плоды немецкой учености

в области русской истории можно судить по такому замечанию Михайло Ломоносова в адрес Шлёцера: «Каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина».

Было от чего возмущаться. Немцы фактически укоротили историю русского народа на несколько тысяч лет, а главное, родоначальником оказался не легендарный внук библейского кормчего, а какой-то норманнский военизированный торговец Рюрик; христианство принес в Киев и Новгород не апостол Андрей на заре христианской эры, а варяжский каган Владимир лишь в X веке. И вся история началась лишь в VIII—IX веках, когда ряд слабообразованных и малокультурных племен, обитавших вдоль речного и торгового пути из варяг в греки, обратились к норманнам с просьбой — мол, «земля у нас обширная, наряду только нет», постоянно нарушаются права человека, никто не жаает следовать моральному кодексу строителя феодализма, так что вы уж придите и владейте нами. Варяги решили исполнить свой интернациональный долг и прислали ограниченный воинский контингент со всей Русью и во главе с князем Рюриком. Так и возникла Новгородско-Киевская Русь как княжеская власть по уделам плюс рюриковизация всей страны.

Русские историки-идеологизаторы попытались уличить немцев в подтасовке фактов и посягательстве на главные российские ценности. Нестора-летописца обозвали норманистом, а саму науку подозревали в наличии какой-то западной специфики, которая делает эту науку малопродуктивной на русской почве. России не нужна «немецкая наука». К русской истории необходимо подходить с особой русской ментальностью, обладать особой русской душой и вообще... аналитическим умом Россию не понять, а посему «Даешь русскую науку!».

Немецкие профессора и молодое поколение российских историков (некоторые учились на Западе) приступили к долгой и кропотливой работе с летописями, списками, указами, ярлыками, архивами и т.д. Началось научное изучение всевозможных памятников старины. Лишь после завершения этих исследований мог встать вопрос о написании «Истории России».

Эти планы были нарушены с неожиданной стороны. В начале XIX века к изучению истории России обратился известный писатель и реформатор русского языка Н.Карамзин, который создал знаменитую «Историю государства Российского». Это была сенсация в области исторической живописи. Если косноязычную «Историю» Ломоносова почти никто не читал, то сладкоголосую «Историю» Карамзина читали почти все. История стала модной, она вошла в салоны, но... это не была научная история. В научном отношении это был шаг назад, это была «русская наука», пронизанная идеологией самодержавия.

Многие российские историки (Каченовский, Полевой и др.) подвергли «Историю» Карамзина строгой научной критике.

Однако в XIX веке призывы к построению особой «русской», или «славянской», науки уже были связаны с более общими идейными движениями, например, со славянофильством. Конечно, история России оставалась той областью, где западная наука признавалась заведомо бесплодной, но вставляли и более актуальные проблемы борьбы непосредственно против западной науки, так сказать, на ее собственной территории. В качестве примера такой антинаучной борьбы можно указать антидарвиновскую кампанию (Н.Данилевский и К^о). — идея эволюции пришлась не по вкусу «русской науке».

Что касается научной истории России, то она была создана в конце XIX — начале XX веков. Можно, например, указать «Курс русской истории» В.Ключевского, который для того времени был просто отличным.

В советское время «История» Ключевского была запрещена, хотя неофициально его идеи усиленно эксплуатировались, вплоть до полного ополнения, в рамках новой, «пролетарской», или «марксистской», науки. Под прикрытием лозунгов такой идеологизированной науки в СССР были проведены «исследования» по истории древней России, по сравнению с которыми самые маниакальные идеи историков-любителей XVIII века могут показаться оскорбительно неприличными, — речь пошла об истории русского народа, который с ледникового периода населяет территорию России, о великой этрусско-русской цивилизации и т.д. Здесь свою пагубную роль сыграли бредовые идеи академика Н.Марра, который был аналогом Трофима Лысенко в советском языкознании.

На основе такого марнизма можно было легко дойти до полного исторического маразма. Когда же в середине 40-х годов с подачи самого Сталина поднялась шумная кампания о русском патриотизме (потом ее стыдливо попытались перевести на более привычную фразеологию о советском патриотизме), то исторические фантазии разыгрались не на шутку — советская древняя история России превратилась в типичную «русскую науку».

Это был период острой идеологической борьбы в советской науке: громил безродных космополитов, преклоняющихся перед Западом, агрессивные полузнайки преследовали профессиональных ученых. Некоторые науки были просто ликвидированы, и на их месте возникли идеологизированные монстры, например, вместо уничтоженной высокообразованной советской генетики торжествовала мракобесная «лысенковщина». Этот шабаш не был последовательным и универсальным, например, зонтик атомного проекта надежно прикрыл советскую физику и химию. Да и в других науках все

это мракобесие закончилось уже в начале 60-х годов.

Последующие годы были заполнены нарастающей борьбой советских ученых против рецидивов идеологического вмешательства в науку. Было четко заявлено, что наука не может развиваться, если идеология будет предписывать ей, например, какая модель вселившейся верная или какая интерпретация квантовой механики не верная. Во всяком случае, из естественности идеологии пришлось убраться. Но как обстояли дела в гуманитарных областях, например, в такой цитадели «русской науки», как история России?

Практика последних лет дает нам ответ на этот вопрос. Сегодняшние призывы к построению особой «русской науки» фактически претворились в жизнь лишь в области русской истории. В этой сфере продуктивно работают не только профессиональные историки, но и огромная армия самодеятельных историков-политологов, журналы красно-коричневых оттенков пестрят фантастическими публикациями на исторические темы, создаются ненаучно-популярные исторические фильмы и т.д.

Мне остается лишь ответить на два вопроса:

1. Может ли подобная «русская наука» стать основой особой русской демократии? Да, может — это как раз русская либеральная демократия В.Жириновского. В демократической печати России уже неоднократно отмечалось изощренное вероломство Жириновского, который, для большего издевательства над демократией, намеренно назвал свою фашистскую партию — партией либерально-демократической. Я думаю, что критики увлеклись сравнениями с западными доктринами, а речь ведь идет о «русской либеральной демократии», которая как раз и есть имперский национализм.

2. Может ли подобная «русская наука» спасти Россию? Нет, не может, ибо любая идеологизированная наука способна привести лишь к национальной трагедии. Плодотворен только лишь один путь: от научного исследования к принятию политических решений. И совершенно непустим обратный путь: от принятых решений к их «научному» обоснованию, путь, который как раз и обслуживает идеологизированная наука, в которой критическое исследование заменяется апологетикой любых преступлений режима.

Потребность режима в идеологизированной науке — очень опасный симптом.

Бостон

ЖИЗНЬ ИНВАЛИДА В ПРЕДДВЕРИИ ПРАЗДНИКА

Журнал «Столица» я выписываю с 1991 года и считаю, что это, пожалуй, самый объективный и честный орган нынешней печати. Поэтому решил через ваш журнал обратиться с открытым письмом к нашему уважаемому мэру Ю.М.Лужкову.

Уважаемый Юрий Михайлович!

Скоро, через год с небольшим, 50-летие Победы. Звону подняли по этому поводу — уши закладывает. Идет бурная подготовка к празднику. А может быть, Вам интересно будет узнать в преддверии юбилея, как живет простой инвалид войны в наше время? Ничего живу, Вашими стараниями. И пенсия повышенная, и квартплата — 50 процентов... Вот только кажется мне, что за такую квартиру не я бы должен платить, а государство нам с моей старухой (тоже инвалид, по труду) должно доплачивать за физический, моральный и материальный ущерб.

Живем в Капотне (московский Чернобыль) уже 29 лет. За это время нашел себе астму и туберкулез. Ну, ранение уж не считаю: это за Родину. А астма мне, что ли, от Родины — ответный подарок? Квартира на первом этаже. Сырость, полы прогнили. Ходим с опаской, боимся провалиться. Ремонт у нас капитальный не делали ни разу за все 29 лет. Говорят, дом аварийный. Канализация в подвале все время засоряется, а в жэке мне на мои претензии отвечают: гадить поменьше надо.

Вот я и хочу спросить Вас, Юрий Михайлович: может, не надо пускать пыль в глаза? Может, лучше действительно позаботиться об оставшихся в живых инвалидах ВОВ и хоть под конец жизни что-то реально сделать для них?

Москва

И.ИГНАТОВ

СТРАНА МЕЧТАТЕЛЕЙ

Сейчас, когда наша жизнь многих не радует, когда цены неумолимо растут, а зарплата за ними явно не успевает, когда опасно выходить вечером на улицу и страшно за завтрашний день, поневоле даже самым идейным атеистам наверняка захочется поверить во всевышнего, который все может и в один миг изменит жизнь к лучшему.

Не правда ли, хорошо было бы проснуться утром в собственном шикарном загородном доме, отправиться на работу на личной сверхпрестижной машине и там узнать, что с этого дня зарплату повысили раз эдак в... (ну сами прикиньте), а вечером с семьей посетить дорогой ресторан или совершить куда-нибудь экскурсию. И при этом — никаких житейских проблем, а вокруг лишь

счастливые лица и добрые улыбки. Не плохо, правда? Кто из нас на досуге не мечтал о такой жизни?

А вот теперь ответьте, можете ли вы отказаться от этой мечты? Можете ли твердо сказать себе: «Ничего этого у меня никогда не будет». Уверен, никто не сможет убедить себя в том, что он не достоин лучшей жизни.

На свете много религий. Кто-то верит в Христа, Аллаха, Будду, кто-то поклоняется другим святыням или же возносит на пьедестал своего личного кумира. Россия всегда славилась своими мечтателями. Мы верим в свою мечту. Быть может, в этом и есть наше спасение.

Москва

Г.БОБРОВ

СОЦПРОФ — НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА

Во втором номере «Столицы» за 1994 год опубликовано интервью с сопредседателем Координационного совета профсоюзного объединения СОЦПРОФ Д.Семеновым «Оппоненты директорского корпуса». Хотелось бы дополнить этот материал новой информацией — несколько неожиданной и заставляющей поразмышлять о некоторых тенденциях нашей политической и экономической реальности.

В конце прошлого года ВЦИОМ провел очередной социологический опрос, выясняя: сколько людей идентифицируют себя как членов профсоюзов и каких именно профессиональных организаций. Оказалось, что две трети опрошенных считают себя членами профсоюзов, но только 17 процентов из них причислили себя к ФНПР, рожденной в свое время из коммунистического ВЦСПС. Это — удивительный результат, так как ФНПР привыкла заявлять о якобы 60 миллионах трудящихся, состоящих в ее организациях. Но еще более удивительно, что 42 процента опрошенных отнесли себя к членам нашего объединения СОЦПРОФ. Если экстраполировать число опрошенных ВЦИОМ на трудовое население России, то получается, что в СОЦПРОФе состоят несколько миллионов человек. На самом деле это не так.

В чем же дело? Ответ, видимо, кроется в том, что люди недовольны старыми профсоюзами, однако осознали, что нуждаются в коллективной защите своих прав и интересов. И видят своего защитника именно в новых, свободных профобъединениях и профсоюзах, каким является тот же СОЦПРОФ. Еще можно сделать вывод, что мы — профсоюзные деятели — упускаем большое число тех, кто хотел бы вступить в нашу организацию.

И еще один вывод: в самое ближайшее время работники наемного труда выступят на политической сцене России как огромная и серьезная сила. Пока нет ни одной политической структуры, действительно выражающей интересы наемных работников. Думаю, читате-

лям «Столицы» будет небезынтересно узнать, что на базе профобъединения СОЦПРОФ формируется политическая партия — в виде массового движения трудящихся, готовых выдвинуть своих представителей в органы власти всех уровней.

С.ЧУРИКОВ, председатель
объединенного профкома
СОЦПРОФ-АЗЛК

Москва

СЫРА НЕТ, НО ВСЕ ПРИ ДЕЛЕ

Сейчас в магазинах Ярославля нет сыра. Причина простая как мычание. Это следствие скрытого администрирования цен. Во-первых, областной отдел цен установил торговую наценку на сыр — 15 процентов. Если нарушишь — будешь платить штраф. Допустим, мне предлагают сыр по две тысячи рублей за килограмм (я хозяйка частного магазина «Старый двор» в центре Ярославля). Значит, продавать я его должна по две тысячи триста рублей. За сто килограммов я плачу 200 тысяч рублей своих личных денег. Продаю за 230 тысяч. Доход у меня будет 30 тысяч. Но из этой суммы я плачу государству налог в размере 80 процентов, это 24 тысячи. Думаете, что чистой прибылью остается 6 тысяч рублей? Наивные люди. Тот же областной отдел цен постановил: в себестоимость товара, который мы покупаем в пределах Ярославской области, входит только дорога в один копейку. Поскольку за сыром мы ездим в Переславль, то эти 6 тысяч мы как раз и потратим на обратную дорогу. Так какой же смысл продавать сыр? Мне ведь надо еще зарплату платить и себе, и людям. Кроме того, сыр — товар трудоемкий, его тяжело резать, а у меня работают одни женщины...

Сегодня нам товар выгоднее брать не в своей области, а за ее пределами, тогда в себестоимость продукции входит дорога в оба конца. Поэтому ярославцы ездят в Архангельск, а наши сырзаводы продают свою продукцию в другие области. Так и мотаемся — и все при деле.

Я удивляюсь, насколько наши власти всех уровней не способны просчитывать экономические последствия принимаемых решений! Помню, когда летом изымали старые купюры, корреспондент брал интервью у Черномырдина: «Какие последствия этого решения вы предвидите?». Тот отвечает: «Время покажет». Это чтоб я так работала в своем магазине — время покажет?! Да я бы через неделю по миру пошла. Нет, я перед каждую копеечку просчитаю. Где ее найду, а где потаю.

Ярославль

И.ГРИЦУК

Фоторепортаж
Владимира
Шишова

ПУТИ К ГОРНЫМ ДУХОБОРАМ

Операция по оказанию гуманитарной помощи русскоязычной общине духоборов в Грузии завершена: 160 тонн дизельного топлива и автомобильного бензина под военным конвоем Министерства по чрезвычайным ситуациям России доставлено к месту назначения — в село Гореловка, на высоту 2,5 тысячи метров над уровнем моря.

Исполненные сознанием собственного благородного поступка, связанного с риском для жизни, мы — участники операции — вступили на землю «грузинской Сибири». История сосланного сюда в прошлом веке духоборчества — это история горьких лишений и высоких взлетов человеческого духа, во имя своего особого христианского учения. Впрочем, почему история? Современность тоже не балует: армянский район этой грузинской территории вдруг перестал быть родной землей для тысяч русских духоборов. Расклад прост — армяне с грузинами под шум «перестройки» стали перестраивать и делить обжитые и возделанные горные плато, не комплексую особо по поводу веры и ее носителей.

Сейчас Эдуард Шеварднадзе пытается сохранить русский островок,

исходя не только из своих собственных, но и российских стратегических планов военных ведомств. Не зря ведь все села духоборов (а их шесть) в одночасье стали приграничными — со всеми вытекающими отсюда последствиями, чуж-

дыми пацифизму.

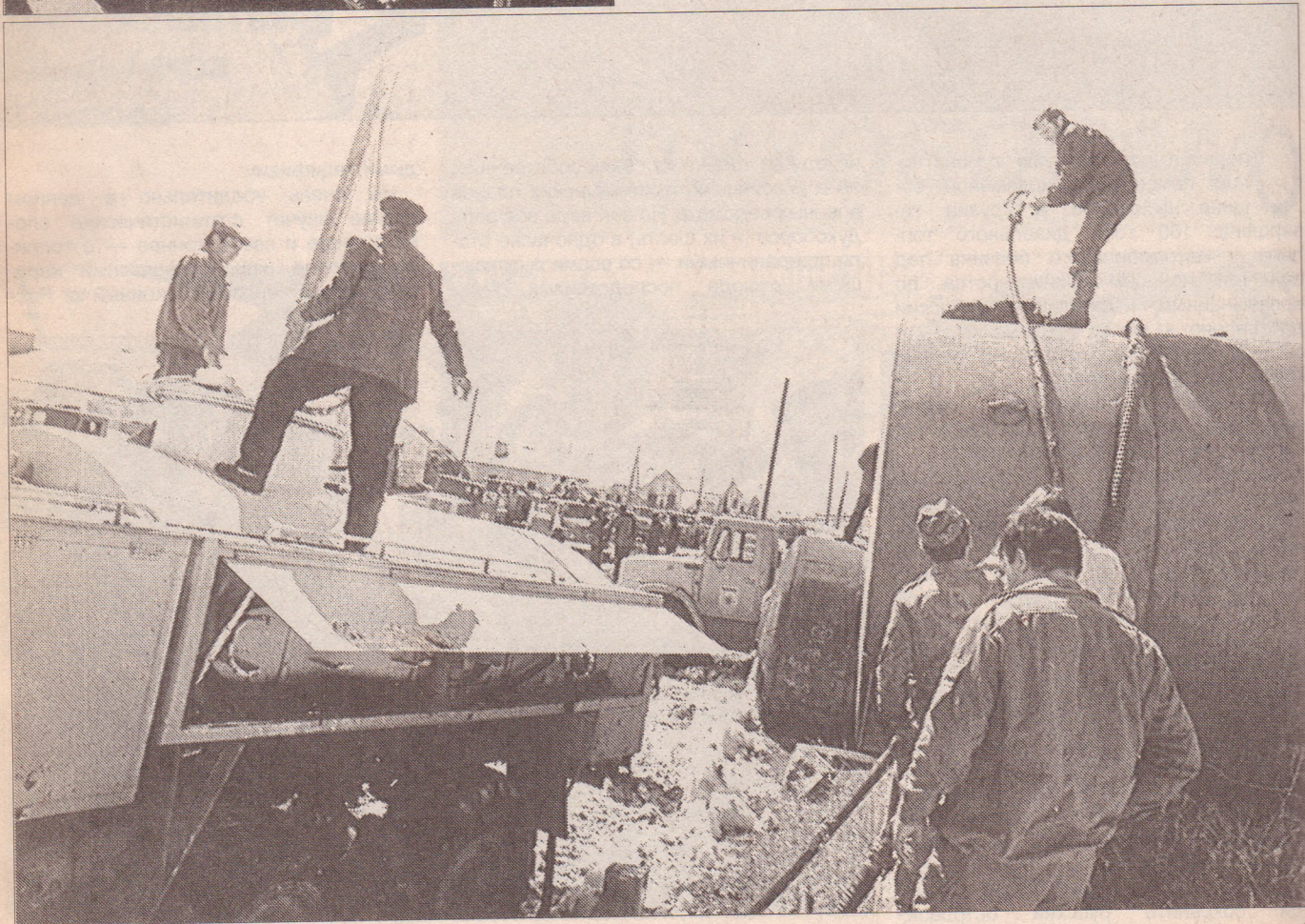
Не очень убедительно в данном случае звучат оптимистические слова о тепле и свете, точнее — о топливе, которое наш «огнеопасный караван» провез через беспокойный юг Рос-

сии и воюющую Грузию. Если речь идет о помощи России «своим», то куда как логичнее и рачительнее было бы осчастливить бывших соотечественников при посредничестве 147-й Ахалкалакской мотострелковой дивизии, от которой до духоборческих селений всего несколько километров. Если же речь идет о боевых учениях МЧС в условиях чрезвычайной ситуации, то нынешняя гуманитарная операция — пусть дорогой (в прямом смысле), но полезный опыт. И российскому «спасательному» министерству он, к сожалению, еще может пригодиться...

Галина ПОТАПОВА

ПРЕДЛАГАЮ

Визы, ЗП.
Тел. 194-19-26.

Приворожение, снятие порчи.
Тел. 404-83-55.

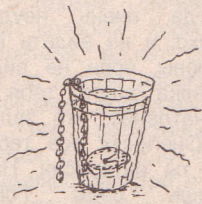
Оригинальные охранно-пропускные системы для различных учреждений. Противогонные системы для автомобилей.
Тел.: 396-29-44, 732-96-53.

Лазерный центр предлагает эффективное лечение сосудистых, легочных, воспалительных и других заболеваний.
Ул. 1-я Сокольническая, д. 8 (рядом с м. «Сокольники»)
Тел. 269-43-54.

Комплексный ремонт квартир.
Тел. 413-48-60.

ПРОДАЮ

Щенков бойцовых пород. Клуб «Зоопрактика».
Тел. (095) 541-68-84.

Часы «Cardi-Vostok» механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

Участок 15 соток. 10 км от МКАД. Лесной городок.
Тел.: 468-95-72, 231-41-22.
(Возможно, два участка).

А/м ВАЗ-21093.
Тел. 344-39-67.

Р/телефон до 100 км.
Тел. 344-39-67.

Обои, облицовочную плитку, плитку АГШ, товары народного потребления, автомобильные аккумуляторы. Недорого. Вторник, среда, четверг.
Тел. 905-33-27.

Дачу (участок 7 соток) в городе Венев Тульской обл. (3 часа от Москвы).
Тел. 174-12-61.

СНИМУ

Однокомнатную квартиру. Недорого.
Тел. 476-49-13, Аня, Миша.

Семья аспиранта без детей снимет однокомнатную квартиру. Порядок и своевременную оплату гарантируем.
По рабочим дням звонить с 12.00 до 17.00.
Тел. 180-10-73, Борис.

МЕНЯЮ

3-комнатную квартиру со всеми удобствами в Алма-Ате на одно-, двухкомнатную квартиру в Москве или дом усадебного типа в близком Подмосковье.
Тел. 366-37-24.

Уютную однокомнатную квартиру на 5-м этаже 5-этажного кирпичного дома, без лифта, тихий Центр (Угловой пер., м. «Белорусская» — м. «Новослободская»), на однокомнатную квартиру (можно 1-й этаж) рядом с м. «Беговая» — м. «Полежаевская».
Тел. 941-38-45.

Дачу в районе платформы Ашукинская (Ярославское направление) на дачу по Горьковскому или Казанскому направлению.
Тел. 278-71-85.

КУПЛЮ

Р/телефон «Эриксон» и «Нокиа».
Тел. 495-25-52.

Книги русских футуристов. Дорого.
Тел. 256-34-65.

ВНИМАНИЕ

Выполняю оригинал-макет, верстку журналов, газет, визиток, буклетов.
Тел. 425-70-46, после 19.00, Ира.

Создаю службу знакомств для людей с нарушением опорно-двигательного аппарата. Живу в Подмосковье, в Дмитрове.
Тел. (222) 312-05, Ольга.

Православный Центр солидарности при церкви Святителя Николая Московской епархии предлагает консультации и помощь желающим избавиться от алко-

гольной зависимости (алкоголизма). Работа проводится по системе сербского психиатра В.Худолина с привлечением членов семьи. Конфиденциальность гарантируется. Приглашаются добровольцы для работы операторами семейных клубов трезвости.
Тел. 591-95-81, священник Алексей Бабурин.
Врачи:
Турбина Лидия Григорьевна 257-82-45,
Карпова Марина Николаевна 126-57-01,
Ермошин Андрей Федорович 243-74-93,
Никулин Александр Владимирович 252-32-68.

Инвалид детства просит финансовой помощи для покупки коляски. Благодарю Вас.
Тел. 326-17-40.

Народный целитель международного класса Чистякова проводит индивидуальный курс лечения различных заболеваний: кожных, урологических, гинекологических, дыхательных путей и желудочно-кишечного тракта. Снятие порчи, сглаза.
Тел. 476-90-69, Татьяна, с 16.00 до 22.00.

Центр микроволновой резонансной терапии предлагает эффективное лечение новым методом ДЦП, энурезов, тиков, неврозов, заболеваний суставов, желудочно-кишечного тракта, остеохондроза позвоночника, гинекологических заболеваний.
Тел.: 430-80-72, 430-80-73.
Ежедневно, с 10.00 до 15.00, кроме субботы и воскресенья.

Народный целитель просит оказать помощь в строительстве небольшого детского центра по лечению ДЦП и других тяжелых детских заболеваний.
Адрес: Красноярский край, Шушенский р-н, деревня Казанцево, ул. Ленина, д. 41. Черновой Валентине Анатольевне.
Тел. (8-13) 28-6-60.

28 мая в рамках 5-го Международного фестиваля инвалидов на колясках «Воробьевы горы» состоятся гонки и состязания по слалому. Приглашаем участников на всех видах колясок и азартных болельщиков. Открытие праздника в 10 часов на площади перед главным зданием МГУ.

КАССА

Театр не может начинаться с вешалки — он начинается гораздо раньше, когда будущий зритель задумывается: а где же купить билет? Сегодня ответ прост и однозначен: в кассе. А кассы, как и администраторы, о которых мы скажем позже, бывают разные. Хорошие и плохие. Хапужные и не очень. Центральные и окраинные. Чтобы не завертеться в этом круговороте, не утонуть, не попасть в дурацкую историю или просто, как говорит нынешнее поколение, не «обломаться», нужно сразу определиться с целями и средствами.

Одно дело, если вы безо всякой задней мысли желаете приобщиться к великому искусству и вам совершенно неважно, с какой именно точки разглядывать сценическое действие, — тогда можно удовольствоваться тем, что предложат в любой театральной кассе, — бельэтажем, ярусом или «откидным» партером. Если же у вас планы другого рода — наполеоновские, как-то: явить себя миру в новом костюме от «Pierre Cardin», вывести «в свет» свою очередную пассию и проследить за реакцией окружающих на нее, убедиться еще раз в неувядающей красоте известной актрисы с тем, чтобы потом на всех перекрестках петь ей дифирамбы, наконец, удовлетворить свою навязчивую потребность быть «не хуже других», — тогда удовольствоваться тем малым, что есть, никак нельзя. Нужны первые ряды партера, нужны ложи бенеуара, нужна директорская ложа.

О директорской ложе, кстати го-

Справедливо полагают, что лучшая и, разумеется, самая достойная зрительского внимания часть театра — сцена. Однако сцена принадлежит как «любителям театра», так и его профессионалам. Обсуждение того, что происходит за кулисами, — удел главных режиссеров, критиков и просто театральных сплетников, неизменно проникающих в храмы Мельпомены со служебного входа. Таким образом получается, что единственное театральное пространство, которое предназначено только для зрителей и ни для кого больше, — это, скажем прямо, фойе. Ни на минуту не забывая о том, что фойе в узком смысле — это «зал в театре (кинотеатре, клубе) для пребывания зрителей во время антрактов, перед началом спектакля, сеанса», мы позволим себе небольшое обобщение и дополнительно включим в это понятие кассу и администратора.

воря, спорят много и без толку. В драматических театрах она всегда находится сбоку от сцены, что практически всегда очень неудобно: и слышно плохо, и не видать ничего. С другой стороны, если не видишь ты, зато наверняка видят тебя — создается впечатление, что зал состоит сплошь из Онегиных: все тебя лорнируют, всем ты интересен. На минуту представляешь себя Горбачевым или, к примеру, Сухово-Кобылиным. Театральные критики предпочитают директорской ложе хороший партер — думается, они правильно относятся к жизни.

Впрочем, ложей дирекции распоряжаются администраторы — поговорим лучше о партере. Каждый театр ведет собственную политику. МХАТ им. А.П.Чехова, например, оставляет хороший партер у себя, в то время как «Современник» передает его «на сторону». Но в любом случае не следует надеяться на кассу самого театра — у любого театрального кассира, если он распоряжается слишком большим количеством хороших билетов, рано или поздно возникает желание ими распорядиться «по-хозяйски». А в России же как было бы желание... Обратите лучше внимание на распространителей, которые работают в переходах метро. Это все очень достойные люди, поскольку дерут щадяще: максимальная наценка — на билеты в «Ленком» — составляет от пяти до десяти номиналов, минимальная — театр на Малой Бронной — полтора-два номинала. Сказать, что выходит дорого, значило бы согрешить против истины: и «Ленком», и «Современник», и «Маяковка»,

и «Бронная» — заведения, весьма на родом любимые. Другое дело, что из этих денег театрам не достается ровным счетом ничего, и мечта Марка Анатольевича Захарова, чтобы билет в театр стоил не дешевле бутылки шампанского, применительно к тем деньгам, что «Ленком» получает за билеты, так и остается мечтой.

Большой театр Союза ССР — тема для отдельного разговора. Этот монстр так тщательно блюдет репутацию «самого главного театра страны», так старательно создает ажиотаж вокруг своей обшарпанной персоны, что ставить его в один ряд с влачущими нищенское существование драматическими театрами не имеет никакого смысла.

АДМИНИСТРАТОР

Наверное, не все наши читатели имеют возможность пользоваться услугами всевозможных администраторов. Тем интереснее им будет узнать, как ими пользуются другие.

Как уже было замечено выше, администраторы бывают двух типов — хорошие и плохие. Причем тот администратор, который хорош с точки зрения зрителя, может быть весьма и весьма не любим дирекцией театра — за излишнюю доверчивость и переходящую все возможные границы доброту. Как бы там ни было, перед любым администратором в начале его карьеры открываются две возможности — либо выполнять исключительно свои прямые обязанности, то есть выписывать контрамарки по заявкам служащих театра, либо подойти к работе творчески и оказывать маленькие, но приятные услуги милым и хорошим людям, которые по каким-либо причинам не смогли или не пожелали купить билет. Слава Богу, большинство администраторов московских театров избрали второй путь: они предпочитают скорее сказать «да», чем «нет». Естественно, узок круг тех людей, которые могут, в принципе, пользоваться услугами администраторов, но он все же гораздо шире, чем можно было бы предположить.

Нельзя оскорбить администратора больше, чем если предложить ему деньги. Имеются в виду, разумеется, не взятки — это просто невозможно. Речь идет о том, что ни в коем случае нельзя просить у администратора билет. «Билеты — в кассе, — ответит он вам. — Я же работаю за спасибо, и цель моя — интеллектуальное сотрудничество». Не обижайте администраторов.

...И не пытайтесь их обмануть. Не надо приходить, положим, к Галине Андреевне и говорить, что вы «от

Александра Анатольевича». Галина Андреевна знает наперечет всех, кто может прийти «от Александра Анатольевича». Тем более, что в любой момент может войти сам А.А., и тогда вы будете совсем уж посрамлены. Не надо приходить на премьеру «Адского сада» в «Современник» и кричать, что вы из НИИ искусствознания и вообще киновед, — не поможет. Не надо предъявлять студенческий билет: «Да я из «нефти и газа имени Губкина» и требовать бесплатный входной — не дадут. Не пытайтесь доказать, что вы знаете Виктюка «еще со Львова» — что с того, если знаете? В общем, будьте честны с администраторами — и они отплатят вам звонким партером. Если, повторюсь, вы того заслуживаете — по социальному или культурному статусу.

БУФЕТ

Театральные буфеты всегда считались дорогими. Теперь дорогими их можно назвать разве что в сравнении с ценами на театральные билеты: 50 граммов поддельного «Наполеона» иногда стоят в два раза дороже билета в партер. Народ, конечно, и бутерброд кушает, и коньячком его запивает, но чувство неловкости остается: театры жалуются на катастрофическую нехватку средств, артисты чуть ли не с сумой бредут по пустынным киностудиям, а тут, можно сказать, пиршество. Странно, правда, что чувства неловкости не возникает у театрального руководства: главрежи и директора театров упорно не поднимают цены на билеты. Впрочем, этому есть достаточно разумное объяснение — боязнь потерять «среднего» зрителя, не богатого, но и не бедного, того, на котором, собственно, и держатся московские театры.

Однако опыт театра «Школа современной пьесы», МХАТа им. А.П.Чехова, театра Антона Чехова и в первую очередь «Сатирикона» показывает, что потенциальный зритель готов выложить за добротное зрелище и пять, и десять, и пятнадцать тысяч рублей. Еще одно тому подтверждение — спектакль «Башмачкин» частной антрепризы «БОГИС»: билеты стоят три тысячи рублей, но свободных мест в зале не бывает. Три тысячи по меркам стационарных театров — это много. Тем более что «Башмачкин» совершенно не рассчитан на широкую аудиторию: во-первых, отнюдь не каждый знает о существовании замечательного актера Александра Феклистова, а во-вторых, московская публика никогда особенно не жаловала моноспектакли. Тем не менее «Башмачкин» получился «кассовым».

ФОЙЕ

По фойе принято прогуливаться. В московских театрах больших фойе нет, поэтому зрители стараются поскорее проникнуть в зал: «чтоб особенно не светиться» — объяснение такое. В фойе продают программки, причем что интересно — продают либо молодые девушки, либо убеленные сединами дамы. Особ среднего возраста не бывает — не тянет их продавать программки. Одним из самых больших ЧП в любом театре считается неправильно данная информация о составе исполнителей. Людей искушенных, конечно, не проведешь — Людмилу Макакову от Юлии Рутберг они отличить могут. Но не только же искушенные люди посещают театры: обидно, если зритель, наблюдавший на сцене Елену Яковлеву, всю дальнейшую жизнь проведет в уверенности, что видел Марину Неелову, и наоборот.

Интересно рассматривать фойе после окончания спектакля: юноши и девушки решают, к кому ехать на ночь, люди постарше ругаются на гардеробщиц, которые работают «как сонные тетери», маститые искусствоведы кучкуются с маститыми критикессами, а знаменитости картинно шествуют в администраторский гардероб.

...Людям свойственно хотя бы в мечтах приближать себя к «великим мира сего», поэтому «рядовые зрители», полагающие, что «звезды» действительно вертятся там — в поднебесье, никогда не скажут: «А Неелова неплохо сегодня играла», но всегда: «А Мариша-то нынче была неплохо». Им не нравится, когда говорят: «У Ольги Яковлевой красивые голубые глаза», им любо — «А у Ольгушки-то глазищи какие!». Смотреть на них — тошно, слушать — противно. Ну да что ж... На каждый роток не накинешь платок.

ЗАЛ

Тяжело писать о зале. В связи с общим упадком нравов в стране зал позволяет себе вещи, которые раньше и в страшном сне привидеться не могли. Зал смеется, когда нужно плакать. Зал аплодирует, когда должно не отрываясь следить за тончайшим кружевом актерской игры. Зал может пожадничать и не подарить величайшей актрисе ни единого цветочка. Зал настолько спешит домой, что готов отпустить актеров сразу, как только опустится занавес. Но это мелочи...

Главное — зал полон, а театр, следовательно, жив.

Эдуард ДОРОЖКИН

ЕВРОПА НА МЯСНИЦКОЙ

Время идет, жизнь меняется. В какую сторону, однозначно сказать трудно — это у всех по-разному. И тем не менее, кто бы что ни говорил, а в магазинах теперь можно купить практически все — были бы только деньги; по московским улицам вовсю снуют дорогие даже для преуспевающих американцев машины, а все наши учреждения, и государственные, и тем более, частные, начали активно заниматься обстановкой и украшением своих помещений.

Это и понятно. Офис — лицо любой фирмы или организации. А то, что необходимо «сохранять лицо» в любых обстоятельствах, поняли в России уже повсеместно. Но, для того чтобы это лицо сохранять, его надо для начала создать. Занятие это хоть и приятное, но весьма хлопотное. Тем более что фирм, фирмочек и фирмушек, торгующих сегодня офисной мебелью, сколько угодно, выбирать можно. Однако же работают они все по-разному, имеют различные принципы, наличие или отсутствие опыта.

Фирма «Проекс» существует на российском рынке уже несколько лет. В последние два года в сферу ее деятельности входят и поставки офисной мебели.

Отличительной особенностью «Проекса» является то, что фирма ра-

ботает без посредников, напрямую связываясь с заводами-изготовителями в Польше и Германии. Мебель находится на складах в центре Москвы, так что любой заказ выполняется немедленно почти полностью, а если возникает необходимость доставить что-либо из-за границы, то на это уходит максимум две недели — срок крайне малый. Кроме всего прочего, фирма «Проекс» контролирует все этапы транспортировки: доставку, отгрузку и разгрузку мебели, так что неприятные «сюрпризы», которые зачастую случаются в дороге, здесь просто исключены.

Одним из главных критериев работы фирмы является ориентация на любого заказчика. Солидная и богатая организация может позволить себе купить в «Проексе» и соответствующую мебель, начинающие бизнесмены могут подобрать недорогую обстановку для своего офиса, но, тем не менее, отвечающую европейским стандартам. Стоит перечислить лишь нескольких клиентов, пользующихся услугами «Проекса»: Моссовет, Московский метрополитен, театр «Современник», компания «Гермес-финанс», российско-британское предприятие «Comstar».

Привлекательно еще и то, что кроме набора стандартных услуг, вклю-

чающих в себя доставку и сборку мебели, работу дизайнеров, системы скидок, работники фирмы всегда ищут индивидуальный подход к каждому клиенту, не навязывая, например, комплекты целиком, а позволяя заказчику самостоятельно выбирать различные предметы из разных гарнитуров.

Не так давно на Мясницкой, 15, фирма «Проекс» совместно с фирмой «Спорт» открыли собственный магазин «Бетти», в котором можно купить стильную женскую и мужскую одежду таких знаменитых европейских фирм, как «Vera mont», «Cil Bret», «Betty Barclay», «Rene Lezard».

Так что одеться там с ног до головы, как кинозвезда, можно запросто, да еще и драгоценностей заодно прикупить — в магазине открыт ювелирный отдел, где представлена продукция лучших заводов России и СНГ. А уж дизайн и отделка этого двухэтажного салона-магазина такая, что даже если там ничего и не покупать, а просто походить и посмотреть, то все равно приятно и, опять же, кажется, что в Европе побывал.

На самом деле весьма радует то, что наконец-то на нашем рынке появились действительно серьезные и солидные фирмы, которые предлагают соотечественникам не ширпотреб третьих стран, выдавая его за последний писк моды, а качественные товары, которые популярны в Европе. А что касается нас — потребителей и покупателей, — что ж, будем стремиться к европейскому стилю жизни, который может обеспечить фирма «Проекс».

Юлия ТРАНКВИЛЦКАЯ

**Контактные телефоны
фирмы «Проекс»:**

921-80-39,
924-41-77,
924-14-47.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

ОФИСНЫЕ ВЫВЕСКИ*широкий выбор исполнения***КАБИНЕТНЫЕ ТАБЛИЧКИ***именные и номерные (металл)***ФАСАДНЫЕ ВЫВЕСКИ****ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ****ИСПОЛЬЗУЮТСЯ ЛУЧШИЕ
ИМПОРТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ****ГАРАНТИЙНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ***Приглашаем**к сотрудничеству**рекламные агентства*

Тел. 289-97-54

**Быть стройным и здоровым
поможет Вам****ГЕРБАЛАЙФ**
— трава жизни.

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Не за горами — купальный сезон! Подумайте о том, как Вы будете выглядеть на пляже.

**Для желающих доставить удовольствие
прекрасному полу — НОВИНКА!
СЕКС-КРЕМЫ!**

У нас Вы также можете приобрести
замечательные **ФИЛЬТРЫ-КУВШИНЫ** для
очистки водопроводной воды дома и на даче.

Маленькое чудо в Вашем доме —
вибрационно-вакуумный **ГИДРОМАССАЖЕР**.
15 секунд — и он подключен к Вашему душу!

**БЛАГОДАРИА ПРЯМЫМ ПОСТАВКАМ У НАС САМЫЕ
НИЗКИЕ ЦЕНЫ!**

**Тел./факс: 245-40-72, 245-59-56,
с 10.00 до 18.00.**

ОТДЫХ И ЗДОРОВЬЕ В САЛТЫКОВКЕ**Санаторий-профилакторий «Дружба»**

предоставляет возможность **НЕДОРОГО** приобрести путевки
для отдыха и лечения
как отдельным отдыхающим, так и организациям
на 12 и 24 дня.

Санаторий-профилакторий «Дружба»

располагает большим арсеналом современного
физиотерапевтического лечения:
водолечение, грязелечение, ингаляций, электросветолечение,
лазерная терапия, квантовая аутогемотерапия, иглорефлексотерапия,
фитотерапия, массаж и др.

Лечение проводят опытные врачи и медицинский персонал, проживание в 1—2-местных номерах. В санатории-профилактории «Дружба» имеются: зимний сад, кинозал, бассейн, сауны, зал эмоциональной разгрузки, библиотека, бильярдная.

По всем вопросам обращаться по адресу:

143970, пос. Салтыковка-1, Вишняковское шоссе, д. 135, профилакторий «Дружба».

Проезд: от станции метро «Измайловский парк» автобусами №№ 322, 336, 337, 385 до остановки «Горсовет» и далее автобусом № 22 до остановки «Профилакторий «Дружба».

С Курского вокзала: ст. Никольское Горьковской ж. д., далее авт. № 22 до ост. «Профилакторий Дружба».

Телефоны для справок: 521-76-88, 524-94-43, 521-01-94.

Юлия фон Кизин
ДЕТСТВО
ДЬЯВОЛА
Roman

Москва
Obscuri viri
1994

ЦВЕТЫ БЕЗ ЗАПАХА

Юлия фон Кизин
«Детство дьявола»
Изд. Obscuri viri

«Она не выносила запаха пионов. Отец утверждал, что пионы не имеют запаха» (конец цитаты). Прозаические упражнения художницы Юлии Кисиной, долгое время выбравшей место жительства между Киевом—Москвой—Ленинградом и остановившейся все-таки на Мюнхене (отсюда, по-видимому, и неблагозвучное «фон Кизин»), хороши, как пионы без запаха. В этих цветочках еще живет генетическая память о том, как в былые времена где-то там дышали почва и судьба, однако сами они выращены суперсовременным методом — на гидропонике. Что само по себе и не ново: милые инфантильно-инфернальные бури в стакане воды обожали многие очаровательные женщины-писательницы, которые как-то фатально никогда не становятся писателями. И слава Богу — пусть торжествует вечная женственность и в таком грубом деле, как сложение предложений из слов и выдумывание сюжетов из головы. Ах, как хорошо взрослым тетям вспоминаются сумрачно-ироничный германский мистицизм и сливочное обаяние английской литературы, с упоением читанные зимними вечерами после школьных

домашних заданий. По себе знаю. Ах, как хочется вечно оставаться в этом уютном интеллигентном детстве — чтобы быть и enfant terrible и инфантой одновременно. И этим вызывать к себе неослабевающий интерес взрослых. Хотят этого многие — достигают единицы. У Кисиной пока получается — ее книжки даже переводят на романтический немецкий язык. И это, естественно, радует. Радует также, что есть издательство, которое так замечательно качественно издает это милое, чуть старомодное рукоделие штучными тиражами для тех, кто понимает: цветы без запаха — тоже цветы.

НА ХАЛЯВУ

«Тараканьи бега»
Одесская киностудия,
реж. Р.Гай

Вообще говоря, кино-круиз и кино-халява не являются изобретением нынешнего времени: к этому светлому идеалу приближались картины советских немеклатурных режиссеров, получавших от Госкино возможность снимать что угодно, где угодно и за какие угодно деньги, лишь бы от зрелища шибало идейностью. Перестройка лишь демократизовала этот процесс: то, что раньше было дозволено только Юпитеру, теперь стало разрешено каждой свинье независимо от того, валялась она рядом с киноаппаратом или нет. Творческий процесс выглядит примерно так: в газетах печатается объявление о продаже билетов на морское путешествие, допустим, по Средиземному морю в компании с известными актерами такими-то. Присовокупляется, что во время круиза будет снят полнометражный художественный фильм, а каждый, кто заплатит указанную сумму, сможет попасть на пленку и увидеть себя на экране. На разницу в сотню-другую тысячу долларов между ценой круиза без кино и артистов и круизом с кино и с артистами снимается фильм. Сюжет не требуется, поскольку путешествие само по себе

имеет начало, середину и конец. Не требуется вообще ничего, кроме таинственного таланта быть бездарью. Говорят, что гений несет в себе тайну. Но еще более загадочна бездарность, особенно полная, поскольку природа ее, в отличие от природы гениальности, совершенно непонятна: можно допустить, что страницы «Ада» продиктованы Данте божественной Музой, однако вообразить себе, что властелин преисподней способен спроецировать в чью-то голову фильмы наподобие тех, что нынче снимаются на разных независимых от рубля и от искусства студиях, — значит ни в грош не ставить г-на Люцифера. Вместе с тем нельзя представить, чтобы и насквозь прокисившие мозги, парализованное воображение, полнейшая бессовестность и беспредельная наглость могли породить то, что можно порой увидеть в просмотром зале Госкино, где показывают практически всю кинопродукцию, получающую регистрационные удостоверения. Вонючий уенок бездарнейшего постановщика последнего года по справедливости должен быть вручен Роману Гаю, при сценарном соучастии Элины Ерофеевой, наснимавшему на белом пароходе во время рейса Одесса—Стамбул полтора километра «Тараканьи бега» с участием Дмитрием Харатьяном, Львом Светиной, Виктором Авиловым, кучи привозных девок и десятка вшивых анекдотов.

Виктор МАТИЗЕН

ДВЕРЬ ИЗ ЛОНДОНА В МОСКВУ

Выставка
«Москва—Гринвич»
ЦДХ

В свое время в Лондоне прошла выставка российских графиков, приглашенных в Англию Ассоциацией «Гринвич Принтмейкерс», которую приветствовал сам президент Королевской академии искусств сэр Роджер де Грей. Называлась экспозиция «Открытая дверь», но пройти через нее обратно — в Россию —

англичанам удалось только через три года. Инфляция, возросшая плата за аренду выставочных залов, таможенные пошлины, путчи опять же — чего объяснять, чай тут живем, а не на Гринвичском меридиане. Но все-таки художники нашли дорогу, и в ЦДХ открылась ответная экспозиция 39 англичан и 8 московских графиков и живописцев. Титулованных особ на вернисаже не наблюдалось, но, тем не менее, посмотреть было (и пока есть) на что. Оставлю в стороне вопрос техники и профессионализма — в этом мастера пера, угля и сухой иглы как раз едины, а вот подход к жизни полностью доказывает тезис «бытие определяет сознание». Жители туманного Альбиона тяготеют к камерности и созерцательности, время их течет медленно и неспешно, из окна дома-крепости видны прекрасные пейзажи и цветы. Наш законный пейзаж напоминать не буду, а то еще побьют — но некое отражение в работах москвичей он имеет (ведь жить в мире и быть свободным от него, как известно, не получается), а потому их работы полны страстей и экспрессии. Часто, как у Владимира Иовика, в них присутствуют тоска и одиночество, другие, подобно Инне Энтиной, ищут аналогий в библейских сюжетах или, как Николай Комаров, забываются в сновидениях. У нас с англичанами разные сны и разное бодрствование, нам есть что обсудить друг с другом, благо язык искусства универсален.

M.K.

Адам Маршалл. Аллея

УЖИНАТЬ НАДО ДЕТАЛЬНО

«Ужин»
МХАТ им. А.П.Чехова,
реж. А.Смирнов

Странная болезнь поразила наших именитых кинематографистов. Сначала Сергей Соловьев загорелся идеей поставить «всего Чехова» и выдал на-гора три спектакля. Теперь вот Андрей Смирнов продемонстрировал «Ужин» (по пьесе Жан-Клода Брисвиля) в чеховском МХАТе. Впрочем, «продемонстрировал» — слово неточное, вернее было бы сказать — «выставил», как выставляют — по разным поводам — бутылку водки. Тем более что эффект «Ужин» производит именно пьянящий, дурманящий. Спектакль получился добротный, крепкий. Это тем более приятно, что предыдущий опыт подобного рода постановки — «Возможная встреча» (режиссер В.Долгачев) — по большому счету провалился. Г-н Долгачев, кажется, как осиновый лист дрожит перед знаменитостями: в прошлом сезоне «пустил под откос» Ефремова со Смоктуновским — летите, голуби, летите, в этом — отпустил в свободное плавание «за зеркалом» Галину Вишневскую. Андрей Смирнов за годы работы в кино со «звездами», видимо, свыкся. «У актеров (Табакова и Джигарханяна. — ЭД) огромный опыт, который я чаще принимаю, но иногда и не соглашаюсь...» — заявил он в интервью «Общей газете». Два сильных человека — Талейран (Олег Табаков) и Фуше (Армен Джигарханян) — решили поужинать, а заодно решить судьбу Франции: монархия или республика, мир или война. Оба предатели, оба — подлецы и клятвопреступники, оба — взяточники, оба — развратники. Друг о друге знают все. И будущее Франции им — в общих чертах — уже известно. Надо только договориться о деталях. Договариваются — на деталях спектакль и держится.

Эдуард ДОРОЖКИН

ВЕЛИЧИЕ БОДЯГИ

Презентация пластинки
«Охота на самку человека»
Музыкальный клуб
«Не Бей Копытом»

Можно, в общем, и не продолжать: самим анонсом многое сказано. Особенно для фэнов группы «Бахыт Компот». Для простого же люда могу пояснить, как надобно себя вести на таком мероприятии. Нужно надеть темные очки и загодя несколько дней не бриться. Прихватить с собой в зал пару банок пива или быть слегка под банкой заранее. Саму пластинку в конце концов покупать не обязательно. Послушать же, безусловно, интересно, поскольку лидер группы — знаменитый Вадим Степанцов, Великий Магистр Ордена Куртуазных Маньеристов, да и просто человек талантливый. В свое время прихотливый росток куртуазного маньеризма, с ироническим изяществом изысканно паразитирующий на поэтике мадригала и идиллии, вызвал усмешливое внимание в джунглях т.н. Большой Литературы, отшедшей Орденом место на 16-й полосе «ЛГ», согласно нашей кондовой шкале ценностей. Умница же Магистр не завял и, не будучи чуждым культурной экспансии, начал варить «Бахыт Компот» в поисках аудитории, каковая — и немалая — тут же ссыкалась. Наверное, уже треть страны распекает про «пьяную помятую пионервожатую», которой так не повезло или наоборот. Называется это блюдо — припопсованный панк. Определение не столь уж и парадоксальное, как может показаться, ибо творчество «Б.К.» убедительно доказывает, что попса и панк отнюдь не антагонисты, а едва ли не близнецы-братья. Бахыткомпотство предполагает и пародино-жестокий романс, и окровавленную «магомаевщину», и хулиганское эстетство. Юная публика кушает все разом — как компот. А кто не понаивней, может выудить по желанию хоть грушу, хоть вишенку.

Алексей ЕРОХИН

Н.Тенякова
и С.Юрский
в спектакле
«Стулья»

Фото В.Кантора

ВСЕ МЫ ВЫШЛИ

«Стулья»
Театр «Школа
современной пьесы» и
АРТель АРТистов Сергея
Юрского, реж. С.Юрский

Наталья Тенякова и Сергей Юрский — и супруги, и превосходные актеры, и — скажем так — стареющие люди. Для трагифарса Ионеско, где Старик и Старуха пытаются реанимировать свою несуществующую память ценой самообмана (фарс) и самоубийства (трагедия), — годится. Но пригодное не есть ни достаточное, ни даже необходимое: все-таки у Ионеско господствует интеллектуальная конструкция, а отнюдь не «диалектика чувств»; какого бы то ни было психологизма этот автор, безусловно, лишен. Намеки на Канта и Бергсона вкупе с пародированием разных мыслительных и речевых клише для него гораздо важнее самой цельности персонажей. Для Юрского же Ионеско «сродни Гоголю и Чехову»: не надо даже читать слова в программке, предпосланные режиссером просмотру, чтобы понять природу этого «избирательного сродства», где и Гоголь родствен лишь постольку, поскольку «очеховлен» (что случалось на нашей сцене — и часто). Говоря попросту, Юрский желает играть Ионеско так, как если бы текст рассказывал историю о бедных, больных, неудачливых стариках, к потугам которых оправдать свою несостоявшуюся жизнь нельзя отнести иначе как с жалостью. В своем желании Юрский настойчив: его собственный перевод в некоторых местах как бы поправляет автора, сводя на нет его эксцентричные и довольно жестокие языковые курбеты и выпячивая за счет этого «первый», «буквальный» смысл реплик. Результат не то чтобы совсем плачевен, но, в общем, несостоятелен. Если художник попросту хочет, чтоб его пожалели «как человека», то вряд ли стоит расточать свое удивительное мастерство на гнусную публику (а Юрский и Тенякова расточают — смотреть на их графичную пластику и филигранную мимику, вслушиваясь в тонко построенный диалог интересно). Но в целом ощущение неловкости главенствует — оттого, по преимуществу, что Ионеско, прочитанный неподвзятыми глазами, оказывается именно пародистом спектакля, где старики, вместо того чтоб прыгнуть в воду, лезут по лестнице «на небо». Филиппики в адрес «шестидесятничества» навязали в зубах хуже самого «шестидесятничества»: в самом деле, сколько ж можно? Вероятно, можно столько, сколько устами немого Оратора (облик которого у Ионеско призван высмеять велеречивого романтического художника) тебе будут, тексту вопреки, твердить: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели» (кивая, конечно же, на Эфросу). Ни против «Шинели», ни против Чехова, ни против Эфросы, ни вообще против томления хорошо упитанного духа никаких возражений нет. Но уж кто вышел «из шинели», тот вышел: он здесь отсутствует.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Федор ЧЕХАНКОВ: ГЛАВНОЕ — ЧТОБЫ ТЕБЯ ЗВАЛИ

Фото В. Плотникова

Он назначил встречу в Театре Эстрады. Сказал, что сможем поговорить прямо во время съемок передачи «Под знаком Зодиака». Я не удивилась — этот человек лучше многих знает, что на телевидении возможно, а что — нет. Когда-то он начинал свою актерскую карьеру одновременно — и в театре, и на ТВ. Люди старшего поколения любили его Альдемаро в «Учителе танцев», звездном спектакле Театра Советской Армии, которого он играл, танцуя, двадцать лет. Телезрители должны помнить передачу, которая в свое время была одной из самых популярных программ, — «Артлото». Развлекаловки, которой экран нынче перенасыщен, в семидесятые было мало. И все, что касалось эстрады, народ любил пылко и преданно. В те времена далеких телекумиров называли ласково по имени, как-то по-родственному. Вот и Федор Яковлевич Чеханков, который был и остается драматическим актером и сыграл множество ролей в родном для него Театре Армии, для многих телезрителей с тех пор навсегда остался «Федечкой». Но в Театре Эстрады интервью не случилось по техническим причинам. Пришлось переносить встречу в другой театр — Армии.

— Наш вчерашний несостоявшийся разговор и сегодняшняя встреча кажутся мне символическими. Две линии вашей жизни — телевидение и театр — в этих обстоятельствах проступают со всей очевидностью. Правда, после «Артлото» вы надолго исчезли с экрана, много играли в театре, а сейчас наоборот — в театре затишье, а на ТВ вы стали появляться чаще.

— В 70-е я очень много был занят на телевидении, вел популярную передачу, в которую пытались попасть все эстрадные исполнители. Тогда программ было мало, не то что сегодня — только успевай переключать. Но по тем временам появляться в эфире раз в месяц по полтора часа считалось очень часто. Даже была такая политика — кто много мелькает, должен дать дорогу новым лицам. Я не снимался в кино и оправдывал это тем, что, где бы я ни появился, все равно это становилось знаком «Артлото», то есть развлекательного жанра. Потом эта передача ушла, и, поскольку я не работал на телевидении, как Юра Николаев или Саша Масляков, которые знали все механизмы «закрутки» новых программ, у меня был довольно большой и мучительный перерыв. Все сказали: «Пусть телевидение от него отдохнет». А мне было жаль с ним расставаться, потому что это время простоя было как раз самым «моим» временем. Хотя не могу сказать, чтобы телевидение меня научило чему-то новому. Из театра оно меня взяло «готовым».

— На телевидении сейчас обвал безвкусных, пошлых передач. Но когда я вижу вас на экране, даже в таком сомнительном мероприятии, как конкурс красоты...

— Юлечка, вы не спали до двух часов ночи?

— Я же знала, что вы будете его вести. И даже в тех обстоятельствах увидела то чувство меры, которое вам помогло представлять юных конкурсанток без «второго плана». У вас очень естественная и доброжелательная манера, а это теперь такая редкость.

— Самое страшное в интонации ведущего, когда он унижает своим тоном. На этом конкурсе было очень много корреспондентов, тем более что там впервые появились вместе за ручку Алла Борисовна Пугачева и Филипп Киркоров. В антракте Алла зашла за кулисы, где гримировались Филипп и я. Мы с ней давно знакомы, наши биографии начались в одно время — после ее знаменитого «Арлекино» и конкурса «Золотой Орфей». Нет, мы никакие не друзья, но знакомы очень хорошо, называем друг друга «Алла—Федя». И вот она мне говорит: «Федька, что так нудно? Надо понахальней!» Я ответил: «Нахальней будет на других концертах». Я, конечно, не сказал: «Нахальней сделаешь ты». При всей ее талантливости иногда

Пугачева (и другие «отважные» исполнители) позволяет себе оскорбительный тон или такие выходы в зал, когда зрителей хватают за волосы, салятся им на колени. Представьте, один раз в год человек приходит на концерт — достойный человек, с женой. И вдруг разбитная бабенка садится к нему на колени, начинает его трепать по лицу, три волоска последних поднимают. Это трагическая ситуация, просто Чехов! Устраивать зрителю такой стриптиз на глазах двух тысяч людей нехорошо. Но сегодня на эстраде это, увы, побеждает.

Когда она ушла, я подумал: не слишком ли я и в самом деле заунывен и деликатен. Там была масса возможностей этих девочек подколоить и показать, насколько они по-человечески несостоятельны. Но ведь они первый раз вышли на сцену перед объективами телекамер. Каждая, конечно, думает, что сделает карьеру Софи Лорен — ведь им по 15—16 лет, они листают журналы, где написано, что биография красивой женщины начинается именно так, а вовсе не с книжек и библиотек. Увидели, заметили ноги, купальник, раскрутили, вложили — и пошло: Ницца, Монте-Карло, Нью-Йорк, счастливая безмятежная жизнь. Может быть, у кого-то карьера так и начинается. Мне не хотелось этих девчонок «лажать». Такой я вот, и по-другому я не могу. Я же шоумен, представляющий артиста, подготовливающий его выход. После долгих лет дружбы с артистом я имею право сказать о нем все, что считаю нужным. Но я не скажу панибратски ни слова о Кобзоне, Вале Толкуновой или Эдите Станиславовне Пъехе, потому что есть градация. Может быть, самое главное качество в искусстве — это мера.

— Что для вас сейчас работа на ТВ? Компенсация за то, что дела в театре складываются не очень удачно?

— Знаете, артист не может жить без телефонных звонков. Самое страшное, когда не звонят и не приглашают. Дело даже не в деньгах. Ощущение, что тебя забыли, что ты не нужен, — вот самое страшное. Зовут меня на запись передачи «Знак Зодиака» — я знаю, что ничего мне это не прибавит, и больше того, поскольку на телевидении работают очень необязательные люди, порой переживаешь весьма неприятные минуты. Мы, например, договаривались о номере с Олегом Марусевым. Потом позвонила девочка-администратор. Я ей говорю: «Спросите у Олега — нужно с песней или с разговором». Девочка больше не звонит, а значит, я не нужен ни с песней, ни с разговором, и, хотя ничего страшного в этом нет, меня это ранит. И вдруг в день съемки: «Федор Яковлевич, мы вас ждем». Я отвечаю, что не приду, вешаю трубку. Потом думаю — неловко перед Театром Эстрады. Он сыграл в моей судь-

бе очень большую роль. Сегодня многих удачливых артистов не удивляет набранная крупным шрифтом их фамилия. После «Артлото» первые концерты у меня были именно в Театре Эстрады. «Песня, юмор, улыбки» или «Смех, солнцу, вода», а под ними написано: «Артист Театра Советской Армии Федор Чеханков»... Всегда нужно быть благодарным тем людям, которые когда-то тебя заметили и помогли стать тем, кем ты стал. Только поэтому я все-таки оказался «Под знаком Зодиака». Впрочем, Олега Марусева я люблю, это мой коллега давнишний. Ну что же я буду обижаться на эту девочку? Хотя ничего страшного не произошло бы, если меня там не было — на телевидении всегда имеют в виду запас артистов. Если в театре не приходит артист — катастрофа, отменяют спектакль, а там — нет Лещенко, нет Аллегровой — ничего, концерт продолжается.

— Действительно, не будь вас, не сыграли бы в театре 1900-й спектакль «Учитель танцев». Удивительным образом тогда сошлись звезды: история с вашим вводом на роль, которую до этого блистательно играл Зельдин, то, как он «подарил» ее вам, вошла в театральную мифологию. А что происходит у вас сейчас в театре? Боюсь оказаться слишком резкой, но, похоже, в Театре Армии не самые благоприятные времена для его актеров.

— В пьесе Алексея Константиновича Толстого, которую мы ставили, была фраза: «Ох, прогневили Господа мы, братцы. Нам мука — поделом». Что-то случилось, как-то совсем по-иному сошлись звезды над нашим в общем-то хорошим театром, с хорошими традициями и хорошими артистами. Хотя наш театр никогда не был популярно скандален, как «Таганка», «Ленком» или «Современник», но о нем говорили, что здесь бывают хорошие спектакли... Сейчас мы шарахаемся то в одну сторону, то в другую, а свою линию никак не можем найти. Это касается и репертуара, и круга людей, которые собираются вокруг театра. Мы теряем своих людей. Горин Гриша начинал как драматург у нас с пьесы «Забить Герострата». И идея его комической фантазии «Барон Мюнхгаузен» родилась здесь. Наш бывший главный режиссер Ростислав Горяев вызвал его и попросил написать пьесу для Зельдина по «Барону Мюнхгаузену»... Где сегодня Гриша? В дружбе с Марком Захаровым. Галин Саша — его первая, пусть простит, не очень хорошая пьеса «Последнее свидание» была поставлена в нашем театре с Колей Пастуховым. Потом — «Ретро», «Звезды на утреннем небе» уже схватили Малый театр и «Современник». А для нас Галина — нету. Так и с Володиным, и с Друцэ. Нет сейчас вокруг театра талантливых людей, которые бы создавали ауру.

— Отсутствие ролей, репетиций для

актера мучительно. Как вы спасаетесь в этой ситуации?

— Я совершенно не хочу никого в этом винить. Я виню в этом себя. Значит, недостаточно интересен. Очень легко обвинить Хейфеца. Во всех статьях ругают наше Министерство обороны. Но никогда не хвалят за то, что театр вообще еще существует, что-то делает. Ведь у нас даже спектакль Петера Штайна идет!

Конечно, можно еще и развести руками, что я не сделал карьеры в кино: «Какие плохие режиссеры — не заметили!» Если надо — заметят...

— Может быть, просто театр перестает быть нужен людям?

— Когда возникают проекты, вокруг которых собираются хорошие артисты, настоящая постановочная культура, мы и сейчас видим полные залы. Просто театр в прежнем его качестве — некоего радиотеатра — действительно стал не нужен. Сегодня побеждает рынок, но русский театр не может утратить тех качеств, которые отличают его от театра европейского и американского, — духовности и сердечности.

— Есть ли у актера Чеханкова мечта сыграть что-то или на это уже не тратятся душевные силы, потому что ситуация почти безвыходная?

— Я бы не хотел так думать. Пока живешь — живешь надеждой. Единственное, чего я бы хотел, чтобы кто-то решил для меня и на меня поставить спектакль. Ужасно, когда артист сам влезает в постановку. Но что же делать, когда ты понимаешь, что люди работают не на уровне? Когда ставит Петр Фоменко, он выше тебя, и, самое главное, он знает конечную цель. Когда он будет тебя просить лаять собакой, ходить на цыпочках, ты все это должен делать. Иногда и молодому режиссеру нужно позволить поошибаться, помучиться с ним. И Фоменко, и Виктюк когда-то были молодыми и тоже казались кому-то странными и непонятными. Один из режиссеров спросил однажды Веру Николаевну Пашенную (а она была мэтром, ее все боялись): «Вера Николаевна, можно вам сделать замечание?» Она ответила: «Можно, но не нужно». И добавила: «Как жалко, что из жизни ушли те люди, которые могли и должны были делать мне замечания».

— А звезды, с которыми вам приходится сталкиваться, выдерживают требования, которые к ним предъявляет публика?

— Думаю, не всегда. Звезды — это особое качество. Есть люди, которых хочется разглядывать, подглядывать за ними. Слово плохое, но это от ощущения, что в этом человеке есть качества, которых нет в других. И упрямство, и своенравие, и гордость. Сердечный человек, который ко всем расположен, не может быть звездой.

— А разве сердечный артист Андрей Миронов, с которым вы близко

общались, не был звездой?

— Был звездой, потому что он был таким рожден и потому что он умел. Он был искрометен, комедии, музыкален, драматичен, легко импровизировал. Как у балетного человека, например, редко сочетается, чтобы были и прыжок, и шаг, и верчение, и остальные данные. Всегда чего-то не хватает. Но вдруг рождается Катя Максимова, которой природа подарила все. И это в нашем веке больше не повторится... Андрей был именно такой звездой и понимал это. Но врожденная культура и чувство юмора не давали расцвести его «звездности» махровым цветом. Когда у человека нет чувства юмора и он слишком серьезно относится к тому, что его в метро узнали две тети и подошли, а он дал автограф, — это так глупо и противно. Особенно у мужиков. Женщина — куда ни шло, а мужчина, который выпрашивает узнающих взглядов, — это ужасно. Правда, есть и другие поклонники, для которых жизнь их кумира — это все, кроме этого у них ничего нет. Они живут твоей жизнью, каждое упоминание в газете вырезают, подклеивают.

— У вас тоже были такие?

— Были, хорошие, верные, и сегодня такие есть. Сегодня я их в театре не радую, но раньше они даже на гастроли со мной ездили. Знали маму, пока она была жива, на всех премьерах к ней подходили, потом принесли ей три огромных альбома с вырезками буквально с первого упоминания моей фамилии в печати.

— В последнее время им снова было что вырезать и подклеивать. Я имею в виду рецензии на ваш бенефис в «России».

— Да, я его целиком придумал и сделал сам. И горжусь тем, что такое дело провернул. Ведь это же совершенно не репетируется.

— То есть вы работали на импровизации?

— Конечно, заранее придумываешь блоки, но «собираешь» все утром перед концертом, а вечером выходишь один на сцену и три часа с оркестром поешь восемь новых песен. Ты ведешь, ты разговариваешь, и все вроде получается.

— Да на это столько сил нужно!

— Хочется себе доказать, что сил есть, что тебя кто-то ждет.

Самое ужасное, когда ты не нужен. Утро. Репетиций нету. Никто не звонит, можно до часу спать. Встанешь, ничего не хочется делать, небритый, никому не нужный. Но когда встаешь и, хотя сил нет никаких, знаешь, что тебя уже в 11 ждет балет, с которым нужно за полчаса все свести и сделать, а в два тебя ждет оркестр кремлевский, который играет выход президента, знаешь, что специально для тебя пишется аранжировка и композитор звонит, спрашивает тональность, темп, сразу начинаешь се-

бя ощущать профессионалом. И ты не имеешь права сказать: «Ой, не буду, не хочу! Буду дальше лежать и спать!» И чем больше ты загружен, тем удачней ты ведешь концерты, потому что все в тебе просыпается. В понятие профессии артиста входит и то, что настоящий артист не имеет права стареть. Мне часто говорят: «Ой, ты не меняешься!» Конечно, меняюсь, вот волос меньше стало, но облик тот же. Когда я вижу людей через десять лет, и я их не могу узнать — толстые, тяжелые. Это значит — бессонные ночи, жратва, водка, разговоры о неудачах, о тех, кто им помешал. А помешать себе можешь только ты сам.

— У вас есть индивидуальный рецент сохранения творческого тона?

— Очень соблазнительно сказать: строжайшая диета, подтягиваюсь по утрам. Но не буду врать. Я не очень волевой человек. У меня удобная физика. Но, я считаю, что ее во многом определил спектакль «Учитель танцев», который на протяжении двадцати лет требовал, чтобы я занимался. И когда все шло куда угодно, только не на репетицию, я шел в зал, как настоящий балетный человек. На гастролях по вечерам я не мог себе позволить посидеть в номере с ребятами, попить. Это значило заснуть в пять утра, встать в 12, а мне уже в четыре нужно быть в театре. Я разминался в балетном зале, выходил на сцену, «проверял пол», сох, гримировался и за 15 минут до спектакля выходил на сцену. Кстати, всему этому я научился у Владимира Михайловича Зельдина. Он всегда за 15 минут до первого звонка был в костюме, в гриме, пробовал плащ.

...В моем бенефисе должны были участвовать Катя Максимова и Володя Васильев. Все было оговорено, они отменили свои спектакли. Но Володя, который с Римом очень дружит, уехал, потому что ему позвонил Дзеффирелли и пригласил ставить танцы в «Аиде». Но мы придумали ход, и Васильев записал мне звуковое письмо. А перед этим сказал: «Федя, ты пытаешься танцевать — вот и давай, танцуй». И мы с Катей Максимовой должны были в бенефисе танцевать легкое адажио.

Катя меня спрашивает — во сколько репетиция. Артистки эстрадные на репетицию опаздывают, иногда вообще не приходят. Я сказал: «Приходи в час». Она была уже в 12.

И в день бенефиса Катя пришла не к своему выходу, а за полчаса до начала. Появился ее массажист, привел ее в порядок, потом меня. И, действительно, я перестал волноваться. Хотя меня лихорадка била — я не знал, как начать. У меня всегда заранее продумана канва, но самое важное начать. Если я «ухвачу», все дальше само пойдет. С кем бы я ни работал в концерте — с Моргуновой

или с Линой Вовк, — всегда важны первые слова.

— Это относится и к жизни и к творчеству — «удачное начало». Может быть, ваш бенефис, это удачное начало нового витка?

— Я как-то себя зауважал опять. Был период, когда я растерялся и стал чувствовать, что я никому не нужен. И винить некого. Я претензии к себе предъявляю. Вроде молодой — и уже не молодой, социальный — и не социальный, характерный — и не характерный. Однажды я не предложил одну работу серьезную — побоялся натолкнуться на смех: «Ты? Это? Федя, да ты что! Про тебя все говорят — оперетта!» Ну ладно, оперетта-то я оперетта, но я играл и драматические роли. И «Контракт» Мрожека, и Ганю Иволгина в «Идиоте», и в «Боже, храни королеву!» Мозма. И много других работ. И даже оперетту я трактую пародийно, вспоминаю все штампы опереточных простактов, потому что серьезно сегодня это играть невозможно, а только пародийно-уважительно. Я все равно немножечко изображаю этих дурашлепов, которые мелят немислимо милую ерунду.

— Федор Яковлевич, вы говорите только о работе...

— А у меня жизнь только в работе. Я вечером даже не прячу в портплед смокинг, рубашку, потому что все это мне будет нужно завтра. Я считаю, это плохо, но так уж сложилась моя жизнь. Мне нравятся дома, в которых живут большие семьи, рядом дети и бабушки. А у меня этого никогда не было. Бытово я живу неплохо, я не богат, но и не прожигаю на рулетках последнее — мне это не интересно. Я люблю общаться с интересными людьми. Часто, конечно, чувствую себя одиноко, начинаю думать — ради кого, ради чего? Но память-то о человеке остается. Хотя, может быть, надо начать жизнь по-новому. Есть примеры старых людей, которые...

— Ну что вы в самом деле — «старых»!

— Я считаю, сорок лет уже возраст достаточный.

— Так мы же оптимистично решили, что с бенефисом у вас начнется новый период...

— Да-да. (Поет.) «Новый год настает, пожелать хочу вам счастья!». Я готов на каторжную работу. Если бы мне сказали: «Завтра начинаем и не выходя из театра будем работать!» Говорили раньше, что для артиста самое главное — не уставать и не болеть. Сейчас я понимаю — для того чтобы выдержать этот марафон, действительно, больше ничего не надо. Дальше надо уметь работать, уметь распределяться, уметь отдыхать. Но главное — чтобы тебя звали.

ЮЛИЯ ГИРБА

НОВАЯ КНИГА ОТРАЖЕНИЙ

Льву Аннинскому
исполняется шестьдесят лет

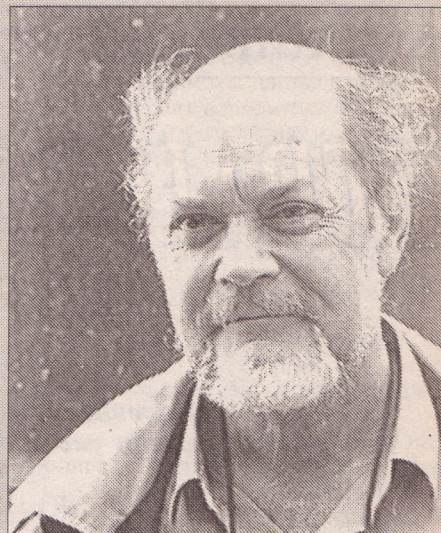

Фото А. Борко

Лев Аннинский

Тэффи писала, что Куприна выдумал Кнут Гамсун в соавторстве с Джеком Лондоном.

Меня выдумал Аннинский.

Я собирался в юбилейной речи стилизоваться под него. Оказалось, специальных усилий не требуется: перечитывая собственные тексты, я легко обнаруживаю в них словечки, интонации и готовые блоки из ранних книг Аннинского. Утешение в том, что этого влияния не избежал никто: вся русская критика последних лет вольно или невольно выпорхнула из широкого рукава его неизменного свитера.

Сегодня любой разговор о ней вызывает даже у говорящих чувство смутного неудобства: тут до культуры никому дела нет, а вы с критикой! Но русская критика шестидесятых—восемидесятых — случай особый. Она заменяла марксистские, а потому не существующие: социологию, политологию, философию и временами экономику. Больше тридцати лет Аннинский анализирует жизнь общества, и образ каждого десятилетия, каким он устоялся в общественном сознании, складывался сначала в его голове. Эволюция доминирующих умонастроений отслежена им. Блестящий аналитик, знаток истории искусства и его технического арсенала, он сроду не замыкался на культуре как таковой: он критик русской жизни и русской мысли, вычитывающий и высматривающий в текстах и фильмах едва уловимые движения воздуха времени. Больше двух десятков книг и несколько тысяч статей. В Штатах бы он давно... — но в Штатах его никогда бы не было.

Все, что он написал, с восторгом читалось отнюдь не специалистами. Специалисты читают в основном себя. Аннинский — не культуртрегер: просто он обо всем пишет ясно. Не путать с простотой: в его бьющейся, рвущейся, ветвящейся мысли есть какое-то почти эротическое напряжение, истинно мужской темперамент, неизменная разговорно-полемиическая интонация. Именно благодаря этому темпераменту и неизменной литературности, изяществу изложения Аннинского читала самая читающая в мире средняя интеллигенция. Инженеры, мэнэсы, литсотрудники, врачи, учителя составляли его аудиторию. Сегодня, когда эту прослойку разорвало надвое (одних наверх поманил бизнес, других на дно утянула нищета), у Аннинского, вероятно, другой читатель. И круг его поклонников, возможно, ограничен профессионалами или читателями-фанатиками, которых всегда мало. Но точ-

ность его диагнозов, чуткость к запахам, к нюансам, страстность мысли — все прежнее. «Каким ты был, таким остался, орел степной, казак лихой». К вопросу о казачах: он оттого всеобъемлющ, что соединил несоединимое и одним этим оказался адекватен своей необъятной Отчизне. Полуеврей-полуказак, филолог и газетчик, теоретик литературы и знаток кино, исследователь и полемист, он потому так нежно произносит словосочетание «русская дурь», что невероятно органичен в России — стране сходящихся и взаимообусловленных крайностей. Другой бы просто НЕ ВМЕСТИЛ.

Моя генерация пишущих людей обязана Аннинскому неоплатно. Мало того, что он перекинул к нам мост от великой традиции русской критики: ряд Белинский — Писарев — Анненский — Аннинский выстраивается сам собой. Он достойно и без натяжек вписывается в традицию русской философской публицистики — экзотического синтеза философии, политики, литературы и кухонного трепа. Но главное — он выработал нам стиль. То есть разрешил субъективность. Собственным опытом, обдирая себе бока и набивая шишки, он доказал: можно писать от первого лица, не прячась за ширму общих мест. Вот я так думаю — и все; ежели я доказателен и показателен даже в своих заблуждениях — имею право. Его били за «ячество» не меньше, чем Евтушенко. Но Аннинский доказал принципиальную возможность пропуска искусства через себя во времена тотального обезличивания.

Он мог бы повторить за Розановым: «Когда я не ем и не сплю — я пишу». Он пишет очень много, а думает вообще все время. Нет издания, которому бы он отказал, и нет лагеря, к которому принадлежал бы. У нас есть левые, правые, постмодернисты и Аннинский. Другую «Книгу отражений», кроме Льва Александровича, сегодня не выгнать бы никто. Исчезни советское искусство — его можно было бы представить и восстановить по отражениям Аннинского. «Главное в культуре — критики, искусство мы сами выдумаем», — сказал один из его последователей. Не шучу — согласен.

Эта горячая, живая, острая критическая проза нас СДЕЛАЛА. И я, между прочим, горжусь, что отчество мое — Львович. В искусстве случайностей не бывает.

Дмитрий БЫКОВ

Лев АННИНСКИЙ

СТРАНСТВИЕ КУЛЬТУРЫ

Из ответов на записки

**Чудовищные перекосы вкусов и пристрастий, конечно же, отражают расслоение общества, но ведь есть в этом, кажется, и чья-то направляющая рука?
«Кто платит, тот и заказывает музыку».**

«**Н**е плоть, а дух растлился в наши дни». Но я думаю, что никто ее целеустремленно не растлеивает. Никто музыку не заказывает. Никакой нет руки и никакого кармана, из которого весь этот развал и раздрай финансировался бы и направлялся.

А идет стихийный процесс САМОРАЗЛОЖЕНИЯ душ. Снизу. Сверху. Сверху донизу. По-русски говоря, идет гульба. Вырвались на волю, сбросили партийный хомут, забыли страх. И пошла силушка вразнос. Царят калифы на час. Да это и так все знают. Корень беды — в состоянии народа. Копящаяся в народе энергия не находит разумного выхода и выворачивается в безадресную агрессию. Неспасающая волна митингов и демонстраций, захлестывающая нашу землю и закручивающая людей в кровавые водовороты, необъяснима с точки зрения здравого смысла, внятных интересов и провозглашаемых программ — тут что-то иррациональное и даже «статистическое». Любые программы при спокойном обсуждении сопрягаются; любые программы доводят людей до иступления, если людям «охота подраться».

При этом защитники законности и Конституции могут оказаться классического типа ноздревыми, узурпаторы же законности и Конституции — классического же типа чичиковыми. Но, приглядевшись к толпе чичиковых (и примкнувших к ним маниловых), видишь под либеральным гримом все тех же ноздревых, а то и собакевичей, только что с электроматюгальниками в руках. И идут с обеих сторон на баррикады неприкаянные души, злобятся не нашедшие себе применения люди... да и просто зевачи... да и просто нормальные молодые люди, желающие пережить «чувство опасности». Под какими знаменами? А какие подвернутся. Лишь бы до оружия дорваться.

— Одна война пропущена! — диагностируют социопсихологи. Та энергия, которая раньше излетала в войну «внешнюю», теперь бьет внутрь, разрывая организм народа, полосая его тело, растлеивая дух. Кто тут «бандит», кто «экстремист», кто «боевик», кто «цепной пес режима»? Все они народ — народ в помрачении. И агрессивная энергия их — это НОРМАЛЬНАЯ энергия, не нашедшая НОРМАЛЬНОГО русла. Никакой «направляющей руки» — руки и ноги мелькают в хаотическом столпотворении; вчерашние коноводы завтра вылетят на обочину. Хаос. Смута. Верх и низ переворачиваются. Первые здесь становятся последними там... Кто был ничем...

Да вот же ирония судьбы: кто был ничем, тот ничем и

останется, сколько бы «всего» ни заграбастал. Становиться «чем-то» надо от корней, от истоков, от начал. От личности. Снизу пошла смута — снизу и уляжется. Вылетит дурь, устанут, опомнятся люди, скажут коноводам: «хватит!» — и политики, орущие с трибун, мгновенно исчезнут, как не было.

И «чудовищные перекосы вкусов и пристрастий» сойдут на нет. Никто не будет ничего запрещать и выкорчевывать. Просто беснование побледнеет, поблекнет, останется сбоку. А культура пойдет дальше.

Я знаю, что будет так, только не знаю, когда.

— Культура тоже дорого обходится человечеству. Вопрос в том, кто все-таки захочет платить... за эту музыку. Или за ту. Государственная поддержка культуры — вечный соблазн русской истории. Вот и сейчас: культура распадается и хиреет без государственной поддержки. Стон стоит: дайте денег библиотекам, театрам, киностудиям, музеям, издательствам, университетам, школам.

Но вместо ответа — встречный вопрос: а где государство возьмет на это средства? Само оно денег не имеет, оно может только забрать у одних и дать другим. Забрать средства у шахтеров, фермеров, совхозных рабочих, буровиков, станкостроителей, хлебопек... и отдать библиотекарям, актерам, журналистам, учителям...

Но если государство (впрочем, «государство» — абстракция; конкретно речь идет о чиновных структурах, о «передаточных механизмах», о правящей и духовной элите, определяющей ближние и дальние цели культуры), если эта централизованная система забирает такую силу (в России — просто сверхчеловеческую силу), какая опасность возникает при этом для культуры, для ее достоинства? О, мы знаем это по опыту. Возникает тотальное единство — целей, ценностей, форм, методов, стилей. Вся культура — в последнем пределе — становится «Песней о Сталине».

В ответ глухо копится протест, и, в конце концов, в последнем же контрпределе, возникает культура безоглядно оппозиционная, диссидентская. То, что в XIX веке называлось: «либеральная жандармерия», а в нашем — «андерграунд». В конце концов, по остервенению низов и одряхлению верхов, «свинья переворачивается на другой бок», «первые здесь» становятся «последними там», представители «андерграунда» пляшут на похоронах «господствующей идеологии» и... все начинается сначала.

Есть выход из этого круга? Есть. Отпустить «распреде-

ление средств» — на места. Не пучком тратить, а — дисперсно. То есть: средства на библиотеку дают читатели библиотеки. Обучение в университете оплачивается студентами. Обучение в школе — школьниками... вернее, конечно, их родителями: теми самыми шахтерами, фермерами и станкостроителями, которые хоть так, хоть эдак, а платят за культуру. Но эдак они получают возможность оплачивать только то, что им по вкусу. «Чейза» и «Королеву бензоколонки»? Увы, так. Не подписались люди на «Новый мир» — и нет «Нового мира».

На кого уповать? Да на него же и уповать: на того человека из российской глубинки, который держит всю эту машину-жизнь на своем горбу. На того СРЕДНЕГО человека, через которого связывается воедино «культура столиц» (высочайшего уровня культура, мировые ценности, сделавшие Россию великой страной) и «бездна низа»: тот неуправляемый, текучий, отчаявшийся «плывун» люмпенизирующейся массы, на котором мы силится возвести фундамент обновленного дома.

Бездна энергии, неприкаянная, неуправляемая, гуляет по России. Войдет ли в культурные створы? Или вывернется очередной раз в ненависть и бешенство разрушения? Это ведь не «добро» и «зло»; добром или злом оно становится только по ходу событий, в результате событий. По природе же это — просто творческая энергия, которая ищет выхода.

Выворот культуры в погром культуры происходит на переосмыслении именно КУЛЬТУРНОГО символа, причем, как правило, самого чистого. Так «интернационализм» на глазах стал ругательством. «Национальное» — рвут на части те и эти. Впору руки отдернуть.

Почему же меркнет у нас интерес к национальным культурам, в том числе и своих, российских братьев? Исчезают соответствующие отделы в журналах, не слышно «инородных» голосов в эфире. На конгрессе интеллигенции Сильва Капутикян с горечью отметила: несколько лет смакуем мы братоубийства, и ни разу не прозвучала армянская песня...

— Интерес не «меркнет», но «национальное» настолько слилось за последние годы в сознании людей с насилием, слепотой и подлостью, что о нем уже просто страшно думать.

«Соответствующие отделы в журналах» восстановить нетрудно, и «инородные голоса» пустить в эфир не долго, но... ЧТО напишут в журналах и ЧТО скажут в эфире на эту тему? Что все нации равны и что надо уважать всякий язык? Это мы и так слышим и читаем каждый день. Но это не помешало национальным идеям перевернуть жизнь людей, столкнуть народы, обречь миллионные массы на жизнь бомжей и беженцев.

Заклинаниями не поможешь. Заклинания звучали и продолжают звучать над этим безумием. Надо понять, почему во всем мире статистически накапливаются сейчас национальные страсти.

Исторические массивы, гигантские спрессованные конгломераты, сверхдержавы, управлявшие огромными скоплениями людей, отходят в прошлое. Люди не хотят больше жить в таких массивах, ибо там раздавлена индивидуальность и стерто лицо отдельного человека. Дело даже не в том, что «не хотят»; они и раньше «не хотели», но подчинялись. Теперь они МОГУТ попробовать жить иначе. Теперь появилась ВОЗМОЖНОСТЬ жить иначе. Вот и пробуют.

Ученые связывают это с наступлением новой технической эры. Информатика вытесняет силовую логику. Двадцатый век, наследуя всем предыдущим векам, единил людей силой. Это кончается. Компьютер внедряется на всех уровнях социальной жизни. Гигантские сверхдержавы не

нужны — по всему миру идет процесс дисперсии, дробления. На глобальном уровне это динамическая однородность (Европейское Сообщество вместо вильсоновско-деголлевской Европы отечеств); на уровне «земли» (земель) это, наоборот, пестрение вариантов, особенностей, своеобычностей. В подножии этой новой системы должны лежать «однородность реакций». Не оттиснутая силовым давлением, как в эпоху империй, а — «естественная однородность». То есть социальная общность, все члены которой изначально говорят «на одном языке». История дробит массивы — до той степени, пока не обеспечится эта однородность. Дом на песке? Скорее, плотина на пути потока.

Мы проходим сейчас стадию дробления. На этой стадии минимально-однородное часто СОВПАДАЕТ с этническим. Многонациональные государства лопаются и распадаются по национальным швам.

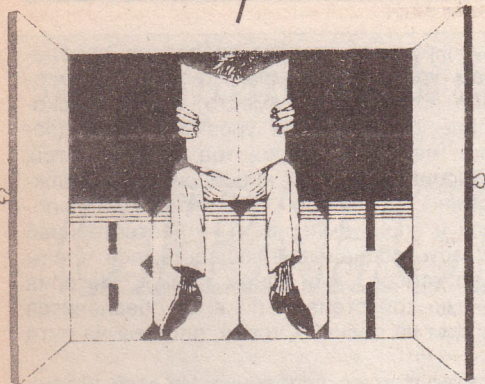
Это не значит, что дробление останавливается на стадии нации: нет, дробится, например, и «русский космос». Сибирь, Дальний Восток хотя бы наособицу, Юг отталкивается от Севера, «регионы» отталкиваются от Москвы. Но в тот момент, когда разукрупнение массивов СОВПАДАЕТ с этнической пропиской, складывается такой «пакет волн», что все остальное как бы перестает существовать. Вוצаряется национальное, безумие этнических чисток, передел границ. Культуры начинают щупать под собой племенные корни. Это, конечно, изрядный иллюзион, потому что никогда и нигде племенное происхождение не определяет кода культуры. Поэтому национальное — лишь псевдоним духовно-практического (как псевдонимом бывало и конфессиональное, и классовое, и любое другое «обличье» человеческой души).

Но раз мы живем во времена НАЦИОНАЛЬНЫХ кодировок, надо это принять как данность и в известной мере как неизбежность. Реальные процессы, которые скрыты за национальными страстями, должны совершиться. Это как в геологии: накопилась энергия — должна выйти. Выйдет — и опомнятся люди. Конечно, это страшно: межнациональные счеты, особенно в пределах еще недавно единого государства. Но откипит кровь, или, как говорил Л.Н.Гумилев, сгорит все, что должно сгореть, — и уцелевшие очнутся.

Даже в самые безумные дни расколов, в 1991 году, у меня не было сомнений, что национальное — псевдоним. Правда, я думал, что туннель, в который мы входим, длинен. На несколько поколений. Такие подвижки сродни если не геологическим, то, во всяком случае, исторически-эпохальным масштабам. Я не ожидал, что похмелье наступит так скоро. Но события в наше время развиваются стремительно. У меня ощущение... совершенно интуитивное, конечно... по каким-то «ускользающим», не всегда объяснимым признакам, — что спад национального безумия близок и пик болезни пройден. Путь человечества вообще тяжок, страшен, трагичен. Но другого пути нет. Что же делать? А то самое и делать, что посоветовала Сильва Капутикян: петь песни. Армянские, русские, эстонские, молдавские, узбекские, сербские...

Ибо сказано: «Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих» (Пс., 118:54).

Целиком подборка ответов на записки «Странствие культуры» будет опубликована в журнале «Музыкальная жизнь».

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Хождение по bookам

Первые радости, гроздь гнева

Не успела интеллигенция обмыслить рождение издательства «Радикс», как двумя великолепными книгами заявил о себе «Индрик». В серии «Научная библиотека студента» вышла пресерьезная работа Арона Гуревича «Исторический синтез и Школа «Анналов» (Февр, Блок, условность базиса и надстройки...), а затем провоцирующий и увлекательный сборник статей Георгия Кнабе «Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима» (за вялым названием скрывается фейерверк тем: рок-музыка и неоклассицизм в архитектуре, Тарковский и Цицерон, диалектика повседневности и энтелехия культуры...)

На презентации в Литмузее поздравляли директора издательства Сергея Григо-

ренко и ответственного редактора серии Дмитрия Бака; добрым словом помянули спонсоров — Джорджа Сороса и Петра Белого...

Но праздник был испорчен в тот же вечер. События приняли оборот неожиданный и неприятный. Увы, в обстановке травли и завистничества вершатся добрые дела; и, как говорил Салтыков-Щедрин, «в деле распространения здравых мыслей без того не обойдется, чтобы кто-нибудь паскудой не обозвал». К сожалению, мы пока не имеем права поведать читателю эту драматическую историю целиком. Не потому, что боимся связываться, а исключительно в интересах дела: хочется, чтобы и книжки выходили, и студенты учились, и чтобы вообще все были здоровы.

Bookнист

А у нас во дворе

Сто лет назад, а может быть, и двести, семь кажущихся несовместимыми представителей советского «андерграунда» (sic! — А.П.) объединились по своей воле в спектакль «Альманах»; плодом любви и странного союза стала книжка «Личное дело №», культовый сборник, покупавшийся для себя, для приятелей и для друзей за границей, но так и не раскуп-

ленный до сих пор, всплывающий глиняной табличкой египетско-вавилонских времен в магазинах 94-го года. Ход времени необратим, свежий ветер перемен быстренько засыпал песком казавшиеся вечными ценности, а подхватившие на сквозняке простуду поэты расторгли случайные связи.

Одержимые археологическим пафосом администра-

торы ЦДХ устроили смотр бойцам-ветеранам; их среди родных осин осталось трое — Кибиров, Коваль, Гандлевский. Привкус анахронизма присутствовал и в самом замысле презентации давно уже изданной и отрецензированной всеми порядочными (и непорядочными) органами книги Тимура Кибирова «Стихи о любви». И хорошо, что поэты читали сто раз читанное: вечер воспоминаний — так вечер воспоминаний!

Время «Альманаха» и аль-

манахов кончилось вместе со временем праздничных заказов и романов о крановщиках в нагрузку к Пастернаку. Селедка — отдельно, шоколад — отдельно. Спасибо ЦДХ за урок, за спиритический сеанс по вызыванию духа 1991; группа «Альманах» навсегда останется в наших сердцах. В зимних шапках и тулупах. Мы смотрим на них, поевшаяся на апрельском ветру.

Александр ПАНОВ

Бам-book

Очень своевременные мысли

В тяжкую годину, когда всяк интеллеktуал тщится раздавить постмодернистскую гадину, когда везде — куда ни плюнь — одне «кашкы да сисякы», серьезные люди Л.Зыбайлов и В.Шапинский в серьезном заведении МГПУ им. В.И.Ленина напечатали пресерьезную книжицу: «Постмодернизм. Учебное пособие».

Можно долго веселиться, представляя колонны дипломированных постмодернистов, истекающие из стен ленинского вуза, но... Впрочем, действительно пора, чтобы того пожелавший мог без большого труда понять, кто — хепенинг, кто — инвайронмент, а кто просто так, на халяву инсталлировать зашел. Необходимость боль-

шого толкового словаря не отменяет оперативно изданных разговорников. Пусть Леви-Стросс истолкован не самым понятным образом, пусть лишь начат разговор о видеоарте, но ведь это только начало!

А во-вторых, вот почему расхотелось хихикати: раз написана книга, раз объект мими- и музеефицирован; значит, он мертв. О живых, движущихся явлениях культуры у нас писать по-прежнему не принято — «ты не в Чикаго, моя дорогая». Зелененькая брошюрка, до сих пор не распроданная кафедрой социологии искусства, — надгробный камушек в научный огород. Дурной тон — смеяться на поминках.

Александр ГАВРИЛОВ

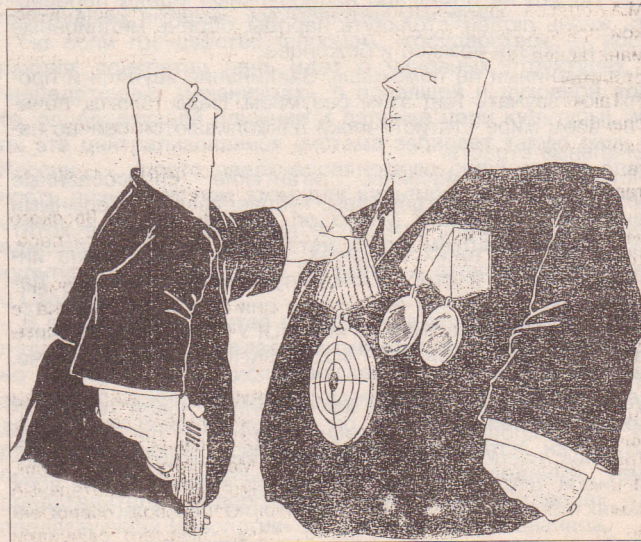

Рис. В. Червякова

Мини-буквину

Надеемся только на крепость book

ИСТОРИЯ ЕГО ГОЛУБЯТНИ.

13 июля — сто лет Исааку Бабелю. В начале июня посвященную ему конференцию проводит РГГУ, а осенью — ИМЛИ. В конце мая в Литературном музее откроется выставка: портреты, письма, рукописи, следственное дело писателя. Поиски рукописей Бабеля, свидетельств об уничтожении которых нет в деле, продолжаются...

«ПТЮЧ» И ВСЕ ТУТ! В конце мая должен выйти первый номер журнала «Птюч» — большого, много, стильно черно-белого.

Главный редактор — Игорь Шулинский, главный по литературе — Олег Дарк; в первом номере обещает книгу Игоря Холина, и сразу же —

первые Холинские чтения; гениям сулят Холинскую премию (много тыщ долларов), самому же лианозовскому классику — стипендию собственного имени.

САМЫЙ ЧИТАЮЩИЙ В МИРЕ КГБ. Начитавшись экспропрированных книг, бывший Комитет решил возратить их законным владельцам (или, по крайней мере, потомкам). С этой целью в читальном зале архива на Кузнецком мосту открыта небольшая выставка; позже она переедет в «историчку», где будет создан специальный фонд книг, ищущих своих хозяев. Комитет их честно ищет, но, увы, далеко не все снабжали свои книги экслибрисами; так что приходится и выяснять.

Переулок последний писк

Перевозу: в Последнем переулке находится штаб-квартира журнала «Апокриф», коего вышел последний номер (в смысле: третий), являющийся, без сомнения, последним писком отечественного журналоделания, который, кроме того, может стать последним вообще, ибо переулок кем-то закуплен на корню.

Номер закрывает тему любви; страниц очень много, слов тоже, как обязательных, так и не очень. Очаровательный Алексей Вульф, соблазнивший всех, о ком Пушкин лишь грезил, по-

стельное несчастье Блоков; триюзмы романтиков («Легче сохранять верность любимице, чем жене»); барковщина и мерло-понтщина; Виан и Хэ Инь Ян; ну и местами блистательный треп текстурально озабоченных редакторов — Махова и Пешкова.

P.S. К печалам первого абзаца добавилась еще одна: в Данию, безвозвратно, отбыл лучший друг «апокрифов» — Вартан Айрапетян, автор великолепной книги «Герменевтические подступы к русскому языку».

Book-парад

«ДУРНО СПИТСЯ В ЛЕТНЕМ РИМЕ». Лучший, быть может, русский «перевод» Италии, сделанный в начале века Павлом Муратовым, вышел сразу в двух солидных издательствах. Но если «Галарт» напечатал лишь первый том «Образов Италии», то «Республика» вогнала в 564 страницы все три тома (пожертвовав при этом замечательным предисловием автора); в первом варианте — иллюстраций больше, но ч/б, во втором — меньше, но цветные; послесловие В.Толмачева («Республика») живое, но краткое, послесловие В.Гращенкова — обстоятельно, придирчиво, полемично; наконец, «Галарт» отдал дань уважения автору, поместив его портрет, и щегольнул роскошным супером; стоить книги, кажется, будут примерно одинаково, так что выбирайте сами.

«РЕСПУБЛИКА» ДАЛА ЗАЛП. Сразу две новые книги в «Библиотеке этической мысли» и одна в «Мыслителях XX века»; чтобы читатель не разорился, пришлось даже попридержать том С.Н.Булгакова. Статьи Андрея Белого впервые вышли столь фундаментально («Символизм как миропонимание»), впервые дан полный текст «Почему я стал символистом...». Тем не менее составителю тома Л.А.Сугай за сортировку статей круто влетело от обозревателя «Сегодня» (уважаемый М.А.Колеров великолепно справляется с ролью филологической принцессы на горошине, а уж какой праздник будет у гуманитариев, когда он что-нибудь похвалит, — страшно предоставить!).

Также впервые в России вышел том работ Бориса Выше-славцева («Этика преображенного Эроса»). «Рахманинов русской философии», юрист и эпикуреец, знакомец Гартмана и Юнга, энтэзосец, он изящно справляется с двумя умами, пытавшимися упростить мир: с Марксом и Фрейдом.

Наконец, уже второй в «Республике» том Николая Лосского («Бог и мировое зло») с очень жестокой, но интересной работой о Достоевском.

На выходе: сборник работ философов века об экономике, книга профессора Тартуского университета Л.Н.Столовича о красоте, добре и истине сразу и «Вселенские соборы» А.В.Карташева.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДЕДУШКИНЫХ КАПИТАЛОВ ПОСВЯЩАЕТСЯ... Порадовав года три читателей своими сборничками, ИНИОН РАН сдал; еще один признак увядания — 50-страничная брошюра М.Л.Гавлина «Меценатство в России». После того как изданы более или менее содержательные книги Бурышкина, Думовой, Боханова, Семеновой, совершенно непонятно появление этого робкого, кишащего ошибками и опечатками реферата; с библиографической точки зрения

— убогого, со стилистической — комичного: «В Кунцеве у мецената часто гостили друзья и знакомые. У него всегда кто-нибудь гостил...».

Не меньше литра слюней выпустила пресса в адрес альбома Павла Примаченко «Русский торгово-промышленный мир» (изд-во «Планета»). Бумага, конечно, белая, и картинок много, но выбор персонажей настолько случаен, а лакуны настолько зияющие, что объяснить сей феномен может только трогательный порыв автора: растолковать «нашим» детям — делать бы жизнь с кого (конечно же, с Морозова).

На фоне этих несколько спекулятивных экзерсисов выгодно смотрится расследование Ю.Орлова «Московский художественный театр. Легенды и факты (опыт хозяйствования) 1898—1917 гг.». (Выпущена изд-вом АРТ на пару с «Московским наблюдателем».) Уникальная фактура, приятный слог, тонкая оценка, обнажающая характеры: сквозит, сквозит в хозяйственной хватке отцов-основателей будущий МХАТ «Театрального романа»...

РАЗНОЕ НЕПРАЗДНОЕ. В той же «Планете» вышла очень толстая и очень смешная книжка Ал. Михайлова «Точка пули в конце. Жизнь Маяковского». Эпиграфом к ней вполне можно было бы взять одну из михайловских сносок: «Здесь автор вносит существенную поправку в свою оценку «Вех», данную в книге «Маяковский», ЖЗЛ, М., 1988»...

В издательстве МГУ напечатан вполне добротный учебник Дм. Сарабьянова «История русского искусства конца XIX — начала XX века». Хладнокровие взгляда и академизм слога говорит о том только, что на значение этого периода никто больше не покушается; удивили же опечатки: например, контаминация имен владельцев знаменитого особняка — из С.П.Рябушинского и А.Н.Рябушинской получился некто «А.Н.Рябушинский»...

Вадим Руднев выпустил наконец в «Прогрессе» удивительно-нейшую книжку «Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель»; издан очередной «Контекст», увы, за 1992 год (главные персонажи: Розанов, Лосев, В.Ширмахер); в «Гнозисе» напечатан роскошный том «Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа» (одно лишь пересечение с трехтомником); замечательнейшую книгу Хенрика Барана издал «Прогресс» — «Поэтика русской литературы начала XX века»; чтоб уж совсем не обижать «Планету», отметим прелюбопытную книгу Вл.Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого» (издавалась единственный раз в 1928 году); художественной литературы в феврале—марте было мало, поздравим со второй книгой Александра Терехова («Прошу простить», изд-во «Глас»); перечислял бы дальше, но слезы душат и перо валится из рук.

Юрий УСТИМЕНКО

В рекламной конторе «Рудер Финн энд Ротман инкорпорейтед», куда я обратился за даровым пропуском для прессы на церемонию вручения «Оскаров», встретили радушно. Приглашение выдали без хлопот и расспросов, а заодно предупредили, что являться нужно загодя и строго блюсти парадную форму одежды.

Предупреждение оказалось нелишним. Разношерстная толпа зевак

особо восторженных фанатов кино караулила машина «скорой медицинской помощи», чтобы вернуть к жизни зашедших в истерику. Создавалось впечатление, что в осаде участвуют еще не признанные, но подающие большие надежды актеры-трагики.

Для журналистов был уготован вход с другого конца здания, подальше от бушующей толпы. Два рослых привратника придирчиво следили за порядком и впускали только обладателей темных костюмов при галстуках и вечерних туалетах. Безжалостно завернули стоявшую передо мной девушку с желтым значком телевидения на скромном летнем платье. Конечно, при жаре в двадцать с лишним градусов мужчина в смокинге, обвешанный фотоаппаратурой, смотрится жалко, но устроители торжества твердо убеждены, что на свидание к «Оскарам» можно приходить только одетым по полной форме.

Премия родилась в 1927 году, когда 36 видных представителей молодого американского кино основали «организацию, не ищущую прибыли и посвятившую себя идеалам повышения художественного и технического мастерства кинематографа». Правом голоса вначале обладали лишь пять человек, а в наши дни — около пяти тысяч членов академии киноискусств.

Два года спустя была проведена первая торжественная церемония и вручены 15 «Оскаров». Сейчас их число достигает 23 в разных категориях: лучший фильм и сценарий года, исполнитель главной роли и лучшая актриса, лучшая песня и музыкальное сопровождение, работа операторов и звукорежиссеров. И это не считая премий, которые присуждаются ветеранам Голливуда, деятелям кино, прославившимся на ниве благотворительности, и трем фирмам за технические достижения.

В этом году лауреатами стали Дебора Карр — за творческие достижения на протяжении всей жизни и Пол Ньюман, обладатель двух «Оскаров», но в этот раз награжденный как создатель фирмы по выпуску соусов и приправ, львиная доля прибыли от продажи которых идет на содержание лечебных заведений и помощь голодающим детям в разных странах мира.

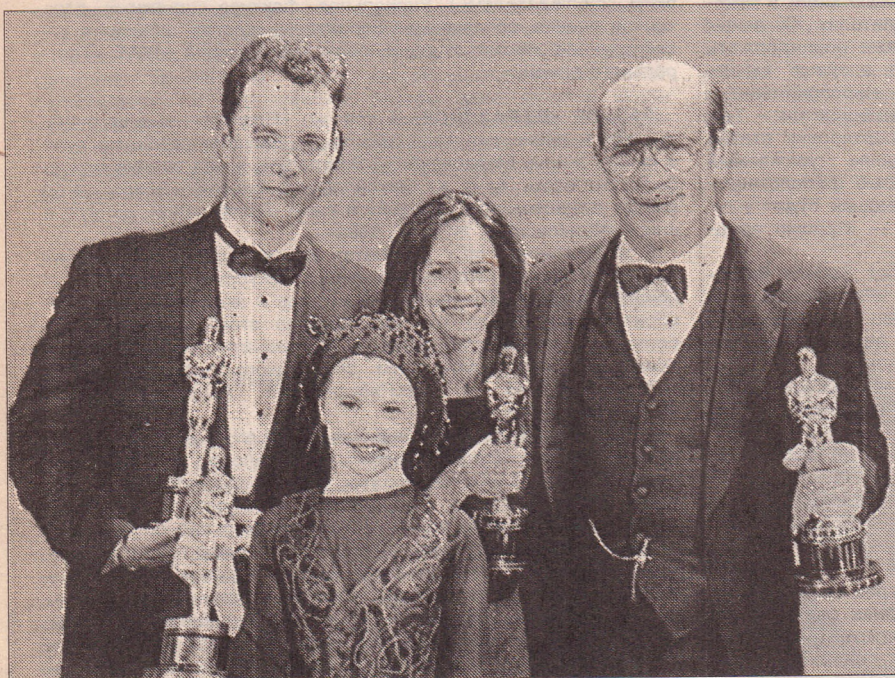
Одно время премии получали хореографы и помощники режиссеров, а сегодня награждают костюмеров и гримеров. Зато сохранили «Оскара» короткометражным игровым и рисованным лентам, которые в прошлом были частью сеанса, а теперь их редко где увидишь — нынешние хозяева кинозалов стараются как можно чаще

В ГОСТЯХ У «ОСКАРА»

**Под
сенью
«золотой
малины»**

стала выстраиваться перед зданием из мрамора и стекла за двое суток. Первыми заняли места вплотную за железными рогатками, установленными полицией, ротозей-ветераны со спальными мешками, раскладными стульями, термосами и бутербродами. К утру были плотно забиты все близлежащие улицы.

Любимых актеров и актрис встречали приветственными криками, заливаясь слезами умиления, а за углом

Герои последней, 66-й церемонии вручения «Оскаров» (слева направо): Том Хэнкс, Анна Пакин, Холли Хантер и Томми Ли Джонс

прокрутить за день один фильм. На «Оскара» может претендовать любая кинолента, которая демонстрировалась в Лос-Анджелесе хотя бы неделю в течение года.

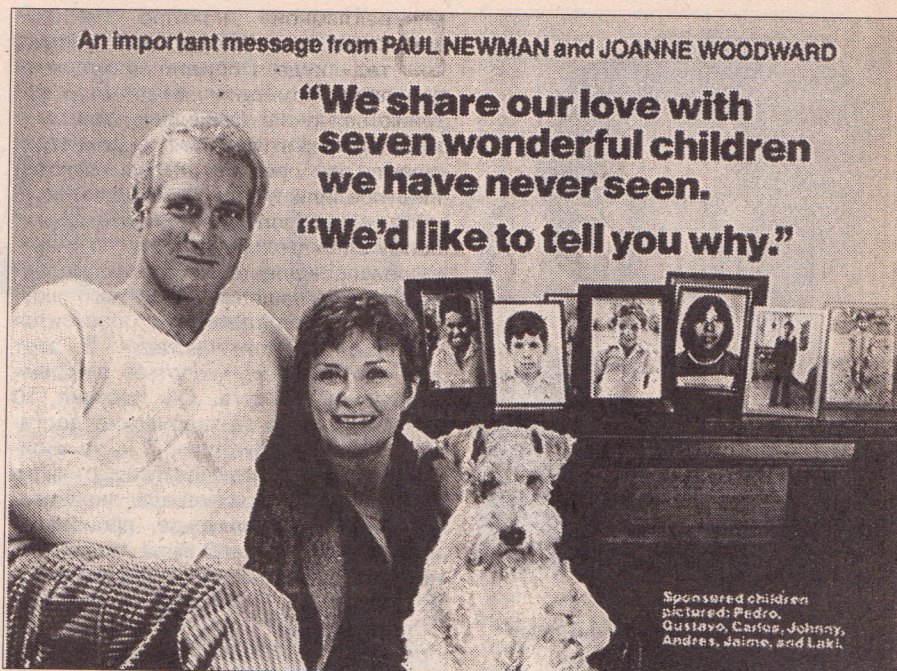
Долгие годы в Голливуде отказывались признать возможность создания хороших фильмов за пределами Соединенных Штатов и лишь с 1947 года начали периодически присуждать награды иностранным кинокартинам. Так продолжалось до 1956 года, когда, наконец, премия стала традиционной. Если на «Оскара» претендуют несколько лент из одной страны, ее министерству культуры или национальной комиссии предлагается выдвинуть одного кандидата. На сегодняшний день наибольшее число премий выпало на долю Франции и Италии — по девять, а среди советских картин награждены документальная лента 1943 года режиссеров Л.Варламова и И.Копалина «Разгром немецких войск под Москвой», «Война и мир», «Москва слезам не верит».

Прошлым летом организаторы изменили правила допуска иностранных фильмов, решив, что место съемок и национальность актеров не имеют значения для представления той или иной страной своего фильма на «Оскара». В результате на соискание премии было выдвинуто три картины из Азии. Но лучшим иностранным фильмом на последней, 66-й церемонии была названа испанская сатира о дофранкистском периоде — «Прекрасная эпоха».

Впрочем, говорить сегодня о «зарубежном» кино затруднительно. Из пяти картин, выдвинутых в этом году на «Оскара», только «Беглец» был «сделан в США». Остальные снимались в Польше, Англии, Ирландии и Новой Зеландии с участием актеров многих национальностей. Голливуд и раньше привлекал талантливых режиссеров, сценаристов и актеров из-за границы, но сегодня подобная практика стала скорее правилом, чем исключением.

Объясняется это, думаю, двумя причинами. Во-первых, съемки фильма в Америке обходятся в среднем в 30 миллионов долларов, а за границей — в три раза дешевле. Во-вторых, в последние годы в Голливуде выпускали слишком много бездумных и безвкусных повторов-ремейков, рассчитанных исключительно на коммерческий успех, и легче было назвать десять худших картин года, чем найти претендента на «Оскара».

В наши дни киноиндустрия приобрела интернациональный характер, но пока еще авторитет и могущество Голливуда неоспоримы. Американские фильмы заполнили экраны за

Благотворительная деятельность одной из легенд Голливуда — Пола Ньюмана — принесла ему третьего «Оскара» в жизни.

На снимке: рекламное объявление «дела» Ньюмана

рубежом, как японская бытовая техника — магазины во всем мире. В минувшем году 88 из 100 самых кассовых фильмов были произведены в США и впервые поступления от экспорта превысили прибыли на североамериканском рынке: из 16 миллиардов долларов общих доходов 8,8 миллиарда, или 55 процентов, принес именно экспорт.

Раньше продажа фильма на экспорт была лишь эпизодом проката, а сейчас становится жизненной необходимостью. Крупнейшие студии рассчитывают в ближайшие десятилетия обеспечить до 70 процентов прибылей за счет проката за рубежом, и президент Американской ассоциации кинематографистов Джек Валенти заявляет, что внешний рынок обеспечит нужды Голливуда в новом тысячелетии.

Спрос на американские развлечения кажется неуголимым, и Голливуд всегда готов улаживать, услаждать и волновать за цену билета в кино. Самыми кассовыми оказались динамичные фильмы: «Парк юрского периода» принес 337 миллионов в Северной Америке и 550 миллионов — за границей, а драмы и комедии, возможно, пострадали в переводе. Высокий заработок, к примеру, Арнольда Шварценеггера, получающего по 15 миллионов долларов за съемки, объясняется успехом его фильмов за границей: «Терминатор-2» принес 205 миллионов в США и вдвое больше — за рубежом.

По окончании съемок соблюдается десятилетиями выработанный ритуал. Для фильмов, на которые затрачены миллионы долларов и возлагаются особые надежды, устраивают пышные премьеры, а все прочие обычно выходят на экраны в четверг. Если в субботу и воскресенье их не придут смотреть толпы людей, через неделю они могут быть изъяты из проката.

Самые серьезные картины, способные претендовать на «Оскар», выпускаются на экраны за несколько дней до Нового года в период продолжительных рождественских каникул, когда американцы в большей степени, чем в иное время года, склонны покинуть дома и расстаться с деньгами. Расчет и на то, что фильм, вышедший к концу года, сохранится в памяти Американской академии киноискусств, которой весной предстоит голосование по премиям.

Члены академии заполняют бюллетени и направляют их почтой в адрес фирмы «Прайс Уотерхаус», которая занимается подсчетом голосов с 1935 года. Результаты анализируются компьютером и известны только оператору компьютера и режиссеру-постановщику церемонии вручения наград. Секрет хранят до того момента, когда один из ведущих просит: «Конверт, пожалуйста», срывает красную печать и оглашает имя победителя.

Награда ценится высоко: как приз-

Блистательный конферанс
Вупи Голдберг на церемонии вручения
«Оскар» — 94 никого не оставил
равнодушным

вание таланта и заслуг, а также как путевка в жизнь большого кино и больших денег. Премия гарантирует новые роли и кассовые сборы. Поэтому за всю историю было всего два случая отказа от «Оскара»: в 1970 году — Джордж Скотт (за главную роль в фильме «Пэттон») и два года спустя — Марлон Брандо (за главную роль в «Крестном отце»). Оба — по личным мотивам.

С годами камерная церемония вручения «Оскар» превратилась в театрализованное представление или, как говорят в Голливуде, в «самое долговечное шоу в истории шоу-бизнеса». Это парад «звезд» и самоутверждение американского кинематографа, реклама и заявка на пальму первенства в мире кино.

С 1953 года церемония транслируется по каналам телекомпании Эй-би-си, и в этом году она привлекла около одного миллиарда зрителей в 98 странах, не считая бедных родственников, которым не довелось увидеть представление в прямом эфире. За 30 секунд рекламного времени телекомпания Эй-би-си запрашивала свыше 600 тысяч долларов.

Церемония откладывалась лишь трижды: в 1938 году во время сильнейшего наводнения в Лос-Анджелесе, в 1968 году, когда поступило известие о гибели одного из лидеров движения за гражданские права негров Мартина Лютера Кинга, и в 1981 году после покушения на жизнь президента Рональда Рейгана.

Такая же участь поджидала, казалось, и участников последней цере-

монии. Накануне, в разгар генеральной репетиции, неожиданно полплыл пол под ногами. Ведущий запнулся на полуслове и тревожно взглянул на ходившие ходуном громадные люстры в зале. В памяти еще свежо землетрясение, два месяца назад основательно встряхнувшее Лос-Анджелес.

Но на этот раз подземный толчок был незначительным даже по местным масштабам, а, как гласит непреложное правило американского шоу-бизнеса, «представление состоится при всех обстоятельствах». В этот раз оно осыпало «золотым дождем» Стивена Спилберга. Он получил 10 «высших наград за творческие достижения в киноиндустрии»: 7 — за «Список Шиндлера», включая лучшую картину года, работу режиссера, экранизовавшего литературное произведение, и трех премий была удостоена приключенческая лента «Парк юрского периода». (Рекордсменом пока остается «Бен Гур», получивший 11 премий в 1959 году, включая приз за лучший фильм.)

Автор киносказок для взрослых, четыре из которых вошли в десятку самых кассовых фильмов мира, снижал, наконец, признание своих коллег. «Это желанный глоток воды после длительной засухи», — заметил Спилберг, держа в руке золоченую статуэтку атлета с мечом. Она досталась ему впервые, хотя его выдвигали на «Оскара» пять раз начиная аж с 1977 года.

Лучшим актером первого плана признан Том Хэнкс за роль адвоката-гомосексуалиста, пораженного СПИДом, в «Филадельфии», лучшей актрисой — Холли Хантер за роль глухонемой в «Фортельяно». На вторых ролях — Томми Ли Джонс в «Беглеце» и 11-летняя Анна Пакин в «Фортельяно», впервые снявшаяся в кино. (Самой молодой актрисой, удостоенной «Оскара», была Тэтэм О'Нил — в возрасте 10 лет в 1973 году за роль в «Бумажной луне».) Брюс Спрингстин получил «Оскара» как автор и исполнитель песни «Улицы Филадельфии» в «Филадельфии». На сегодняшний день наибольшее число «Оскар» — четыре — у непревзойденной Кэтрин Хепберн.

Церемонию вручения «Оскар» называют в Америке самым крупным событием в шоу-бизнесе. Она наводит порядок в индустрии, которая чаще всего напоминает сумасшедший дом, и соединяет прошлое с настоящим. Что ни говори, даже самые крупные «звезды» могут погаснуть, режиссеры — уйти в чистую коммерцию, а операторы — в глубокий запой. Но «Оскар» остаются и открывают новые горизонты перед фильмами, которые без этой награды не стали бы

пользоваться спросом во многих городах Америки и за границей.

На следующий день после церемонии на целую полосу в «Лос-Анджелес таймс» была опубликована реклама, праздновавшая успех «Списка Шиндлера», который обошелся в 30 миллионов долларов (новозеландская лента «Фортельяно», для сравнения, — 8 миллионов). Студия, финансировавшая Спилберга, надеется, что фильм, который пока принес в прокате в США 60 миллионов долларов, даст теперь по меньшей мере сто миллионов.

Правда, специалисты по-разному оценивают возможную прибыль после награждения «Оскаром»: одни говорят о миллионах, а другие называют более скромные цифры. Но все соглашались в том, что после выхода фильма на видеокассетах доходы начинают резко расти. Сегодня прибыли кинематографа от продажи видеокассет превышают два миллиарда долларов в год и стали одним из самых крупных финансовых источников.

По признанию голливудских продюсеров, с которыми довелось беседовать, предугадать реакцию зрителей на новый кинофильм практически невозможно, поскольку от задумки картины до ее выхода на экран проходит не менее года. Конечно, помогает реклама, но успеха это не гарантирует. Нельзя и отождествлять мнение кинокритиков с запросами и вкусами публики. Лента, которую превозносят киноведа, может потерпеть полное фиаско в прокате, а картина, разнесенная критикой в пух и прах, приносит десятки, а то и сотни миллионов долларов.

За день до вручения «Оскар» группа кинопрофессионалов, критиков, журналистов и любителей кино из 30 американских штатов и 6 стран мира объявила лауреатов «золотой малины» — традиционной премии за наилучшие показатели в кино. Худшим фильмом года назвали «Непристойное предложение» с Робертом Редфордом (также худший сценарий). В третий раз Мадонна признана худшей актрисой, теперь уже в фильме «Улики налицо», а худшим актером — любимец американской публики, неотразимый Барт Рейнольдс.

Фото из зарубежной прессы

Дмитрий БЫКОВ

УЛИТКА НА СТРЕМЕ

Памяти Розанова

Я знал людей, тяготившихся своим домом.

Для них были обременительны родственные и дружеские связи. Всякий роман, тянувшийся дольше года, выглядел угрозой их независимости. Они незамедлительно рвали с любим, кто на эту независимость посягал, даже если приходилось резать по живому. Они считали себя свободными.

Минимум вещей, бродяжья кочевая жизнь. «Мы — бродяги», — говорили они о себе не без гордости. Маниакальная, самоцельная свобода, подчеркнутое отсутствие привязок и обязательств. Верить их обещаниям было бесполезно, рассчитывать на возвращение долгов — тем более.

Привязанности — разве что на уровне литературных вкусов. Да и те часто менялись: по мнению таких людей, на свете нет ничего абсолютного.

Я терпеть не могу таких людей.

Вся советская история, все действия советской власти сознательно или подсознательно направлялись на то, чтобы разрушить чувство дома.

С самого начала двадцатых годов эйфория переселений, странствий и перемен захлестывает страну. Любимым героем «молодой советской литературы» был переселенец — человек, приехавший покорять пустыню, возводить завод, поднимать целину, менять направление рек. Знаменитый принцип экстерриториальности лежал даже в основе армейской службы: юношу отправляли за пресловутые шестьсот километров от дома. На моей памяти всех москвичей, служивших в Москве и Московской области, раскидывали по стране. Шел 1987 год, сравнительно либе-

ральный, но принцип бездомья, основополагающий для СССР, оказался необычайно живуч. Мне живо помнятся толпы ни в чем не повинных москвичей, гадавших на пересыльных пунктах о будущем месте службы. С насыженных мест выдергивали даже тех, кому осталось служить меньше полугода. Об этой беспрецедентной акции, вызванной бог весть чем, сейчас вспоминать не любят: упоминаний о ней в прессе я не встречал поныне. Мотивы ее темны, как, впрочем, обстоит дело с большинством непредсказуемых поворотов советской военной политики. Полагаю, все это делалось для того, «чтоб служба медом не казалась» — если же видеоизменить этот лозунг сообразно действительности, чтобы хинин показался стрихнином. Если мучаться в родных местах все ж таки легче — надобно отнять и эту последнюю зацепку.

Вообще любимый советский герой — литературный, кинематографический, публицистически-плакатный — живет либо в общежитии, либо в казарме. Его адрес не дом и не улица — его адрес Советский Союз (мы про себя именовали этот опус «песней алиментчика»). В большинстве назидательных молодежных повестей герой прощался с мещанским уютком, хватал любимую — и шашть на комсомольскую стройку! На Дальний Север! Из института — на целинные и залежные земли! Приверженцы собственного дома объявлялись, в зависимости от эпохи, обывателями, мещанами либо предателями пролетарского дела. Место действия — общага и казарма, среда — коллектив. Какая, к черту, семья — вот теперь твоя семья, юноша. Крепкие плечи товарищей, которые живо тебе объяснят, как надо дежурить по комнате и правильно заправлять койку. Ничего своего — все общее. Идя на свидание, положительные герои по очереди надевают единственный галстук. Любая попытка обзавестись собственной утварью расценивается как вращание в чуждый быт.

Родина вела себя правильно. Она претендовала на то, чтобы стать единственным домом. Советский Союз хотел быть адресом. Никаких других отвлекающих сред обитания у гражданина быть не должно.

До известного момента, когда обещание со скрипом и осуждением было разрешено, официальная идеология делала все возможное, чтобы внушить среднему жителю страны ненависть к упорядоченному быту, собственности и стабильности. Вся советская история — хроника грандиозных и бессмысленных перемещений огромных масс. Апофеозом этих переездов стала чудовищная по своей бессмысленной жестокости депортация целых народов, которым навязали вину бог весть перед кем. Безошибочно избирались народы, у которых быт был как раз налажен образцово, а все прочие культуры вытеснялись культом семьи, семейственности. Туристическая романтика шестидесятых годов бралась на вооружение пухленькими комсомольскими вожаками. Комсомольцы-беспокойные сердца потому и беспокойны, что практически не способны усидеть на месте. Словно шило у них кое-где, честное слово. На БАМ! На целину! В невыносимые условия общаги и палаточного городка! Никакого уюта — экстерриториальность как доминанта государственной политики! Тип такого бродяги запечатлел Астафьев в «Царь-рыбе»: отсутствие дома у Гоги Герцева плавно перетекало в отсутствие каких-либо моральных обязательств. Мало кто ненавидит туризм так, как Астафьев, — и, думается, у него на то свои причины.

Гонимые голодом, холодом, угрозами, люди снимались со своих мест. Имущества прихватывали мало — куда с ним, с имуществом... Кочевье стало образом жизни. В такой политике, несомненно, был свой резон. Если вдуматься, она прямо вытекает из ленинского тезиса о том, что личной нравственности нет — есть классовая, а после победы класса — государственная.

Сейчас страна кончилась. Прежде воспринимавшаяся большинством своих жителей в качестве какогоникакого, а все ж дома — сегодня она с этой ролью не справляется. У этого дома поехала крыша. Рухнули стены. Морали больше нет — даже классовой, даже навязанной. Свобода.

Свобода ветра, воющего на пепелище.

А ведь было время, когда мы от души радовались падению морали!

Разумеется, это была мораль подлая. Зачастую бесчеловечная. Но была страна, которую мы худо-бедно воспринимали как свою. А своя страна диктует и свои законы. Может быть, единственным человеком, догадавшимся об опасности, был Фазиль Искандер. В интервью трехлетней давности он с отчаянной тревогой говорил мне: как ни безобразна была Совдепия — она сдерживала энное количество дурных инстинктов и заставляла соотносить себя с законом. Отсутствие закона и впрямь гарантирует свободу — но такая свобода оборачивается прежде всего этическим беспределом. Первым всплывает известно что.

Чувство дома у нас исчезло — семьдесят лет его пытались подменить чувством Родины, теперь и этого хрупкого чувства не осталось. Это уже не наша страна.

Что есть дом?

Теперь Розанов в большой моде — именно потому, что проза его отрывочна, а суждения взаимоисключающие. На каждый тезис находится антитезис, а синтез — мятущаяся и неоднозначная авторская личность — не всем доступна, трудна для осмысления. Именно кажущаяся противоречивость, амбивалентность Розанова, его фрагментарность и предельный субъективизм делают его наиболее актуальным автором. Почти никто не хочет слышать его предсмертного, страстного, мучительного призыва из «Апокалипсиса нашего времени»: строй свой дом, и Бог спасет тебя.

Розанов был самым последовательным русским апологетом домашности, семейственности. Культ семьи пронизывает все его писания. Он жил в тяжкие и, в общем, дурные времена. Для русского Серебряного века едва ли не в большей степени, чем для европейского декаданса, характерен подчеркнутый аморализм. Соотношение этики и эстетики — тема вечная и далеко не сводящаяся к противопоставлению луны и гроша. Но модернизм начал с того, что эстетизировал порок и патологию, а мораль объявил прерогативой мещанинских буржуа. В России все это проделывалось кустарно, на грани кича, — но хаос будущего легко было угадать в том, с какой ненавистью даже самые порядочные люди Серебряного века обрушивались на семью и дом. «Нет! Лучше сгинуть в буре лютой! Уюта — нет. Покоя — нет». Таким образом вторил эпохе Блок, по происхождению и воспитанию — домашний ребенок. Аккуратность его, кстати, стала у современников притчей во языцех: на столе — ничего лишнего, все разложено, все упорядочено. Таким образом он противостоял окружающему хаосу — и сам прекрасно понимал это. Отсюда и самые, пожалуй, страш-

ные строки его дневника: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь (чтобы заглушить его — призывы к порядку семейному и православию)». Блок тоже этот шум слышал — и заглушал его, как мог. Инстинкт здорового и нравственно чистого человека боролся в нем с навязанной ему «свободой» — распад своего союза с женой он воспринимал крайне болезненно, ночные походы по кабакам и темным улицам изматывали его. Он куда лучше чувствовал себя среди дворянского, усадебного быта предков, всю жизнь был болезненно привязан к матери и неохотно менял квартиры. Наследственный культ дома (мать Блока держала «в чужом гнезде» менее года) пронизывает все его творчество — и мучительное противоречие этой здоровой основы и больных, распадающихся времен терзало его, пока не убило.

Блок никогда не чувствовал Россию своим домом: любовь-ненависть к ней — совсем не то чувство, которое испытываешь к родным стенам. Эта любовь-ненависть выше и, если угодно, креативнее; но основой быта Блока была именно привязанность к вещам, любовь к порядку и недопущение в свой мир чужих, разрушительных сил. «Дикий ветер стекла гнет, ставни с петель буйно рвет...» Этот ужас перед диким ветром, детский страх перед чуждым миром лежит в основе блоковского трагического мироощущения. Он знал, что Розанов чувствует и думает сходно, — и любил его за это.

Казалось бы, странно: Розанов — и дом. В философии Розанова как раз нет ничего стабильного, раз навсегда сказанного: сегодня — одно, завтра — другое, печатается то у либералов, то у самых косных ретроградов. Но в том-то и суть, что при всех своих противоречиях философия Розанова неизменно моральна, и в основе ее лежит традиционная русская семейная мораль. Не та мораль, которая сводится к моногамии и трезвому образу жизни, — но та, которая заставляет изнывать и терзаться от любви к своим, страха за своих. Розанов всю жизнь занимался тем, что возводил храм семьи, строил свой «круглый дом», свое гнездо — и при всех своих противоречиях никогда не изменял «домашним» добродетелям: ответственность за близких, страх за них, сентиментальность, милость к падшим, сострадание к человеку.

Этот культ семьи для философа, наиболее адекватного своему распадающемуся времени, — глубоко не случаен. Не случайно и то, что призыв «строить свой дом» прозвучал со всей надрывной силой в то самое время, когда «все сорвалось, все понеслось» — но не «чтоб устояться потом», а чтобы так и носиться, колыхаться, кочевать еще семьдесят лет. Собственный дом, семейная мораль как единственная защита от хаоса —

вот главный принцип Розанова, доминанта его учения, которое и ученим-то назвать нельзя, ибо незабываемый принцип в нем один: обрастание людьми, вещами, связями — уютом.

Утварь. Эллинистическое увлечение собиранием обиходных предметов, налаживанием и укреплением дружеских союзов, обустройством дома и семьи. Это присуще и Мандельштаму, и едва ли не в большей степени Пастернаку, сказавшему Мандельштамам в 1934 году: «Ну вот, квартира есть — можно писать стихи». Мандельштам на это, говорят, взбесился. Потому и взбесился, что квартира с бумажными стенами. Домом называться не могла — или была домом на песках зыбучих. «Не строй жилищ у речных излучин, где бурной жизни слышен шум» — это ранний Блок, все уже понимавший.

Мандельштам чаще остальных современников повторял, что художнику необходимо сознание своей правоты. Отсюда и эллинизм, культ утвари, мечта о семейственности, святость родственных связей. Эти связи — основа ответственности, ответственность — основа морали. Художник невозможен без почвы. А дом и есть единственная, универсальная почва, и семья — гарант ее. Отвечать перед своими и за своих — начало всякой морали. Ответственность перед страной — фикция, подмена.

Вот Набоков — символ и апофеоз одиночества и свободы. Но какая ненависть к бездомности, какая страстная тоска по дому, какой культ собственной семьи — безумная нежность к сыну, посвящение жене всех книг! Именно Набоков сформулировал отношение к дому и Родине, определяющее всю его мораль: у него никаких эмоций не вызывал Уральский хребет или заволжские степи — но он плакал от нежности, едва воздух, запах, пейзаж напоминали ему милую Выру! Стране не дано быть домом, широка страна моя родная для таких функций. Если внимательно читать Набокова, жить в нем, ощущать его эстетику как свою — он литератор насквозь моральный, сам предчувствовавший именно такую оценку в потомстве. Все это потому, что домом Набокова было поместье на станции Сиверской, а не гигантская страна, интересы которой почти всегда расходятся с человечностью. У государства и личности не может быть общей морали — бедный Евгений всегда мечтает о маленьком домике с цветами, о семейственном быте, о жалком своем счастье, а государственные интересы требуют, чтобы все это смыло и смело к чертям собачьим.

А вот в почвенники записывать меня не надо.

Казалось бы, я говорю вещи, вполне естественные в устах наиболее ортодоксальных «правых». Но не тут-то

было. У нас с ними разная Родина. Родина в их представлении — это вся совокупность российских просторств плюс вся наша история, которой я априори обязан гордиться лишь потому, что она — моя. А моя Родина — малая: конкретная улица, конкретный дом и несколько десятков вполне определенных людей, которые мне симпатичны отнюдь не местом своего рождения.

Русская «почвенная» мораль — блатная мораль.

Говорю это со всей ответственностью и берусь доказать. Дело как раз в том, что для блатной и «патриотической» морали характерны почти одинаковые (даже в формулировках) апелляции к «маме-Родине», к народу, к закону. Человек в обоих этих кодексах — ничто. У него нет права ни на частную философию, ни на независимый образ жизни. Все приносится в жертву абстракции. Это роднит блатную мораль, кодекс чести исконно-посконных патриотов и советский патриотизм сталинского образца.

Ценностная установка — одна и та же. Демагогическая, но железно соблюдаемая ради видимости закона. Русская «патриотическая» мораль по преимуществу жертвенна: свои частные желания, намерения и пристрастия истинный русский должен приносить в жертву Идее. А что есть Родина в этой системе ценностей, как не Идея? Она так огромна, что может вместиться в сознание лишь как абстракция. Нельзя же одинаково ощущать родство с Забайкальем, Запорожьем и Заонежьем. Частные добродетели — на десятом месте; на первых девяти — общественное служение.

Уж на что я терпеть не могу морального релятивизма, но еще больше мне противна навязанная нравственность, свод домостроевских добродетелей патриота. Эта тотальная регламентация категорически не по мне — но Россию вечно кидает в крайности, и либо она живет в анархическом мире тотальной необязательности, либо в диктаторском мире тотального принуждения. Опыта частной ответственности, опыта жизни за себя, а не за того парня — у среднего жителя России нет. Приобретать его было некогда. Всё комсомольские стройки, да возведение Магнитки, да общины, да пафос общего дела. Где уж тут о своем-то домике подумать, собственный круг очертить...

Для блатной морали характерна та же самая апологетика Закона, пусть абсурдного, зачастую неисполнимого, но железного и неоспоримого. Часто ее оправдывают тем, что это единственная попытка закона в мире тотального беспредела тюремной администрации; но я уже говорил о русской дихотомии «анархия-диктатура». Ценнейшее свидетельство Шаламова расставляет точки над «и»: все разговоры о благородстве блатных — ли-

па, рассчитанная на читателей романтических «романов». Культ матери, столь распространенный в блатной среде, — чистая фикция, декор, сентиментальность в духе публичного дома. Слышал я и свидетельства о подчеркнутом «патриотизме» блатного мира: многие писали о презрении, с каким блатные относились к «политическим». Они себе казались столпами морали рядом с этими предателями. Дезертиры и «самострельщики» уже в сравнительно недавнее время рассказывали о том, как их «презирали» в тюрьме: ты маме-Родине не послужил! Этот подчеркнутый патриотизм при полной личной аморальности весьма характерен не только для блатного мира (который сегодня, если верить свидетельствам, отказался и от этого антуража, став откровеннее и циничнее), но и для так называемых «патриотов». О какой морали, о какой нравственности, помилуйте, можно говорить применительно к Бабурину, к Проханову, к Баркашову! У них вместо нравственности — патриотизм. Грубейшее и откровеннейшее фарисейство. Мама-Родина. Абстракция. И какой кровью заплатит за это рядовой соотечественник — его проблемы.

Главной задачей советского патриотизма всю жизнь было — выжить из-под ног у частного гражданина его частную почву. Ибо наличие дома, семьи, близких — это как раз наличие собственных, частных стремлений. Долой! Родина должна быть дороже. Этак каждый начнет думать сам за себя. А коммунизм кому строить? Марш!!!

Надобно признать, что беспрецедентная по размаху работа советской идеологической машины, направленная на размытие «частнособственнического» сознания, увенчалась успехом. Это показали последние годы.

Стремная ночь... Только пули свистят по степи...

Да уже и не только по степи. Тут, за окнами. Дикий ветер стекла гнет, ставни с петьель буйно рвет. Стремно, товарищи, стремно.

В этих условиях никакие разговоры о возрождении страны невозможны до тех пор, пока каждый не осознает: возрождение это начнется снизу. С семьи — ячейки общества. Утрата всех ориентиров подтверждается безудержным ростом числа разводов, семейным неблагополучием, охватившим, кажется, всю страну. Семья — лучший лакмус. Распад родственных связей, утрата ответственности перед своими порождает ту самую «отвязанную» свободу, которую мы так долго считали условием нормального творчества. Дудки. Даже мозмовский Стрикленд создал свои шедевры, обретая новую семью и выстроив бамбуковую хижину. Творчество без почвы невозможно, как немислимо оно без сознания своей правоты, но правота эта должна быть частной, а почва — домашней. При-

няв за основу общую почву, тут же примешь общественную нравственность.

А ее нет.

Верней, она есть в каждый отдельный момент времени. Сегодня это — накопительство, а вчера было — строительство, а завтра будет еще какое-нибудь ительство, благо слов с этим суффиксом в русском языке хватает. «Партия — это единственное, что мне не изменит»? О, санкта симплицитас! Да генеральная линия партии петляет, как заячий след. Единственное, что мне не изменит, — это моя частная домашняя почва. И лучший друг, и любимая женщина — если только они не успели уверовать, что свобода принесла им «конец всех ограничений».

Страшное дело: отменив диктатуру, мы автоматически отменили мораль. Потому что никакой морали, кроме общегосударственной, не было. Искоренялась. Нравственно то, что полезно, а полезно каждый раз разное. Вот и крутились, как подсолнух за солнышком. А своей незыблемой почвы — создать не успели.

Розанов цеплялся за дом, за семью, ибо это — единственная стабильность среди хаоса. В блатном, казарменном и «патриотическом» кодексе потому так и ценится землячество, что место рождения для этой системы ценностей есть некая незыблемая, безусловная добродетель, достижение, не требующее никаких усилий. Частным добродетелям тут места нет. Родственные связи уважаются в этой среде куда меньше, тогда как факт рождения на одной территории уже есть нечто объединяющее. Чем больше сотрется личность, чем меньше от нее зависит, — тем лучше. По крайней мере, таким блатной мир увидел Шаламов (по свидетельствам политзаключенных, сидевших уже в восьмидесятые, сегодняшней блатной мир резко эволюционировал в сторону беспредела, вместе со всем обществом: законы поколебались).

Не дай Бог никому знакомства с этими нравами. Но нравы «патриотов» — у всех перед глазами. И решительное предпочтение ценностей общественных — личным бросается в глаза любому непредвзятому наблюдателю.

Здесь и пролегал водораздел между «левыми» и «правыми», демократами и диктаторами. Для последовательного демократа личная правда каждого индивидуума не в пример выше общих великих задач. Для сторонника диктатуры (будь то диктатура теократическая, демократическая или парткратическая) человек ничтожен перед лицом Абсолютной Ценности, не подлежащей сомнению. На всем сойдемся — на этом не помиримся.

Строй свой дом.

Созидай свою систему ценностей, никак не коррелирующую с общест-

венной, независимую от нее. Подкрепляй, подпирай ее симпатией к узкому кругу своих, к тесному товариществу близких. Носи на себе свой дом, как улитка. Нарастивай этот панцирь, неприступный для внешнего мира, и всюду таскай на себе. Обрастай вещами, утварью, привычками, связями. Кутайся в кокон личных пристрастий и

любвей, дружб и надежд. Не соотноси себя ни с чем, кроме дома, семьи, гнезда: с этого начнется созидание общего роя.

Все тащи в гнездо — все сгодится; все пускай в дело: будь хозяином. Окружай себя людьми, предметами, занятиями. Допускай избранных.

Ползи, ползи, улитка, вверх, до са-

мых высот! Ползи через темные, стремные, глухие времена! Неси на себе свой домик — основу миропонимания. Не прельщайся чужим: из собственного тела, из собственной души строй, нарастивай, возводи Храм Дома.

Строй свой дом.
Бог не оставит тебя.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

СОЛИДАРНОСТЬ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Как-то раз собака Гуляш пробегала мимо волка Семена Алексеевича, который сидел на бревне и вяло подбирал на гитаре какое-то старье вроде «Я Хильду-ду-ду», а рядом с озабоченным видом стоял козел Толик.

— Вот он, — сказал козел Толик, — идет, козел.

Гуляш автоматически остановился и, закатив глаза, стал чесать задней ногой затылок, делая вид, что не знает никакой гиены Зои, о давнишней дружбе которой с волком Семеном Алексеевичем его не раз по дружбе предупреждали бабы, жаба Люба и свинья Алла.

Они его предупреждали, чтобы он не брал на себя то, что ему будут приписывать, но он не врубился, о чем речь.

— Ну, как его задействуем? — спросил козел Толик.

Гуляш на мгновение прекратил чесать затылок и тут же по новой кинулся с зубами в паховую область, где чуть было не придушил радикулитного блоху Валерика, который, однако, отполз на руках.

— По системе, — сказал лениво волк Семен Алексеевич.

— Ну ты, волосатик, — позвал козел Толик. — Рой сюда, будет у нас толковище.

Собака Гуляш подошла, кося глазом назад, в сторону отделения, но мл. лейтенант медведь милиционер Володя спал при фуражке, сидя на несгораемом шкафу: со склада поступили бланки свидетельских пока-

заний, и медведь мл. лейтенант Володя запер их в шкаф и сам сел сверху для надежности.

— Ну что, какие предложения, — лихо сказал Гуляш, думая с тоской о гиене Зое, мало того что в субботу-воскресенье не высыпашешься, она еще и повадилась закатывать ночные скандалы с намеками на свое положение.

Какое такое положение, думал собака Гуляш, вот у меня да, положение будь здоров, с одной стороны волк Семен Алексеевич с гитарой, с другой — его дружан и земля козел Толик.

Как ахнут по чайнику, тем более гитарой.

— Какие-какие, на грудь примешь? — строго спросил козел Толик.

— А что, — без энтузиазма поинтересовался собака Гуляш. Он хотел сказать — а что, ребята, случилось.

— Гнилуха, как всегда.

— Ну, — согласился собака Гуляш, наконец догадавшись, о чем речь.

Тут они втроем, как трое друзей, отправились в лес, в ту часть, которая была известна как «акатуйская тайга», а потом они пели около импортной баночки сельди Хильды, а Хильда, как всегда, отвечала отборной руганью на родном языке (ху аю), и трое друзей восхищались (во буровит).

И Гуляшу было так хорошо, как никогда.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—52, 1993 г. и в №№ 1—16, 1994 г.

Сейчас, когда мир, внимательно взглядываясь в Россию, снова пытается понять, что у нее, обновленной, общего и что отличает от тоталитарных государств прошлого, выставка русских художников «Драма или Карнавал?», прошедшая в балтиморском музее изобразительного искусства «Ивергрин Хаус», представляется довольно актуальной.

Критик одной из ведущих американских газет «Балтимор Сан» Джон Дорси сразу откликнулся на русскую выставку большой рецензией. В статье «Русские приходят в город — и показывают себя» он пишет: «Они недооценены, их недостаточно выставляли здесь (на Западе) и на родине. Но некоторые ведущие музеи мира приобрели их работы. Теперь, наконец, они показываются в Балтиморе».

«Они» — это четыре художника: Владимир Немухин, Леонид Ламм, Наталья Нестерова и Николай Филатов. А ситуацию, в которой оказались художники, как и другие их русские коллеги, нельзя определить иначе как драму. На сцене своей жизни, стиснутой идеологическими догмами в течение прошедших десятилетий, они противостояли творческой несвободе и глубокой изоляции советского искусства, оказавшись среди декораций неизменного ландшафта, напоминающего непроницаемый колпак.

Особенно непостижимая безотрадность их мира заключалась в отсутствии слушателей, зрителей или просто сочувствующих. Им приходилось обращаться в пустоту, в никуда. Они повышали ноты своего трагического монолога, чтобы таким образом возбудить отклик или хотя бы злобный окрик возмущения. Но героический пейзаж не имел неба, и титанические усилия все не находили аудитории.

Тогда они прибегли к древней стратегии, превратив свою драму в театр с

ОТ ДРАМЫ К КАРНАВАЛУ

Наталья Нестерова
Трансформация, 1991

удвоенной жестикуляцией и язвительными насмешками, в карнавал хохочущих масок, с наигранной легкостью принуждающих аудиторию смеяться, отчего волей-неволей и возникал, следуя терминологии Михаила Бахтина, «фамильярный контакт между людьми». Отменив, почти директивно, неминуемую дистанцию между собой и внешним миром, они освободили себя и от любого этикета, приземляя высокие образы и допуская в творчестве откровенные пародии на сакральные темы.

Изменилась ли их ситуация теперь, когда они — как и их сограждане — нашли себя под обломками рухнувшей империи, еще вчера казавшейся построенной на века? В ситуации новой смуты они постигают музыку разрушения, превратившего в трагедию не только их жизнь, но и жизнь тех, кто постоянно оставлял их без внимания, приспособив свою эстетику и мораль к куцым формам коммунистических догм. На сцене Коллизия этих несчастных драма особенно невыносима. Это оцепенелое опустошенное одиночество довременного мира, пережившего время и не сумевшего извлечь из него пользы или исторических уроков.

Четыре художника, представляющие московскую школу, принадлежат к разным поколениям, но работы всех четырех, сделанные за два последних десятилетия, обнаруживают привязанность к традициям национальной культуры и вдумчивый подход к проблемам истории и истории искусства.

Ламм и Немухин, учителями которых были художники русского авангарда Яков Чернихов (у Ламма) и Петр Соколов (у Немухина), обращаясь к символам и кодам, отвергнутым русским искусством после 1930-х годов, с успехом возродили в своем творчестве утраченный язык, необходимый для закономерной эволюции национальной

культуры.

Наталья Нестерова и Николай Филатов начали работать в годы, совпавшие с самоутверждением советского альтернативного искусства. Почти с самого начала в картинах Натальи Нестеровой социальный анализ общества выражается через бахтинский «выход в карнаваломистериальное пространство и время», присущий в прошлом Павлу Кузнецову и Александру Тышлеру. В отличие от Нестеровой Николай Филатов прошел через увлечение экспрессионизмом, из недр которого выступает фигура футуристического персонажа 1920-х годов. В филатовском театре этот сценический герой, напоминающий персонажей романа Евгения Замятина «Мы» — в сценической интерпретации Александра Родченко (1919 год), — появляется в начале перестройки, когда многим московским интеллектуалам казалось актуальным возвращение на круги своя, к утопическим мечтаньям русских футуристов, разбившимся вдребезги о советскую реальность.

Инсталляция Л.Ламма «Седьмое небо» (1973—1986) обыгрывает образы первых землян, впадших в грех и изгнанных из рая, но одержимых водворением в потерянный рай. Обратный путь персонажей трактуется художником как ритуал, разрешающий противоречие между мифом и реальностью. Их (персонажей) иллюзии о седьмом небе не выходят за пределы стандартного мышления, отчего мечты о рае вполне осуществимы.

Вместе с тем история персонажей «Седьмого неба» весьма банальна и не исключает ежедневных проблем политики, религии, секса и пр. Независимо от того, что почти в каждой теме инсталляции мы находим автопортрет художника, она не является только автобиографическим

повествованием. Напротив, он стремится подчеркнуть, что его личная судьба связана с кругом его современников, таких же изгоев в царстве ирреальности, где обжитый райский сад оказывается безотрадной пустыней. Безликие персонажи Ламма — наследники героев Малевича, символизировавших обезличенные фантомы коллективизации рубежа 1920—1930-х годов, — как и было задумано футуристами, оторвались от земли, унеся в поднебесье свое приземленное мышление.

Белая абстрактная форма, постоянно меняющаяся от одной композиции к другой свои размеры и очертания, — символ «седьмого неба». Вычисленная с помощью математических формул, она и становится мерой свободы и не-свободы, иными словами, теми «реальными» параметрами и ориентирами, при помощи которых Ламм помогает своим героям перемещаться в пространстве «седьмого неба» — той метафорической высоты, которую безуспешно стремились освоить мечтавшие о счастье предшественники художника.

Серия картин Владимира Немухина «Бубновый валет» (1988—1989) также является рефлексией художественного пространства, в котором обитал русский авангард. Чем привлечено Немухина небольшое сообщество игроков-анархистов «Бубновый валет», бросивших беспощадный вызов устоявшимся традициям периферийной неподвижности огромной России? В большей степени, возможно, сходством с собственной судьбой — нежеланием мириться с соцреалистическими канонами, которые вызывали у него такое же раздражение, как у бубновалетовцев критический реализм передвижников.

Азартному игроку Немухину, начавшему свой путь с живописных импровиза-

ций пасьянсов, футуристические мистификации дали возможность рассказать больше о человеческом опыте перед лицом истории. Не случайно его безрукие «валеты», так и не сумевшие разглядеть лицо и характер своего времени, остаются в плену фантастических шуток, таящих в себе предчувствие катастрофы. Гонимые революционным духом беспредметности, из которой они выковали свои «формулы величия», они толкали себя в странное пространство, где нет ничего позади и ничего впереди, кроме сонма чистых знаков, поющих дифирамбы смутному, сумеречному настоящему. Художник бросает вызов жизни, считая, что его искусство может обуздать ее, дав свое идеальное направление.

Как ни парадоксально, железный комок воли преломляется в магическом кристалле. Живописная легенда ложится на лицо вальета, подвергая его жестокой метаморфозе. Вальет трагикомичен, смешон, он раб и шут своего церемониала. От этого туловище с маской обретает второй план — план, спроецированный во внешний мир, но как бумеранг вернувшийся обратно. Вместе с тем трагедия немухинского театра иллюзорна. На самом деле, пародируя своих персонажей, он ловко уводит их в пространство карнавала, увенчанного масками трагического смеха, которые, тем не менее, не заглушают возглас «Смерть тебе, сеньор отец!».

А вот карнавалый смех Натальи Нестеровой раздастся из преисподней. Тем не менее череда нескончаемых забранных видений ведет к мысли о смене-обновлении, приходящей через смерть, через «сжигание ада», которое Нестерова стремится ускорить. Она втягивает в пространство карнавала реальную окружающую жизнь, быт, нравы постимперского времени, когда

прошлое разрушено, а новое еще не выстроено. Трансформации реалий она выражает с помощью магических метаморфоз, судорожных сигналов странного заклинателя, злого волшебника, вызывающего мятеж в природе.

Если у Нестеровой источником карнавала являются «сновидения», то у Николая Филатова — футуристическая сцена русского авангарда: группы мечтателей, устремленных в своем неуемном «танце» в будущее. Их обозначенные красным фигуры-формулы запечатлены Филатовым в последний момент бесчеловечного подвига, который они «выполняют честно, геройски», в фанатическом экстазе прыгая в бездну неизвестности. Прибегая к иконографическому материалу, соответствующему времени Октябрьской революции, Филатов принимает как бы аргументацию Николая Бердяева: «Революция всегда есть в значительной степени маскарад».

Таким образом, каждый из представленных на выставке «Драма или Карнавал?» художников, так или иначе оперируя национальными кодами культуры, по-своему сосредоточен на «вечном возвращении». Воспроизводя иллюзии предшественников, они стремятся переоценить с позиций своего времени их опыт, вынося национальную драму истории и культуры на сцену мистерии. Вглядываясь в своих прародителей, скрытых карнавальными одеждами, они узнают видимые и невидимые истоки сверхчеловеческих амбиций, толкнувших страну на край пропасти, и отчаянно ищут для себя органической защиты, которая и является сегодня их главным вдохновением.

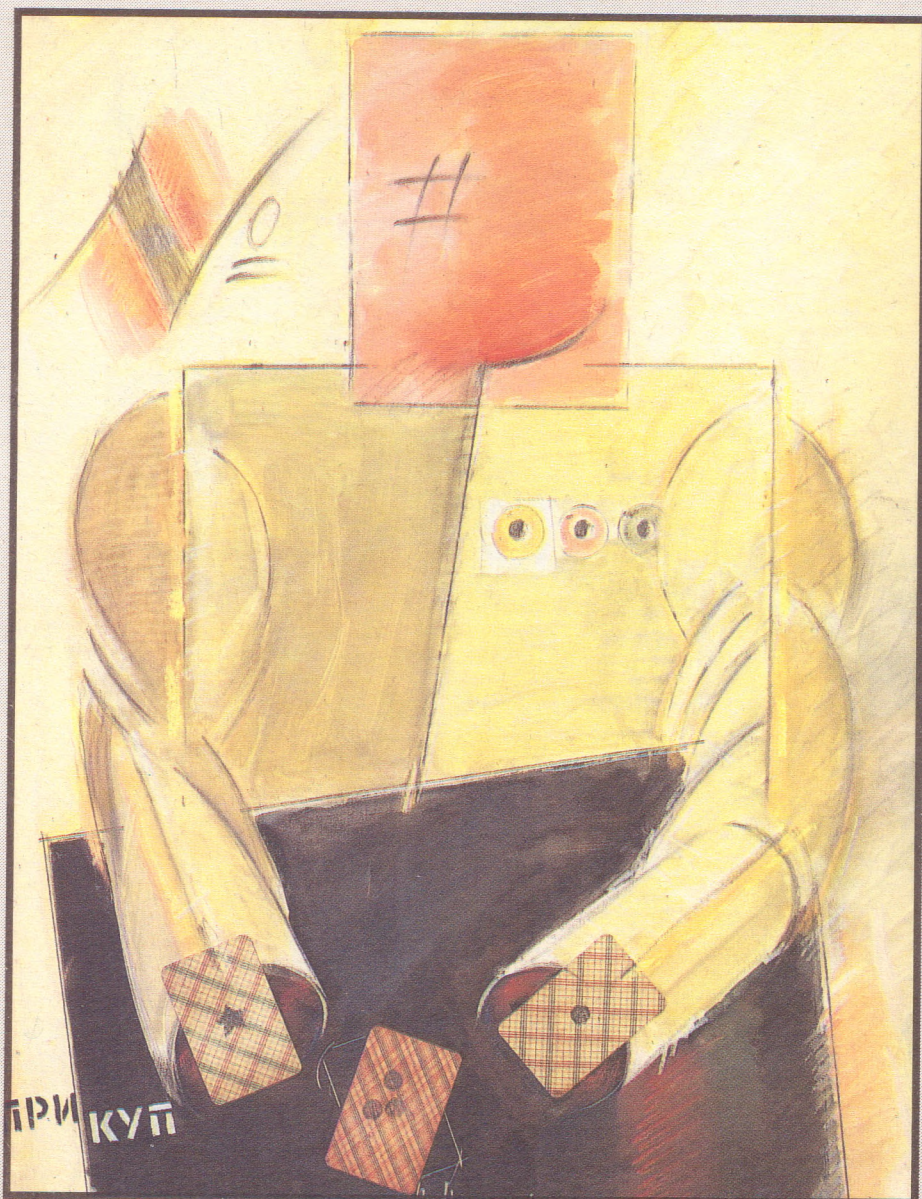
Инесса ЛЕВКОВА-ЛАММ

Балтимор—Нью-Йорк

Леонид ЛАММ. Апокалипсис
Из серии «Седьмое небо»

Николай ФИЛАТОВ. Музыкант

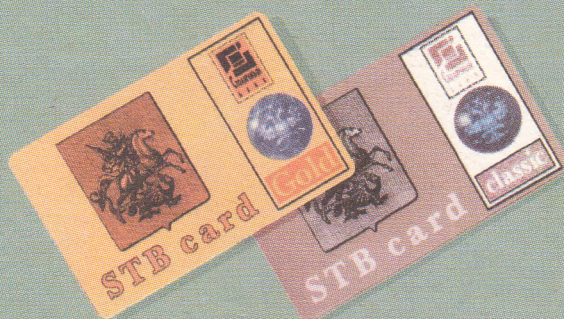

Владимир НЕМУХИН. Бубновый валет

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК